

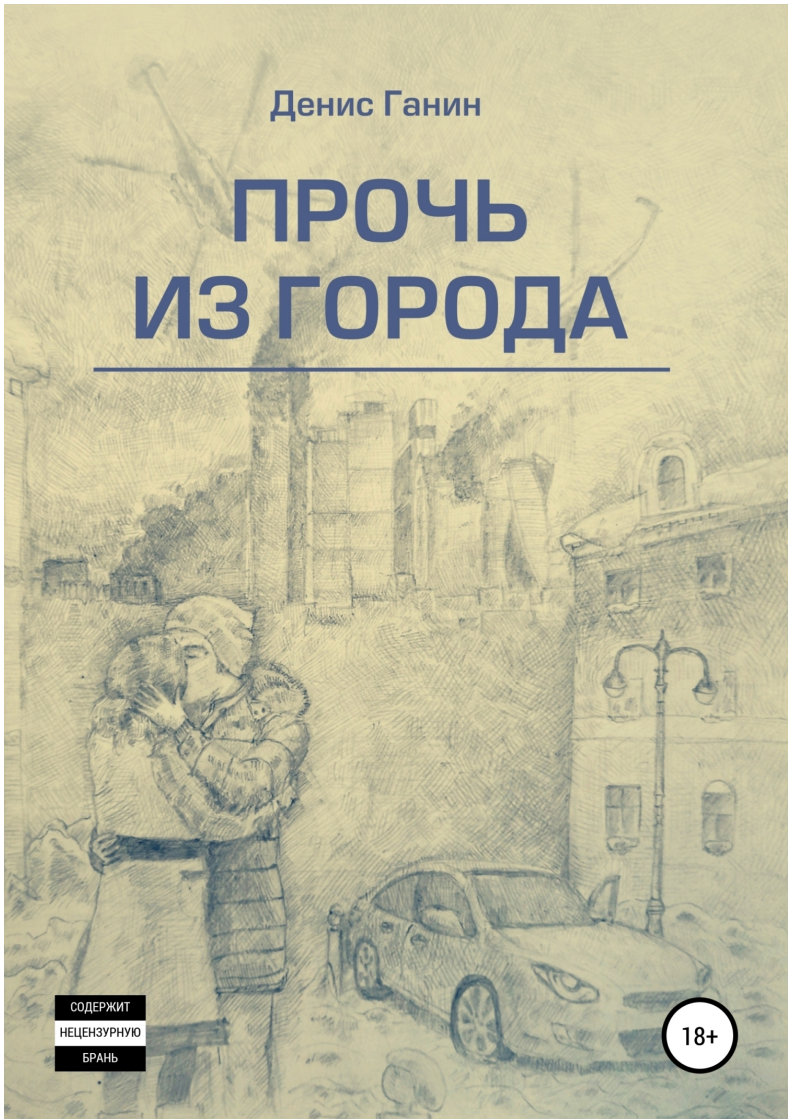
Денис Ганин

ПРОЧЬ ИЗ ГОРОДА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Денис Ганин

Прочь из города

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63628881

SelfPub; 2021

Аннотация

Февраль-март 2021 года. В Москве холодная снежная зима. Алексей Ропотов – успешный менеджер по продажам, муж, отец двоих детей. В стране экономический кризис, фирма Алексея на грани банкротства. Горстка мятежников-патриотов совершает покушение на Президента. Стечение обстоятельств приводит к полномасштабной техногенной катастрофе. Москва погружается во мрак. Все системы жизнеобеспечения города одна за одной выходят из строя. На фоне активизации мятежников власть теряет рычаги управления. Чиновники и олигархи спешно покидают страну. Брошенные на произвол судьбы москвичи испытывают лишения. В городе начинаются пожары и грабежи. Алексею и другим героям книги приходится каждый день бороться за выживание. Но далеко не всем это удастся. Единственная спасительная идея – вырваться из города. Удастся ли сделать это Алексею, его родным и близким, и что, в конечном итоге, произойдет со страной, вы узнаете, прочитав книгу. Неужели всё описанное может обрести реальность?

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Денис Ганин

Прочь из города

Пятый Ангел вылил чашу свою на престол зверя: и сделалось царство его мрачно, и они кусали языки свои от страдания...

(Откровение Иоанна Богослова, 16:10)

Вместо вступления

В тот год в Москве установилась очень холодная, снежная зима. Причем такой она стала только в самом начале февраля. Декабрь и январь были для всех уже привычно тёплыми, когда небольшое похолодание сменяла такая же непродолжительная оттепель, и всё вновь и вновь повторялось. Эта «европейская» мягкая зима давала москвичам, особенно молодежи, возможность пренебрегать тёплыми вещами, а также ощущение близости к зарубежной Европе, и, что удивительно, но люди уже немолодые, родившиеся и выросшие еще в СССР, вспоминали, что «вот раньше, в то ещё время, зима была как зима, не то, что сейчас».

Глубокие сугробы и высоченные кучи наспех собранного и совершенно не вывозившегося снега чрезвычайно затрудняли движение в городе, особенно автомобильное. И если на основных московских автомагистралях ещё убирали снег,

хотя полполосы справа и столько же слева местами всё-таки были утрачены для движения, во дворах дело обстояло гораздо хуже. Дефицит парковочных мест, особенно проявлявшийся после восьми часов вечера, стал уже обыденным для горожан, спешащих с работы домой. Но вот заваливший дворовые проезды и обочины снег вынудил многих просто-напросто отказаться от привычного им комфортного передвижения на личном авто, одеться потеплее и, кряхтя и проклиная пиковую толчею, а заодно с ней и московские власти, пересесть на и без того битком набитый общественный транспорт. Временно же брошенные своими хозяевами машины изо дня в день скрывались под всё новыми и новыми слоями падающего тяжёлыми хлопьями снега, теряя свои индивидуальные черты «хёндэ», «фордов» и прочих «мазд» и сливаясь с окружающим их безжизненным пейзажем. И только совсем немногие из этих машин продолжали заботливо чиститься их хозяевами, все ещё планирующими поездку в ближайшие выходные в супермаркет за недельным набором провизии, несмотря на то, что выехать из снежного плена такая, пусть и почти полностью очищенная машина, без помощи трактора или пары дворников уже не могла.

Бедные дворники, с ужасом наблюдавшие сменяющие друг друга и бьющие очередные рекорды снегопады, в первое время решительно ничего не делали, потому что по привычке и в отсутствии команды начальства ожидали, что снегопад вот-вот закончится, и снег сам собой растает; потом, когда

уже начался аврал, они ничего не делали, вернее, делали, но из-за такого объема выпавшего снега результатов их работы не было даже заметно. И уже потом, когда новый снег перестал падать, а выпавший до него совершенно отказался таять, но, напротив, сбился, слежался, утрамбовался, превратившись в почти ледяную глыбу, их, спешно усиленными такими же, как они, узбеками и киргизами, непонятно откуда вдруг взявшимися в таком количестве в городе, бросили скалывать весь этот снег теми же примитивными приспособлениями, как и их бесполезно-надежные лопаты. Простой отрезок трубы с приваренным к одному из его концов топору – вот и всё приспособление. И не важно, что это адская работа – долбёжка, от которой после получаса поступательных движений перестают слушаться руки, и не важно, что результаты этой долбёжки прибавляют глубокие шрамы и сколы на асфальте и бордюрном камне. Главным было то, что льда и снега на дорогах становилось всё-таки меньше, что пройти и проехать стало легче, а поскользнуться и упасть – наоборот сложнее. И вечно ворчащие, и недовольные всем и засильем азиатов на улицах, в частности, москвичи, давно уже позабывшие, каково это – самим махать лопатой и колоть лёд, подобному и даже с благодарностью нехотя искоса поглядывали на этот жужжащий на чужом для их уха языке улей, когда каждые утро и вечер проходили они мимо вереницы дворников, поглубже укутываясь в свои шарфы и воротники и стараясь ненароком не помешать их однообразной, но столь

нужной всем работе.

Несмотря на все предпринимаемые коммунальщиками усилия, горожанам уже стало очевидно, что Москва и, в первую очередь, столичные власти к этой зиме оказались не готовы, потому что с простой снегоуборочной лопатой, даже в руках трудолюбивого вчерашнего дехканина ни с каким снегопадом не справиться, а городу позарез нужна техника, которой в нём в это время просто не оказалось, чтобы снег убрать, снег собрать и снег вывезти. Вот уж поистине, выпавший снег в Москве зимой: стихийное бедствие! Как, впрочем, и дождь летом. Вот и всё чаще утром работа в учреждениях и офисах и учеба в школах и вузах то и дело никак не думала начинаться из-за опозданий и разговоров, что кто-то где-то застрял, кто-то кого-то вытаскивал, кто-то что-то откапывал, а московского мэра со всей его армией «казнокрадов и бездельников» уже давно пора менять.

Пенсионеры, а правильнее сказать, те из них, кто после выхода на пенсию по состоянию здоровья уже не мог работать, а положились во всем на своих детей и внуков, просто не выходили зимой на улицу, боясь поскользнуться и неминуемо в таком случае сломать руку, ногу или, что хуже, шейку бедра, а, значит, обречь себя на страдания и денежные расходы, а в последнем случае – на медленное угасание и преждевременную смерть. Ведь уже много лет тротуары в Москве не посыпались обильно солью или песком, как это было раньше, – тогда, в прошлой жизни, то есть при совет-

ской власти.

Соль разъедала обувь, оставляя на ней белые, отвратительные на вид проявления, а песок был не в почете у коммунального начальства ввиду, наверное, его дешевизны: много-то с него в карман не положишь. Популярная в Европе мелкая гранитная крошка в Москве вообще не использовалась, вероятно, потому, что её, как это делается в европейских странах, нужно сначала разбрасывать, а потом, по весне, собирать и складировать до следующей зимы, что для наших начальников оказалось «уму непостижимо». Новомодные же химические реагенты, от которых так же, как и от соли, снег тает, но такого ущерба обуви не причиняет, попросту дороги, за их экономию главные коммунальщики получают премии, и плевать им по большому счету на москвичей и их поломанные ноги и руки!

Вот и получается, что большому снегу в тот февраль в Москве радовалась, пожалуй, только детвора. Громадины-кучи снега снова возродили из детской коллективной памяти захватывающие игры ещё советского периода: «Царь горы», «Крепость», катание с горок. И если раньше за неимением хороших ледянок в ход шли картонки, травмоопасные санки, школьные ранцы, а то и просто штаны и подошвы обуви, сейчас же самым популярным и относительно безопасным средством скатывания стала «ватрушка», называемая иначе – «плюшка», представляющая собой накачиваемую насосом резиновую воздушную камеру, вложенную в

прочный и яркий разноцветный чехол с хорошо скользящей поверхностью.

Форма надувной «ватрушки» удивительным образом напоминала это любимое многими хлебобулочное изделие с той лишь разницей, что в роли открытой творожной начинки здесь выступал розовощекий карапуз неопределенного пола, располагающийся аккуратно в срединном углублении «ватрушки», правда, до того самого момента, пока на крутом ухабе посреди спуска он не вылетит из своего ложа под дружный смех таких же румяных карапузов и охи и вздохи облегчения его и их родителей.

Шёл только начавшийся в очередном пьяном угаре и под грохот фейерверков первый год нового десятилетия. Москва представляла собой громадный муравейник из муравьёв-москвичей и бесконечным потоком всё прибывающих в него гостей столицы, так и норвящих под любым предлогом остаться здесь, превратившись в таких же муравьёв. И по мере того, как росло население столичного мегаполиса, пустела и вымирала остальная территория страны.

Все, кто хоть что-то хотел изменить в своей жизни к лучшему, добиться успеха, достатка, справедливости, кому осточертел вездесущий бардак и непроходимая безнадёга, кто стремился к элементарному порядку, да и просто мечтал вырваться из бесконечной черной полосы неудачи, словом, все те, кого категорически не устраивала окружавшая их среда, – даже не пытался её изменить, приложив собственные

усилия, но приходил к единственному для себя выходу: сменить эту среду на более комфортную, то есть уехать. Свалить. Убежать. «Хоть чучелом, хоть тушкой», но отсюда. И туда. Туда, где лучше, где светлее и теплее, где больше платят и зимой убирают снег, где есть садик, поликлиника, школа с бесплатными вкусными обедами, институт, нормальные дороги, фонари, Интернет... И бросив к чёртовой матери всё, что их годами окружало, чем жили они и с кем общались, окунались они в новый для себя мир, обрастали новыми вещами и связями. А потом через какое-то время с горечью осознавали, что и здесь – на новом месте – всё то же самое, и нет для них никаких перспектив.

И снова переезжали они дальше и дальше. Пока не оказывались здесь, в Москве, на самом носу этой громадины «Титаника» площадью с одну восьмую суши, которая медленно, но верно уже погружалась своей кормой в холодные и крошечные пучины бескрайнего океана. И невдомёк им было, что нос этого «Титаника» также обречен, как и весь корабль, а дни их спокойной и размеренной жизни, увы, сочтены.

Пока же ничто в городе не предвещало беды. Хотя всё к ней и шло.

Глава I

В тот роковой февральский день было особенно холодно. Столбик термометра опустился ниже двадцати пяти граду-

сов по Цельсию. В офис, где работал Алексей Ропотов, неторопливо шёл запыхавшийся народ. Рабочий день в офисе начинался в девять утра, но на часах уже было 09:20, а большая комната, где сидело обычно девять человек, была все ещё наполовину пуста.

Дверь распахнулась, и, матерясь на чем свет стоит, в комнату ввалился Кирсанов, с шумом отстукивая каблуками и отряхивая перчатками снег с куртки и шапки. Это был сорокапятилетний, неопрятного вида, поджарый и чуть лысоватый мужчина ростом под метр девяносто, с вечно висевшими на кончике его длинного носа очками. Зрение его было ещё вполне неплохим, но читать вблизи ему уже было трудно. Поэтому и пользовался очками он только когда что-то читал. Когда же Кирсанов разговаривал, он смотрел на собеседника поверх стекол своих очков, при этом у последнего всегда возникало ощущение, что очки вот-вот соскользнут и упадут. И в определенных ситуациях это давало Кирсанову некоторое, пусть и незначительное, но преимущество: его собеседник сосредотачивал своё внимание на очках, отвлекаясь от темы разговора. А в споре, да ещё и на повышенных тонах такая заминка иногда могла стоить победы оппоненту Дмитрия Николаевича. Впрочем, ни сам Кирсанов, ни тот, кто с ним спорил, даже и представить себе не могли, что вся штука именно в этих очках и есть.

– Ты что, Дим? – коротко спросил друга уже пришедший на работу Алексей.

– Да ничего... достали уже! – продолжая материться, ответил Кирсанов, – представляешь, пока в метро ехал, мне штраф прилетел на «Госуслуги» за неправильную парковку, так их мать! А я ведь ничего не нарушал! И всё это снег проклятый... Когда же, наконец, он растает-то?

– И причем же здесь снег, Дмитрий Николаевич? – спросила Кирсанова чуть громко Ольга, его молодая и незамужняя сослуживица.

– Ой, простите, Оленька, я тут наговорил всякого, – Кирсанов удивленно и неловко перевел взгляд на Ольгу. – Просто снегом завалило всю разметку, а проезжавшая штрафмашина сфотала моего «Мустанга», как будто он уже был за пределами бесплатки. Но я же отчетливо помню: в субботу, когда я его там оставлял, такого не было, чётко это помню, – не унимался он. – Да я обжалую этот штраф! Хрен они получают, а не мои кровные целковые!

«Мустангом» Кирсанов любовно называл свой старенький «Форд Фокус», у которого был пробит выскочившим из-под колеса камнем ржавый глушитель; денег на ремонт у Дмитрия Николаевича вечно не было, зато звук, издаваемый «Фокусом», стал практически такой же, как у его настоящего спортивного собрата, «Форда Мустанга».

– Да брось ты так возмущаться, – вставил Алексей, – подумаешь, трёшку заплатишь, пока действует половина, а на разборы с этими гнидами только нервы и кучу времени потеряешь. Я вон в прошлом месяце два таких же спорных штра-

фа оплатил: за своего «Соляриса» и за Ленкину «Паджеру», уже забыл про это и не парюсь.

– У вас с Леной, видно, деньги есть лишние, а мне вот да, жалко этим сволочам свою трудовую копейку отдавать, – продолжал Кирсанов.

– Знаешь, у нас они тоже не лишние. Только я уже напрыгался с этими жалобами. По мне главное: чтобы тачку не эвакуировали, вот это действительно будет геморрой, и денег в разы больше! – продолжал парировать ему Алексей. – Твой «Форд» хоть и старый, зато симкой не оборудован. Вот мой «Солярис», когда я его в прошлом году новым в кредит брал, уже по этому закону с джиэсэм-картой продавался. Так она же сама, эта симка, на меня теперь и стучит: штрафы автоматом с зарплатной карты списываются: и за скорость, и за разметку. И камеры этой сволочи уже не нужны. Всё, засада полная! Так что радуйся, дружище... пока.

– Радуюсь, радуюсь... Только и делаю, что радуюсь. Особенно, когда мне надо внутрь Садового кольца попасть. Туда-то на моём «Мустанге» путь заказан. С начала прошлого года с «Евро-3» если туда заедешь, первая же камера тебе 500 рэ штрафа пришлёт. Вот я и радуюсь с тех пор: машина вроде у меня есть, и как бы у меня её нет. Здесь ездят, здесь не ездят. Зашибись!

– А ты на каршеринг переходи, – засмеялся Алексей. – На их машинах уже новые двигатели стоят, не ниже «Евро-4».

– Смейся, смейся, – обиженно возразил ему Кирсанов. –

Посмотрю я на тебя, когда в Москву будут разрешать только на электрокарах заезжать. А ведь всё к тому и идёт.

– Коллеги, а что вы их, парковщиков и власти московские так ненавидите? – снова вмешалась в разговор двух приятелей Ольга. Я вот, например, до работы добираюсь на метро и пешком хожу, ножками. Как по мне, так эта платная парковка порядок хоть в городе навела: и припарковаться сейчас можно в центре днём, и на такси по выделенке, если вдруг приспичит, быстро добраться. А благодаря этим новым экологическим ограничениям в центре города теперь и воздух другой. А вообще советую вам: бросайте вы эти свои тачки и айда с простым народом на метро.

Комната в ту же секунду наполнилась задорным смехом этой молодой и беспечной женщины.

Алексей и Дмитрий, слегка поморщившись, на этот раз ничего не стали возражать, при этом каждый из них вспомнил свою историю знакомства с Ольгой, когда она, ещё вчерашняя скромная студентка, пришла четыре года назад устраиваться на работу в офис их фирмы. История Алексея была, пожалуй, пикантнее. Но об этом позже.

Ольга была женщиной, что называется, в самом соку; симпатичная, среднего роста, нормального телосложения, с короткими тёмными волосами и карими глазами. Но в этих самых глазах, широко раскрытых и окантованных длинными ресницами, как будто жил какой-то чёртик, который то и дело заводил и будоражил хорошо знавших Ольгу мужчин,

как бы предлагая им поиграть в опасные игры-гляделки, но вот женщин, особенно тех, что были старше её по возрасту, он напротив заставлял нервничать, проявлять необъяснимое даже им самим беспокойство, будто Ольга и есть та самая роковая брюнетка, чьё появление способно вдребезги разбить их сложившуюся размеренную жизнь, и которая именно у них легко при желании отобьёт их единственного драгоценного мужчину. Отсюда-то и проистекали все проблемы Ольги в общении с коллегами-женщинами. Только давно уже немолодая Надежда Викентьевна, старейший сотрудник отдела Алексея, много лет назад потерявшая семью и надежду обрести её вновь, единственная из всего женского коллектива фирмы по-доброму, даже по-матерински относилась к Ольге. Во всех производственных и житейских спорах Арпенина – так была фамилия Надежды Викентьевны – неизменно занимала сторону своей подопечной. Мало того, периодически подкармливала её и давала по-настоящему ценные советы. Только с Надеждой Викентьевой и была откровенна в рабочее время Ольга.

– Оленька, подойдите, пожалуйста, посмотрите, что тут у меня есть для Вас, – украдкой подозвала Арпенина Ольгу.

– Да-да, Надежда Викентьевна, – отозвалась Ольга, – уже иду.

Крупное спелое розовое с зеленым яблоко неожиданно появилось из большой, выдавшей вида кожаной сумки Арпениной. На лице Надежды Викентьевны проступила легко

уловимая торжествующая улыбка:

– Угощайтесь, Оленька!

– Ну, зачем Вы, ей Богу? – воскликнула Оля, округляя свои и без того большие красивые глаза, – Вы меня просто балуете, Надеждочка Викентьевна... Ой, какое яблочко! – при близком знакомстве с яблоком лицо Ольги вдруг озарила неподдельная широкая улыбка, белые её ровные зубы показались, что называется, в полный рост.

– Спасибо! – слегка облизнув свои тонкие губки, Ольга с громким хрустом стала откусывать у яблока один за другим большие и сочные куски, попеременно морща глаза одновременно и от удовольствия, и от гримасы, и от наполняющей рот кислоты.

Эти звуки вызвали лёгкое оживление в комнате. Алексей и Дмитрий невольно оторвали свои глаза: один от экрана монитора, другой – от смартфона. Бросив короткий взгляд на Ольгу, Кирсанов ухмыльнулся, а Алексей даже при этом фыркнул: не то от удовольствия лицезрения красивой женщины в её природном естестве, не то – от нахлынувших на него, ещё не успевших уснуть воспоминаний.

– Приятного аппетита! – торжествующе произнесла Арпенина, – и зачем Вы так с ними спорите, Оленька? С мужчинами лучше всегда соглашаться, а делать – всё равно по-своему, уж поверьте моему опыту, – уже чуть слышно и, немного наклоняясь в сторону Ольги, закончила она.

Прошло почти два часа. В офисе уже собрались все со-

трудники фирмы, не доставало лишь заболевшей ещё на прошлой неделе Марьясовой и ушедшего с понедельника в отпуск по семейным обстоятельствам Сидоренко. Все обитатели комнаты работали в двух отделах фирмы: отделе продаж, возглавлял который Алексей, он же Алексей Евгеньевич Ропотов, и отделе закупок, начальником которого был его друг, Дмитрий Николаевич Кирсанов. Бухгалтерия, остальные специалисты и руководство фирмы: генеральный директор и основной её владелец Кольцов Михаил Андреевич, а также его заместитель Николай Павлович Авдеев, у которого был небольшой пакет долей фирмы, располагались в других комнатах офиса, который в этом здании уже шесть лет арендовала фирма Кольцова. Что же до бизнеса, которым она занималась, – это была торговля климатическим оборудованием, в основном, промышленными вентиляторами и кондиционерами. Дела у фирмы последнее время, прямо говоря, были неважными.

Глава II

Алексею было четырнадцать лет, когда он впервые столкнулся лицом к лицу с бедой. Мама Алексея, Светлана Георгиевна Ропотова, в девичестве Полетаева, внезапно заболела и вскорости умерла. Отец же его, Евгений Владимирович, помаялся вдовцом с годик, помаялся, да и женился повторно. Вот только общего языка Алексей со своей мачехой так и

не нашёл. Молодая властная женщина, грубая и бестактная – ни в какое сравнение не шла она с мамой Алёши – сразу невзлюбила пасынка.

А что отец? Новая супруга быстро заменила ему все прежние радости, сняла с него все печали, все заботы, в том числе и о внезапно осиротевшем сыне. Были у мачехи ещё две дочери от прежнего брака, но они хоть и были моложе мальчика, в своём отношении к нему повторяли свою мать.

Вот так холод, безутешность и гнетущее одиночество воцарились в душе Алёши. Иногда залезет он, всеми ругаемый и гонимый, в платяной шкаф, накроется с головой материнным ещё платком, и давай из себя слезу гнать. Да вот только одна слеза скупая и выходит. Вроде и хочется маме пожаловаться, припасть, поплакать ей в коленки, пересказать все обиды, обнять покрепче и так долго-долго не отпускать, а образ её никак предстать перед Алёшей не может, как будто и не было её у него вовсе. Посидит-посидит так, да и выйдет из своего прибежища. А куда деваться-то?

Прошли годы взросления и учёбы Алексея. Возмужал и пообтёрся он об острые грани непростой жизни. Закончил школу, сам поступил в институт. Благо, упорством и усердием вдоволь наделила его покойница-мать. Скоро в его жизнь вошла и она: Лена.

Как-то в перерыве между парами подсела к нему в институтской столовой девочка одна, робкая вся, скромная, лицо в прыщиках. Спросила разрешения, он кивнул. Алексей в

тот день один в столовку заскочил, товарищи его уже перекусили и на пару следующую побежали, а он перед этим реферат распечатывал и на кафедру бегал его сдавать, вот и задержался.

Смотрит Алексей украдкой на девчущку эту, а она его в упор не замечает, вся в книгу ушла. Так и сидит: в одной руке книжку держит, другой бутерброд в рот пихает, читает и давится.

«Где же я её раньше-то видел? Хоть убей, не помню!», — думает, вспоминает Алёша. И чем дальше думает, тем больше нравится она ему. Осмелел совсем, да и компот ей свой предложил: бутерброд запить. Тут только и обратила девушка на него внимание. А как встретились взгляды их, один с другим, как пробежала между ними искорка, так и возникло с того самого момента чувство сильное, новое. И для него, и для неё тоже.

Стали Алексей с Леной встречаться. Да так увлеклись друг другом, что ни дня врозь находиться не могли. Даже за ручку ходить стали, уже никого не стесняясь. Лена тогда с родителями своими жила в Люблино, они научными работниками были. Папа её лабораторией заведовал в одном НИИ химическом, а мама — в техническом вузе преподавала. Полюбили они тогда Алексея, как сына своего, радовались каждому его приходу в их дом. Да и он рад бывать у них почаще: дом-то отчий так и стал ему чужим с тех самых пор, как мать умерла.

Лена училась на два курса младше Алексея, к тому же на другом факультете и в другом здании института, а в основное здание, где проходила его учеба, навещалась нечасто. Вот в один такой день и пересеклись их пути-дороги.

Через полтора года знакомства с Алексеем Лена забеременела и доучивалась, уже будучи в положении. Роды проходили тяжело и долго. Виной всему узкий таз Лены, а ребёнок-то крупный получился. Потеряла она много крови, но с акушером повезло. Доктор добрых пять часов бился за Лену и её первенца, и, в конце концов, его труды были вознаграждены: на свет появился новый Ропотов, а молодые родители обрели новые смыслы, как, впрочем, и новые заботы.

Глава III

Серёгин сидел на заднем сидении большого чёрного лимузина. Впереди, на пассажирском месте восседал полковник президентской охраны Нечипоренко, периодически обращавшийся с чем-то к водителю. Что он ему говорил, и какие получал ответы, слышно не было, да и Серёгину это было неинтересно. Он не прислушивался к разговорам, полностью будучи погруженным в свои мысли.

Слева от Серёгина, вооружившись планшетом, расположился молодой Юсупов. Тот постоянно тряс правой ногой и тем самым медленно выводил Серёгина из себя. Серёгин попытался отвлечься от ноги Юсупова, вспоминая вчерашний

вечер. Вчера поздно по телевизору показывали «Жестокий романс», и Серёгин смотрел фильм до конца, хорошо зная при этом, чем тот закончится.

Юсупов, уходя вчера вечером от Серёгина, просил того выспаться как следует, но Серёгин проигнорировал эту его просьбу. Ему ещё нужно было выучить отдельные фразы на завтра и последние цифры, переданные из Экспертного управления, и это он худо-бедно вчера успел сделать, в основном, когда фильм прерывала реклама. Сейчас же ему нужно было только всё вспомнить и мысленно повторить.

«У нас сохраняются темпы роста ВВП в пределах одного и двух десятых процента... Объём золотовалютных резервов Центрального банка благодаря бюджетному правилу вырос на шесть с половиной миллиардов долларов с начала года и продолжает расти... Рост реальных доходов населения, по данным Росстата, составил за прошедший год пять целых и три десятых процента... Размер отцовского капитала мы увеличили с первого декабря прошлого года на девять тысяч рублей, а пособие в связи с рождением третьего ребенка в семье – на четыре тысячи... Размер подоходного налога с первого мая будет снижен с восемнадцати до шестнадцати с половиной процентов... шкала по-прежнему останется плоской... от этого завоевания мы не будем отказываться... Введенный в начале прошлого года НДС при покупке иностранной валюты будет уменьшен уже со следующего года на три процента... При этом наши граждане, выезжающие за

границу на отдых, в командировку или по приглашению, как и прежде, будут освобождаться от уплаты НДС в пределах суммы, не превышающей тридцати тысяч рублей, разумеется, при наличии у них ранее приобретенных билетов, которые вместе с билетами или посадочными талонами необходимо направить в налоговую инспекцию по месту жительства... Это также можно сделать теперь и через многофункциональные центры и ставший таким популярным портал «Госуслуги»... В прошлом году страна окончательно вышла из затянувшегося экономического кризиса и готова, ответственно это вам заявляю, к энергичному рывку, к реальному прорыву... Правительство ежемесячно отчитывается мне по всем майским и теперь уже новым сентябрьским указам Президента, и я, так же, как и все вы, вижу здесь неоспоримые успехи...», – перебирал в голове Серёгин.

«Робинзон, Робинзон... Вот для таких случаев-то, господа, Робинзоны и нужны...», – перед глазами Серёгина неожиданно возник усатый Сергей Сергеевич Паратов в исполнении всеми любимого народного артиста.

«Вот и я такой вот Робинзон!.. Как гадко... Неужели ничего большего я не достоин? А как же так и несыгранная роль Гамлета?», – перебил он свои стройные, заученные фразы из предстоящего доклада.

«Робинзон – вот кто я, вот мне имя... вот моя роль!», – Серёгин в этот момент поморщился и негромко выругался.
– Что с тобой? Не выспался, что ли? – повернулся к нему

Юсупов.

– Так, ничего... нормально всё, – многозначительно ответил Серёгин, отвернулся в своё окно и громко и протяжно вздохнул-выдохнул.

– Не забудь, послезавтра ещё у нас с тобой съёмки в первой студии. У тебя по очереди будут четыре губера, один из них: новый, только что назначенный тобой. Говорить почти ничего не надо будет. В сюжеты только картинки попадут, на две недели разбросают потом. Так что будешь только сидеть, проникновенно на них смотреть, как ты умеешь, и кивать... Да, галстуки только поменяют тебе.

– Да... Помню, – не поворачиваясь к Юсупову, промолвил Серёгин.

«Вот козёл... Господи, хорошо, что они меня ещё в прорубь не заставляют окунаться с моим-то ревматизмом или летать на истребителе за журавлями», – сумбурные мысли не оставляли Серёгина в покое. Ему было как-то тревожно с самого пробуждения сегодня утром. Что-то явно тяготило его, но что – он понять не мог.

Кто там окунался в прорубь, и кого показывали в кабине истребителя, а ещё за рулем КамАЗа и на дельтаплане, кто восхищал всех своим знанием иностранных языков, носился по ночному льду с клюшкой и играл на пианино – Серёгин точно не знал, но то, что это был кто-то ещё из таких же, как он, двойников Президента, ему как-то проговорился Юсупов. Пойди проверь! Юсупов был специально прикреплен к

Серёгину и всегда на всех мероприятиях сопровождал его. Но на публичных встречах Юсупова никогда не было видно рядом с Серёгиным. Строгих, сосредоточенных на мелочах офицеров охраны в чёрных костюмах со скрученными в спираль проводами из-за уха – да, а Юсупова – никогда. Хотя его присутствие и ощущалось Серёгиным постоянно.

Во время таких встреч с народом Юсупов говорил с ним по дистанционной связи через передатчик, который Серёгину вшили под кожу в самом начале ушного слухового отверстия три года назад, когда брали на работу в Кремль. Помимо заученных Серёгиным докладов, цифр и фраз, ему ещё приходилось почти всегда отвечать на вопросы, вести живую беседу с аудиторией. Но не все из вопросов были заранее согласованы с Администрацией. Случались неожиданности. Вот на такие-то вопросы и отвечал Юсупов, а Серёгин только повторял его слова, послушно повинувшись голосу в ухе.

Он служил когда-то актёром в одном провинциальном театре, перебиваясь от серьезных драматических, но вечно второстепенных ролей к заказным корпоративам. Внешность его была невзрачной, а голос слишком тихим – вот главные роли и обходили его стороной. «Серая моль» – так тогда звали его коллеги между собой. Ну, и кто теперь моль? Знали бы они, кто он теперь и где.

Потом уже, когда выбрали нового Президента, ему стали всё чаще говорить, что он очень похож на Него. Сначала Серёгин не обращал на это внимания, посмеивался. Потом, ко-

гда говорить стали чаще, его это заинтересовало. Он начал втайне копировать Его. На корпоративах, где Серёгин стал участвовать по велению времени, ему теперь отводили короткие, но очень заметные роли нового Президента. Всех тогда очень забавляли его хлёсткие, уже успевшие запомниться по теленовостям фразы. И постепенно ему стало доставлять удовольствие это пародирование. Ему оно явно нравилось. Хотя практической пользы, кроме небольших дополнительных денег, и не приносило. Напротив, даже разочарование: там, на сцене, он был всемогущим властителем, упивающимся своим положением и всеобщим вниманием к своей персоне, а за её пределами, то есть почти всегда, – обычным гражданином, со своими обыденными проблемами и уже извечными вопросами: что он и его семья завтра будут есть, когда ему заплатят за выступление, и удастся ли ему сделать очередной платёж по кредиту.

Позже, когда новых ролей в театре почти не стало, а корпоративы сошли на нет по причине повсеместного кризиса, Серёгину пришлось туго. Денег на погашение взятой когда-то ипотеки и на учебу сына в местном вузе стало не хватать, давать ему в долг уже никто не мог: ни у кого свободных денег просто не было, ведь почти все вокруг него жили от зарплаты до зарплаты, а те немногие, у кого деньги ещё водились, отказывали, памятуя, видно, о том, как «в прошлом друзья», а то и даже «в прошлом родственники» кидали их, не возвращая долг и ссылаясь, как это принято, на обстоя-

тельства непреодолимой силы.

И вдруг однажды Серёгина заметили. Там. В Кремле. И предложили работу. И это стало для него настоящим спасением. Прямо-таки выходом. Решением всех проблем. По крайней мере, так ему казалось тогда.

Он быстро уволился из театра и переехал с семьёй в Москву. Там официально устроился в какую-то подставную фирму по проведению массовых мероприятий, с постоянными длительными командировками. Ему сделали пару несерьёзных косметических операций: подправили нос, уши, вживили передатчик, удалили на голове лишние волосы. От новой работы дали просторное служебное жильё в центре и машину с водителем-охранником. Ипотеку он погасил досрочно, квартиру в своём городе продал. Жену – такого же, как и он, служителя Мельпомены, долго уговаривать на переезд не пришлось. У неё с ролями в их захолустье было ещё хуже. В Москве же ей вообще не пришлось работать. Шопинг и регулярные походы в салоны красоты заменили ей абсолютно всё; голову у жены от вдруг свалившихся на них денег снесло напрочь. Сын перевёлся в московский универ, затусил и кайфовал от этого, превращаясь в такого же прожигателя жизни, как и его мать, постепенно утрачивая цели и смыслы. Своим же престарелым родителям, наотрез отказавшимся от переезда, Серёгины просто перечисляли деньги. В общем, все были довольны. Кроме, пожалуй, неё... – его совести. Но не сразу.

Совість стала мучити Серёгина где-то через год после переезда в Москву и получения новой, а по сути старой роли, теперь уже ставшей единственной и последней для него. Ведь он начал новую жизнь, образно выражаясь, смыв прежнюю в унитаз. Оборвал все связи с друзьями, перестал общаться с бывшими коллегами, сменил номер телефона. Новых же друзей не обрёл. Вообще. Да и откуда? Весь его новый круг общения состоял из служивых карьеристов, у которых не то, что ничего за душой, и души-то самой не было. Или она была спрятана у них где-то очень глубоко, так глубоко, что они и сами позабыли, где.

Расслабиться с этими людьми было нельзя, даже просто выпить за компанию, поговорить по душам. Какое-то постоянное дикое напряжение стало незримым спутником его новой жизни. Только и жди подвоха. Все вокруг друг на друга стучат, всюду установлены жучки и скрытые камеры. Расслабиться Серёгин не мог даже в своей жилой-рабочей комнате в кремлевском корпусе, даже в душе и туалете. То же самое было и дома, в семье, где он изредка появлялся, чтобы у домашних не возникало никаких подозрений на счёт его новой работы. Даже в квартире могли быть установлены скрытые технические устройства: доподлинно Серёгин этого не знал.

Общение с женой и сыном у него не складывалось. Каждый в их семье жил своей новой жизнью. С женой почти не было секса, как, впрочем, не стало и ссор, и скандалов, отнимавших раньше столько сил и нервов у обоих; сына своего он

почти не видел. Но самое ужасное было то его нестерпимое и подавляющее всё чувство, что он всех обманывал, притворялся, играл другого, и публика принимала его за этого другого. По-настоящему принимала. Взаправду.

Там, на корпоративах, все прекрасно понимали, что он – актёр, и аплодировали ему за то, что он хорошо играл свою роль. Здесь же хлопали не ему, а Ему. А он был никем, человеком без лица. Своего. У него теперь навсегда стало чужое лицо, Его лицо. И даже когда он смывал грим, чувство намертво приклеенной маски ни на минуту не покидало Серёгина.

«Продался за деньги, душу дьяволу продал, а счастье где?» – корил он себя в часы одиночества. И никакие оправдания: что так надо, так удобно всем, так нужно Родине, семье – не помогали ему. Он сам, без какого бы то ни было принуждения, без внешнего воздействия, по собственной воле уничтожил в себе личность, свою уникальность и неповторимость, своё Я. Стал вечной тенью другого. Его тенью. А Он ведь даже ни разу не удостоил его своим вниманием, ни разу не встретился с ним, не поговорил, ни пожал руки. Да и знал ли Он вообще о существовании его, Серёгина, последнему было не известно. Должен был знать, а может, и нет. И есть ли Он вообще? Может, и нет Его вовсе? Может, Он – это они, такие же, как Серёгин, Его двойники? А может, Его и не было никогда? Но кто же тогда руководит страной? Кто принимает важнейшие для судьбы страны и народа решения,

важнейшие для всего мира? Неужели Юсупов и такие же серые и бездушные референты, люди-функции, люди-должности? Эти мысли не давали Серёгину покоя уже почти два года. И от них становилось ему только хуже и хуже.

Они подъезжали к очередному месту проведения встречи с очередным коллективом очередного крупного из, увы, уже немногочисленных московских производственных предприятий. А ведь когда-то Москва считалась индустриальным центром огромной страны, столицей победившего пролетариата-гегемона, всесоюзной кузницей. Но это всё в далеком прошлом, оболганном, оплётанном, преданном не раз. Сейчас же в бывших корпусах некогда заводов и фабрик на крутящихся креслах раскачивались взад-вперёд офисные клерки и менеджеры, беспрестанно сновали они из кабинета в кабинет, долбили пальцами по клавиатуре и перекладывали бумагу из одной стопки в другую. Ещё часть бывших корпусов превратилась в склады, другие были разрушены, а часть – и вовсе опустела после того, как была покинута их последними обитателями: сотрудниками обанкротившихся частных фирм.

И все эти бизнес-центры охраняла целая толпа сторожей: здоровых, в полном расцвете сил мужиков, намертво приросших к своим протёртым до дыр и затёртым до грязи стульям на вахте, мужиков, когда-то рожденных их матерями для больших и созидательных дел, но, увы, реализовавшихся, в отсутствии нормальной мужской работы, исключитель-

но как пустоцветы на ветке. А была ли в том их вина?

Возможно, кто-то скажет: ну, да, ведь они же, ещё школьниками, просиживали вечерами на скамейках во дворах своих домов с пивом в руке, ржали под окнами, как умалишённые, и орали благим, да и просто матом. Где же тут стремление к учёбе, к достижениям, к целям? Кто из них мечтал о золотой медали, об институте, а потом и о карьере, большой зарплате? Да Бог с ним, с институтом! Кто из них хотя бы хотел получить хорошую рабочую специальность, поступить в техникум, освоить сложное оборудование, стать настоящим мастером, опять-таки, получать большую зарплату?

Кто-то возразит: а что вы хотите? Государственная система подготовки специалистов, система мотивации и страха перед общественным осуждением, которая была в СССР, в одночасье рухнула вместе с самим СССР, а родители этих школьников под натиском проблем и соблазнов просто не справились с задачей их воспитания. Школа же, ведомая новыми идеологами «от науки», сознательно отказалась от воспитания, сосредоточившись исключительно на упрощенном до тестов образовании как государственной услуге. Старых же учителей, приверженцев прежнего подхода к ученику и к знаниям, к широкому кругозору и критическому анализу, новая школа или исторгла из себя или подвергла жесточайшей переплавке.

Да и кто все эти сторожа и охранники, если разобраться? Почти все они приехали в Москву из близлежащих регионов:

Иваново, Орёл, Курск, Брянск. Москвичей или подмосковичей среди сторожей почти уже и нет. Приезжают в Москву такие гости столицы, как на вахту, на перекладных, за копейки снимают койки в дешёвых ночлежках-хостелах где-нибудь в Мытищах или Люберцах, отработывают пару месяцев и с деньгами – домой на несколько дней. А после: обратно на заработки в Первопрестольную. И зачем всё это, спрашивается им? Ни жизни нормальной, ни семьи. Да, просто, дома, в их регионе работы нет, а если и найдется, то платят за неё столько, что ни на что не хватает. То ли дело московские зарплаты. Пусть москвичам они и покажутся маленькими, но для курян или орловчан это деньги. Кормить же детей как-то надо.

Итак, впереди растянувшейся на километр вереницы машин ехал гаишный кортеж из нескольких автомобилей, за ними – пара бронированных внедорожников охраны, позади же величественного, отечественного производства, президентского лимузина шёл автомобиль радиоэлектронной защиты, мощная установка в котором подавляла всякие сигналы открыто распространявшейся связи. За последним следовали ещё две машины охраны, микроавтобус с придворными фотографами-операторами и подставными рабочими для первого ряда и пара замыкающих колонну гаишных «фордов».

Машиностроительный завод «Универсал» на севере столицы, который должен был посетить в тот день Серёгин, пока

ещё относился к военно-промышленному комплексу страны и выпускал сложное уникальное оборудование для армии и авиации. На площадке у въезда на территорию завода толпились люди, видимо, работники этого завода. Одежда и лица их были серы, улыбок на лицах не было. Снег, подгоняемый ветром, больно колот открытые части тела, заставляя людей щурить глаза, глубже прятать головы в куртки, шапки и капюшоны.

Разогревая себя легкими постукиваниями и притопыванием, стояли они так с девяти утра, как и было велено их начальством, а Президента всё не было и не было. Время тянулось медленно, на часах было уже чуть за десять, но из-за закрывавших небо каких-то грязных и грозных туч казалось, что уже наступил вечер, и Москву вот-вот опять поглотит неласковая, звенящая холодом и полная завтрашней неопределенности ночь.

Вот, наконец, и Он! После того, как перед раскрывшимися воротами, ведущими на территорию завода, развернулись и остановились чуть поодаль полицейские машины, а внутрь проследовали сначала одна, потом другая машины охраны, рольставень ворот неожиданно для всех стал закрываться. Причем не как обычно – медленно, а резко и стремительно. Водитель лимузина чуть замешкался и не успел сходу проскочить ворота, чудом избежав с ними столкновения. От резкого торможения пассажиры лимузина чуть не слетели со своих мест.

– Всё! Теперь! – сказал первый.

– Господи, прости меня, грешного, – прошептал второй.

Неожиданно для всех из группы встречающих по направлению к остановившемуся недалеко от неё лимузину поочередно вырвались две мужские фигуры. Полковник Нечипоренко, сидевший впереди Серёгина, успел крикнуть что-то по рации, но закончить свою команду он не смог, потому что рядом с его дверью раздался двойной мощный взрыв, от которого лимузин буквально подбросило вверх, и всё вокруг заволочло чёрным дымом. Раздались беспорядочные автоматные очереди. Стреляли откуда-то с территории завода и прилегающих к нему зданий автосервиса и магазина автозапчастей. Огонь вёлся прямо по лимузину и другим машинам сопровождения, а потом и по выскочившим из них людям. Через десять секунд раздался ещё один взрыв, теперь уже от выстрела гранатомета: прямое попадание в дверь полковника Нечипоренко. И он, и шофер сразу же были убиты.

Серёгин ничего не слышал и ничего не понимал, потому что был контужен первым ещё взрывом, и из его ушей обильно текла кровь. От удара о туловище Юсупова у него потемнело в глазах. От дыма он стал задыхаться, жадно глотая ртом становившуюся всё чернее воздушную смесь. После разрыва гранаты он уже не чувствовал правой своей руки, впрочем, её у него уже не было, хотя он этого ещё и не знал. Внизу, через образовавшиеся в полу пробойны тянулись к нему языки пламени, а сам пол стал обжигающе горячим.

Слева от Серёгина в агонии корчился Юсупов, чья кровь закипала и пенилась на уцелевшем после обоих взрывов бронированном стекле левой задней двери. На месте головы у Юсупова было сплошное чёрное месиво с беспорядочно разнесенными по нему жёлтыми зубами. Правая его нога, так раздражавшая Серёгина ещё каких-то десять минут назад, наполовину голая и с грязной от припёкшейся к ней обувной подошвы ступнёй, невероятным образом вывернутая в неестественном положении, была запрокинута на плечо Серёгина. Стекло искорёженной, но уже намертво заклинившей двери было частично утрачено, и через эту брешь, а также оторванную переднюю дверь убитого Нечипоренко в лимузин клубами валил дым вперемешку со снегом.

«Вот для таких-то случаев, госпаадааа, Робиинзооооны ии нууужныыыыыы...», – глухо и растянuto сначала голосом Паратова-Михалкова, а потом переходящим в какой-то гул откуда-то глубоко из Преисподней, – последнее, что пронеслось в голове Серёгина, пока одна из пуль, кем-то наудачу посланных в сторону того, что ещё недавно было президентским лимузином – гордостью отечественного автопрома, отыскав пробойну в стекле и пробив на вылет черепную коробку, на этот раз окончательно не опустила перед его глазами театральный занавес и не погасила рампу. Только вместо аплодисментов на авансцене московской улицы продолжали звучать хлопки и рикошеты выстрелов.

Глава IV

В офисе неспешно кипела работа. С утра было несколько звонков-заказов на новое оборудование. Заказчики были все старые, проверенные, поэтому их заказы обрабатывались как по шаблону. И Ольга, и Надежда Викентьевна всё время были при деле: обсуждали детали заказа по телефону и одновременно вводили данные в бухгалтерскую программу и формировали счета.

Обработанные заказы тут же передавались сотрудникам отдела Кирсанова. Те, в свою очередь, выходили на своих привычных поставщиков, выясняя наличие у них нужных агрегатов и компонентов, уточняя цены и сроки поставки. Счета от поставщиков при их получении сразу же передавались на оплату в бухгалтерию. Так как эти заказчики уже давно работали с фирмой Кольцова, в их надежности и порядочности не сомневались: бухгалтерия моментально через онлайн-систему «Банк-клиент» давала команду на списание денег со счета. Так же действовали и поставщики по отношению к фирме Кольцова: не дожидаясь обработки банками операций по списанию и зачислению денег с одного расчетного счета на другой, они запускали уже собственный заказ в работу: обращались непосредственно к производителю или импортеру товара либо к такому же, как они, посреднику. С новым же покупателем, как правило, предпочитали работать по предоплате, либо продавец принимал на себя риск

неоплаты уже заказанного им у своего поставщика товара для этого покупателя. Опытные менеджеры хорошо вычисляют ненадежных покупателей и могут запросто отказать им, не обращая внимания на объем заказа, доверяясь исключительно своей интуиции. Такие менеджеры ценятся везде особенно высоко.

Вот такой вот нехитрый бизнес «купи-продай», в котором решающее значение имеют цена, срок поставки товара и надежность контрагента. Чем ваш покупатель надежнее и чем дольше вы с ним работаете, чем больше товаров он у вас покупает, соответственно, тем выше процент скидки вы ему предоставляете. А скидка – эта та же цена, только связь обратная: чем больше первая, тем ниже вторая. И чем длиннее цепочка перепродаж, тем дороже обходится товар конечному покупателю. И если цена на всех этапах такой многоходовки каждый раз возрастает, то скидки делают этот рост не таким значительным, а иногда даже способны снизить первоначальную цену товара. Случается, что фирма-новичок, напрямую делая покупку у производителя, платит больше, чем если бы она покупала тот же товар у посредника, которому этот же самый производитель даёт хорошую скидку. Ведь посредник для производителя – это оптовик, постоянный и всегда надежный покупатель, снимающий с производителя все проблемы и риски розницы.

Решение о скидках конкретному покупателю всегда принимает руководство фирмы, но ведущие менеджеры, чтобы

не упустить хороший заказ и не тратить время на обращение к руководству, в течение которого клиент может запросто уйти, как правило, наделены оперативными полномочиями в пределах выделенных им лимитов. Кроме того, не нужно забывать, что основной доход ведущего менеджера составляют именно проценты с продаж, которые он обеспечивает, а не постоянная величина его зарплаты. Именно таким менеджером на фирме Кольцова был Алексей Ропотов. И пока дела у фирмы шли хорошо, его материальное положение было достаточным, чтобы содержать семью, в том числе нигде не работающую и воспитывающую его двоих детей жену.

Фирмы-производители, фирмы-импортеры и фирмы-посредники, не важно, о каком товарном рынке идёт речь, давно известны всем, кто на этом рынке крутится. Появление новичка либо уход старожила с рынка – события нечастые. Поэтому все менеджеры по продажам предпочитают работать с давно знакомыми им людьми, которые подолгу не меняют места работы, а если и меняют, то переходят в конкурирующую фирму, прихватив с собой заодно и свои, наработанные годами технологии, связи и клиентские базы.

Так получается, что человек на том конце связи, к которому тебе приходится обращаться по работе порой по нескольку раз за день, уже настолько хорошо становится тебе знаком, что ты знаешь о нём больше, чем о своих соседях по лестничной клетке или даже о проживающих в другом городе родственниках. Менеджеры, занимая паузы во время

разговора или переписки, вызванные необходимостью вбить данные в компьютер, или, наоборот, извлечь из него нужную информацию, успевают расспросить собеседника практически обо всем: о проведенном недавно отпуске, о здоровье детишек и домашних питомцев, о документах для получения какой-нибудь услуги в МФЦ. И что самое интересное: вот так, испытывая симпатию друг к другу и зная друг про друга почти как про себя самого, они, случайно налетев один на другого, например, в метро в час пик, могут запросто обменяться нелюбезными выражениями, а то и синяками и ссадинами, потому как никогда не виделись вживую. И это не мешает им уже завтра, а то и в тот же самый день, если стычка произошла, к примеру, утром, с прежней симпатией и учтивостью общаться между собой по телефону или Интернету, обсуждая детали очередного заказа.

Первой в комнате новость о теракте в Москве узнала Ольга. В тот момент она только что закончила с очередной партией приточных вентиляционных камер, и у неё появилась свободная минутка изучить театральную афишу на ближайшие выходные. Дело в том, что Ольга уже две недели как встречалась с новым кавалером. Тот предложил ей сходить в кино, но Ольга больше предпочитала театр. Театральное свидание, по её глубокому и проверенному опытом пониманию, придавало значительно большую романтичность и серьёзность предстоящей встрече. К тому же некоторые её прежние кавалеры не проходили испытания театром, отсеи-

ваясь или до, или уже после похода на спектакль, обнажая ей свою полную интеллектуальную пустоту либо, поняв, что театр – не для них, теряя затем интерес и к самой Ольге.

«Ничего себе, что творится!» – произнесла она так громко, что её услышали все вокруг, и дальше стала вслух так же громко зачитывать текст информационного сообщения:

«Только что на северо-востоке столицы в районе «Алтуфьевский» произошёл теракт, есть жертвы. Поступают противоречивые данные. По предварительной оценке Агентства... какого-то там... была взорвана мощная бомба, в соседних домах от взрыва выбиты стекла. Кроме того, местные жители сообщают, что в районе теракта слышалась перестрелка. В настоящее время район полностью оцеплен, узнать подробности пока не представляется возможным. Наши корреспонденты пытаются... Информация на сайте ГУВД Москвы не обновляется, телефоны пресс-службы не отвечают».

К тому моменту, как Ольга закончила читать, в комнате воцарилась полная тишина. Замолкли даже до этого не перестававшие трезвонить офисные телефоны. Слышны были лишь монотонно шумевшие своими вентиляторами компьютеры и висевшие на стене часы, которые отсчитывали теперь уже новое, наступившее для всех время, о чем никто из присутствовавших в комнате ещё не догадывался.

Тишину прервало причитание Надежды Викентьевны: «Неужели и до нас всё это добралось, Господи?»

Ропотов с полной уверенностью знатока высказал своё мнение:

– Исламские террористы... игиловцы¹ бывшие... Это они! Передвигают к нам фронт из Сирии и Ливии.

– Да, недоглядели спецслужбы-то наши... проворонили, – закивал в знак согласия Кирсанов.

Наверное, каждый, кто был в тот момент в комнате, представил страшную картину: вот спокойно идут люди, занятые разговором или мыслями о проблемах или планах, идут себе, никого не трогают, кто-то громко смеется, кто-то ведёт за руку ребёнка. Внезапно – у кого на пути, у кого позади – вырастает яркая, слепящая глаза вспышка света, раздаётся чудовищной силы взрыв, срабатывают десятки автомобильных сигнализаций, ближайšie к взрыву машины подпрыгивают и переворачиваются в воздухе словно игрушечные; тех несчастных, кто был в самом эпицентре, взрывной волной разрывает на части, ошмётки их тел разлетаются в стороны; с тех же, кому повезло оказаться чуть дальше, рвёт в клочья и срывает одежду. В лохмотьях, посеченные стеклом и камнями, истекающие кровью, стоят они, едва держась за стены и машины; некоторые лежат, стонут от боли, у кого-то нет конечностей, где-то валяется чья-то оторванная рука, нога, голова; женщины плачут не переставая, у детей истерика, кашель, кто-то бежит прочь, всё в дыму и крови, все в ужасе...

---

¹ представители террористической организации, запрещенной на территории России

Ведь именно такую картину мы так часто видим в кино и новостных сюжетах. Так часто, что уже привыкли к ней и смотрим почти равнодушно. Когда взрывы происходят где-то там, далеко от нас, а здесь не видно и не слышно ни этих вспышек, ни взрывов, и пострадавшие там – сплошь чужие нам люди, думающие и разговаривающие на чужом языке, то для нас их горя, их страданий, их мук потери близких как бы и не существует. Для нас это – очередное кино. Ещё один «экшн».

А достаточно теперь только представить себя или своих близких среди этого ада – всё меняется, обретает иной смысл. Сразу начинает холодеть в жилах кровь, руки и ноги цепенеют, все житейские проблемы отступают, и ты радуешься только тому, что сам ты остался жив, живы твои родные, твои друзья и их родные, и больше тебе уже ничего не нужно, всё остальное отступает на задний план, теряет всякое значение.

Всё сразу приобретает другой оттенок, когда смерть, увечья и боль, помноженные на число пострадавших в сумме с их родными, близкими, друзьями, знакомыми и соседями, приходят в твой город. В тот город, где ты родился и вырос, по улицам и проулкам которого ты ходишь каждый день. И не задумываешься о том, что вот эта припаркованная машина, вот эта стена дома, вот этот канализационный люк буквально через одно мгновение и по чьей-то злой и подлой воле могут обрушиться на тебя, растереть и расплющить, пре-

вратив в кровавую биомассу. Когда такое случается в твоём городе, тебе становится по-настоящему страшно: за себя, за свою семью, за своих друзей. И тебя охватывает животный страх. Мозг отказывается давать правильные команды телу. Хочется только куда-то далеко-далеко убежать и там спрятаться, как зверь в норе. Сидеть, закрыв голову руками, не выходить наружу и не отпускать от себя детей.

Потом страх потихоньку рассеивается, и наступает отрезвление. Люди бросаются звонить родным, выяснять, где они, живы ли, целы ли. Услышав любимые голоса, успокаиваются. А в это время там, на месте трагедии, вперёд выходят смелые и отважные люди, работой которых является оказание помощи, наведение порядка и устранение последствий ЧП. Их энергичные и хорошо отработанные действия ускоряют восстановление привычного спокойствия, мобилизуют остальных, подавая им пример того, как нужно поступать в экстремальной ситуации. И люди, пострадавшие менее других, забывая о собственных ранах и повреждениях, боли и страхе, не обращая ни на что внимание, бросаются помочь тем, кому хуже. Бросаются, не думая о том, что ещё пять минут назад им самим была безразлична судьба и само существование тех, других. Сочувствие и сострадание в результате побеждают страх и эгоизм, это и делает человека по-настоящему человеком, выделяя его среди остальных обитателей планеты.

– Да, сейчас вся Москва превратится в одну большую

пробку, это я вам точно говорю, – вывел коллег из оцепенения и перевел всё на бытовой уровень Кирсанов.

– Похоже, домой я сегодня попаду очень поздно, – предположил кто-то.

– Вот таксисты-то сейчас заработают на этом, – кто-то ещё из комнаты дополнил с ехидством в голосе.

– Уроды они, если втридорога брать с людей сейчас будут, грешно это.., – послышалось в ответ.

Все мысленно согласились с прозвучавшими репликами коллег, стали торопливо набирать номера телефонов своих близких, справляясь о них и одновременно успокаивая тех собственным безопасным положением. Вскоре спокойствие вновь вернулось в комнату, постепенно погружая её обитателей: кого в работу, а кого – ещё глубже в собственные размышления, страхи, переживания. За окнами между тем всё чаще и всё громче стали слышаться пронзительно ревущие сирены, но так как сами окна комнаты выходили на глухой заснеженный двор, никто к ним и не спешил.

Глава V

– О!.. Появились подробности теракта, – опять нарушила деловитую тишину комнаты Ольга. – Оказывается, это было покушение на кого-то из руководства страны... в одном месте говорят о Премьере, в другом – о Президенте... В Москву стянуты подразделения Росгвардии, в отдельных районах

слышна стрельба! ...проходит зачистка территории... Охо-хо!.. Боже, что же это происходит-то у нас?

Прозвучавшие из уст Ольги слова «стрельба», «зачистка» и «покушение на Президента» произвели неизгладимое впечатление на её коллег и вновь ввергли всех в возбуждение. Люди сразу же бросили рабочую рутину и стали судорожно рыскать по сайтам новостных агентств, силясь найти там хоть крупицу новой ценной информации и убеждаясь, чёрт побери, что Ольга не шутит. В комнату стали один за другим вбегать и так же быстро выбегать их коллеги из других комнат офиса, и даже знакомые из соседних офисов. Некоторые из женщин, как Надежда Викентьевна, плакали, теребя в руке носовые платки. Всеобщая обеспокоенность тем, что же на самом деле происходит сейчас в городе, затмила все остальные темы, работа полностью остановилась.

В комнате воцарился форменный гвалт. Кто-то предлагал свою версию случившегося, кто-то пытался, встав на стул, перекрыть остальных, вселяя в других уверенность, что вот-вот власть восстановит порядок. Кто-то и вовсе предлагал поскорее прекратить работу и ехать по домам, пока нарастающий хаос ещё не сказался на работе общественного транспорта и не парализовал все дороги в городе, не понимая при этом, что сам хаос от этого и происходит. В конце концов, решено было отправить кого-нибудь побойчее к Кольцову.

Михаил Андреевич Кольцов, этот седовласый и полный

мужчина, придя по привычке в свой офис первым, с самого утра занимался изучением управленческой отчетности, подготовленной ещё вчера по его поручению. Но как он её ни листал, как ни крутил, лучше от этого она не становилась. Свободных оборотных средств у фирмы почти не было, и это было непреложным фактом. На расчетном счете фирмы денег оставалось на неделю работы, максимум дней на десять. При этом платежи, которые должны были быть произведены фирмой за тот же срок, согласно плану движения денежных средств, превышали первую величину даже с учетом прогнозированной выручки. Срочно нужно было искать где-то деньги, чтобы закрывать дыру.

Крупные банки уже не раз отказывали Кольцову в кредите, даже, казалось бы, в таких ничтожных для них суммах; мелких же банков в стране почти не осталось. Свои личные деньги, хоть и было ему их жалко, он давно перевел в займы собственному предприятию. Брокерский счёт, эту свою любимую игрушку, он закрыл ещё перед прошлым Новым годом. С тех пор ни «японские свечи», ни «стакан», ни прочие «голова и плечи» его уже совершенно не интересовали. Оставалось только идти в микрофинансовые компании и брать у них деньги под убийственные проценты.

«Дожил! Идти к ростовщикам! Ну, Андреич, поздравляю тебя с этим! – сам себе говорил он мысленно. – Да, такого ахового положения не было даже после того ужасного карантина. Что же делать, что делать? ... Наверняка бухгалтер уже

раструбила по фирме, что дело – швах. Сейчас народ побежит ко мне с заявлениями – отдавай зарплату и пособие, а где я им возьму? Я и сам уже третий месяц без зарплаты... Да, король-то голый, – тревожные и сумбурные мысли подавляли в нём остатки рациональной практичности: того, чем он всегда так кичился перед собой и окружающими, что всегда придавало ему уверенности в жизни, – неужели это конец?»

С этим вопросом в его глазах и застала Кольцова обеспокоенная Люба, открывшая дверь его кабинета, так и не дождавшись разрешения войти после безуспешной попытки достучаться и пытаясь даже в такой ситуации соблюсти учтивость по отношению к шефу.

– Михал Андреич, я Вам стучу, стучу... там такое творится! Вы что, ничего не знаете? – обратилась к Кольцову молодая сотрудница кирсановского отдела.

– Что творится? Где творится?.. У нас?.. А где Дмитрий Николаич?.. Почему Вы, собственно, а не он... и так бесцеремонно.., – пытался собраться с мыслями Кольцов, но это явно у него не получалось.

– Михал Андреич, в Москве теракт! На улицах стреляют! Вы что, правда, ничего не знаете? Не слышали? Вот же, послушайте, сирены на улице воют...

– Какие сирены?.. Ну, да... сирены, слышу... Но это скорые, наверное, или пожарные. Где-то пожар, Люба. Что-то горит. Но это далеко, не у нас. Успокойтесь, Люба, всё будет хорошо, не переживайте Вы так... Пойдите! Стреляют,

Вы говорите? Теракт? – тут Кольцов, сделав ударение на последнем слове, пришел в себя и стал осознавать, что помимо его финансовых проблем Любу и всех других волнует нечто большее.

– Да, да! Михаил Андреевич, отпустите людей домой, все очень боятся, и я боюсь... Меня вот к Вам послали. Михаил Андреич, пожалуйста! – переходя уже на слезы, взмолилась Люба. В это время в кабинет директора вбежало ещё несколько сотрудников, отчаянно споря между собой и наперебой пытаясь донести до шефа всю серьёзность сложившейся обстановки в городе, и, конечно же, свои версии произошедшего.

– Да, да, конечно, конечно, надо отпустить... Собирайтесь прямо сейчас и другим всем объявите, что никого в этой ситуации держать на рабочих местах мы не будем, – огласил он своё решение после недолгого погружения в этот наполнивший его кабинет шум и извлечения из него интуитивного понимания того, что в город пришла какая-то новая, доселе неведомая никому из них сущность.

Глава VI

– Давай, я подброшу тебя до дома, – предложил Ропотов Ольге.

– Как когда-то раньше? – многозначительно спросила она, глядя на него в упор, а уголки её глаз при этом посмеивались.

– Собирайся, – сухо отрезал Ропотов, не ослабляя первоначальной серьёзности своего предложения. – Я пойду програваться.

– Слушаюсь, мой генерал, – покорно опустила она глаза, как бы пряча от него то, что её выдавало.

Через пять минут Ольга бросила на заднее сидение машины Ропотова свою сумочку и пакет с нетронутым ею лотком с принесённым из дома обедом. Привычным для себя движением она оседлала место впереди, подле Алексея, и захлопнула дверь.

– Ну, что, кучер, ... трогай! – неловко попыталась пошутить девушка.

Алексей, не говоря ни слова, отпустил педаль тормоза, и машина медленно тронулась с места. Первые пять минут, пока они не выехали на шоссе, дорога была свободной. Но вот дальше произошло первое для них откровение новой сущности. Подъехав к перекрестку, они уперлись в хвост небольшой пробки из трёх-четырёх таких же легковушек в каждом из двух рядов. Светофор горел зелёным, но никто даже не двигался. По шоссе Энтузиастов в сторону центра быстро и, грохоча тяжелыми могучими колесами, шла колонна бронетранспортеров, поднимая сбившийся на обочине грязный снег брызгами воды на несколько метров вверх. За тяжёлыми монстрами следовали такого же тёмно-зеленого цвета новенькие Уралы и КамАЗы с брезентовыми кузовами, на которых спереди и сзади бросались в глаза жёлтые таблички с

надписью «Люди». Что там за люди были внутри грузовиков, видно не было, но все, кто в тот момент оказался на этой улице, прекрасно всё понимали.

Вклиниться в колонну со стороны переулка не представлялось возможным, да никому из разумных людей это и в голову не могло прийти. Гражданские терпеливо ожидали, когда дорогу освободит военная техника, и уедут машины дорожной полиции, перегородившие собой все въезды на шоссе.

Всё это время Алексей и Ольга сидели в машине молча. Про привычную музыку никто из них и не вспоминал. Из приемника доносились волнообразные речитативы журналистов, женские и мужские голоса менялись поочередно, приглашенные эксперты высказывали версии, их бесцеремонно прерывали ведущие, время от времени зачитывая экстренные сообщения. В этой многоголосице толком понять ничего было нельзя.

Ольга, наконец, решила нарушить затянувшуюся паузу и прямо спросила Ропотова:

– Ты думаешь, всё обойдется?

– Не знаю.

– А ты меня... ещё любишь?

Ропотов не стал отвечать на этот по-женски простой вопрос. Именно сейчас он не хотел бы касаться неожиданно поднятой Ольгой темы. Но, видит Бог, он всё ещё любил её. Любил, хотя и не смел в этом признаваться: ни ей, ни се-

бе. Признаться ей – означало вернуть ложную надежду той, которая всё ещё продолжала его любить, а это было ему теперь очевидно. Для себя же он уже сделал осознанный выбор в пользу жены, семьи, своих детей, своего стабильного будущего. Поэтому признаться себе – значило перечеркнуть этот выбор и, поддавшись страстям и искушениям, снова броситься с головой в омут эмоций. Только потом, когда эта юная девушка потеряет для него всю свою нынешнюю привлекательность, свою молодость и непредсказуемость, когда родит ему ребёнка и станет требовать от него исполнения отцовских и супружеских обязанностей – всего того, что он прошёл с Леной, – чем она тогда, в сущности, будет отличаться от Лены?

Не хотел он признаваться и потому, что всё последнее время он старательно изживал из себя чувство к ней, Ольге. Эта любовь его тяготила, все ещё цепляясь за сладостные воспоминания, за отдушины среди обыденности, за отвлечение от повседневных проблем.

«Зачем продолжать, когда всё кончено?», – задавал он себе этот вопрос, каждый раз встречаясь с ней взглядом, провозжая её удаляющийся силуэт, слыша её озорной смех. И каждый раз она вольно или невольно тем самым проверяла его на верность данному себе однажды слову. Как и сейчас, когда она неожиданно спросила его: «А ты меня ещё любишь?»

На счастье Ропотова, колонна вдруг резко закончилась,

избавляя его от необходимости отвечать, и машина, что стояла справа и впереди его «Соляриса», эти старые угловатые «жигули», неожиданно завелась, тронулась с места и принялась объезжать по краю две стоявшие впереди неё машины, а также перекрывавший улицу полицейский автомобиль. Поравнявшись с последним, «жигули» добавили газа и стали выворачивать вправо на широкую улицу. В этот момент два гаишника, стоявшие до этого спиной к переулку и молчаливыми взглядами встречавшие и провожавшие очередную военную машину в колонне, встрепенулись и бросились вдогонку легковушки, размахивая на бегу руками и жезлом и что-то остервенело крича.

Водитель «жигулей», поздно осознав свою ошибку, попытался было проехать ещё несколько метров вперёд, чтобы прижаться к сугробу на месте тротуара и, как положено, остановиться. Но вместо тормоза, видимо, с перепуга, он даванул на педаль газа. Машину повело из стороны в сторону, она заревела, обрызгав полицейских грязью из-под задних колес, из её глушителя раздался громкий хлопок, потом ещё. Один из полицейских на бегу выхватил из кобуры пистолет и стал стрелять, но не в воздух, а сразу по колесам «жигулей». Машина уткнулась в сугроб, сразу же заглохла и встала, как вкопанная. Её перепуганный водитель, пожилой кавказец, открыл дверь и, не чувствуя под собой ног и пытаясь поднять вверх руки, вывалился на дорогу. Откуда не возьмись, к легковушке подлетел военный уазик. Из от-

крытого окна уазика раздалась длинная автоматная очередь по тонированным окнам «жигулей», оставляя в дверях и на крыльях машины множественные пулевые отверстия и круша вдребезги стёкла.

По счастливой случайности ни одна из пуль не задела водителя легковушки. Он лежал, не шелохнувшись, в грязной снежной каше и, обхватив голову обеими руками, что-то причитал. Выскочивший из уазика высокий гвардеец бросился к бедолаге и, быстро оценив, что тот жив, а в жигулях больше никого нет, со злости дважды сильно ударил мужчину ногой по ребрам. Тот глухо вскрикнул, не отрывая при этом рук от головы и рефлекторно пытаясь подтянуть колено к локтю, чтобы прикрыть рёбра. В то же самое время из уазика выскочил второй гвардеец, пониже и шире в плечах первого. В боевой стойке, держась за автомат, он стал вертеться по сторонам, готовый в любую минуту открыть огонь на первое же опасное движение. Подбежавшие следом к «жигулям» гаишники остановились, что-то сказали первому гвардейцу, потом один из полицейских попытался поднять водителя, но того явно не слушались ноги, и он при каждой попытке сползал обратно на землю. На белом перепачканном лице его зримо читались боль и ужас; плача и бормоча, он пытался произнести что-то членораздельное, в то время как ветер трепал его седые волосы. Один из гвардейцев, тот, что бил старика, переговорив по рации, окликнул своего товарища, и вдвоем они с лёгкостью подняли мужчину под руки и

затолкали в узик, не обращая внимание на его стоны и причитания.

Видя всё это, сидевшие в передних автомобилях люди испытали, пожалуй, одно из самых сильных потрясений в своей жизни. Такого на их глазах ещё не было. Это был настоящий шок. Водители крайних в очереди автомобилей, которые находились далеко от перекрестка и не видели разыгравшейся на нём драмы, при звуке первых же выстрелов стали быстро разворачиваться, предпочтя на всякий случай поскорее покинуть это место.

Алексей и Ольга, которые всё видели, не проронили ни единого слова, хотя на их лицах и застыли гримасы ужаса, а головы ушли в плечи. Руки Ольги, сомкнувшись, закрыли её лицо, оставляя щели между пальцев. Несмотря на обуявший их животный страх, оба они жадно ловили происходившее за лобовым стеклом, глаза их расширились, рты беззвучно открылись. Интуитивно они боялись, что своими криками и возгласами обратят на себя внимание стрелявших, и в этом случае их неминуемо постигнет та же участь, что и несчастного старика.

Узик с кавказцем и гвардейцами быстро уехал вслед ушедшей колонны. Один из гаишников, переговорив по радиации, также спешно сел в патрульную машину и освободил проезд. Второй полицейский в то же время побежал между рядов стоявших машин и, раскручивая свой ярко светящийся жезл, стал громко выкрикивать в сторону водите-

лей: «Проезжай, проезжай!.. Быстрее, быстрее!.. Не задерживай!»

Алексей, увидев, что передняя машина тронулась, сразу завёл двигатель и последовал в том же направлении, оставляя позади себя искорёженные пулями и внезапно осиротевшие «жигули». Руки его дрожали, в горле всё пересохло. Ольга, так же молча, как и до этого, медленно и настолько низко, насколько позволил ей ремень безопасности, опустила голову к коленям, обхватила их руками, спрятала в них лицо и начала рыдать. Тело её вздрагивало.

Алексей даже не пытался успокоить Ольгу, да и сделать этого сейчас не смог бы никто. Он понимал, что отвлекаться и давать сейчас волю эмоциям, когда ещё предстояло проехать большую часть пути, полного риска для его и её жизни, он не имел права. Главное, что от него сейчас требовалось, – это полностью мобилизовавшись и глядя во все глаза, быстро, но в то же время не привлекая к машине внимания, добраться до безопасного места. Таким местом теперь мог быть только дом. Других безопасных мест больше не существовало, равно как и других вариантов у него тоже не было.

Глава VII

Маятниковая миграция – отличительный признак любого мегаполиса, особенно сильно она проявляется в таких городах, как Москва, где на работу утром люди едут в центр, а

с работы вечером – на окраину. Если бы жилые и деловые районы были распределены равномерно по всей территории города, такой проблемы, как пробки, в Москве бы не было.

Но исторические особенности развития Москвы, как нарушенный обмен веществ, определили возникновение её тромбов – современных пробок. Москва – достаточно древний город, который возник и укоренился на возвышающихся над равниной холмах по берегам одноименной реки. Заняв глухую оборону от рыскающих по окрестностям врагов, Москва, как, впрочем, и другие города – её ровесники, обозначила кольцевой контур своего исторического центра, оштетинившись наружу высокими стенами и башнями местного кремля. Потом, по мере расширения влияния и роста численности населения город стал выходить из своих прежних границ и передвигать крепостные стены вперёд, на новые рубежи. При этом окружные контуры Москвы сохранялись, увеличивался лишь радиус самой окружности. Такой оборонительный, радиально-кольцевой тип разрастания города сохранился и после того, как развитие средств нападения сделало бессмысленным строительство новых и укрепление прежних защитных сооружений. Так и повелось с тех пор: центр – для власти и её прислуги, окраины и окрестности – для холопов и прочей черни.

Другое дело, если бы Москва развивалась, как, например, значительно уступающий ей в годах Нью-Йорк, представляющий собой взаимно-перпендикулярное пересечение

улиц (стрит) и проспектов (авеню), образующих между собой кварталы застройки. Это, конечно же, не значит, что в Нью-Йорке нет пробок, но вариантов их объезда по параллельным улицам у водителя становится больше, да и маятниковая миграция в нём не так сильно выражена, как в российской столице.

В качестве серьёзных как природных, так и рукотворных ограничителей развития столичной сети автомобильных дорог являются реки, каналы и железные дороги. Для пересечения этих преград нужны мосты и эстакады, а построить их в условиях плотной городской застройки гораздо сложнее и дороже, чем обычную трассу или развязку. Так, например, последний из девятнадцати автомобильных мостов в пределах МКАД через Москву-реку был открыт почти пятнадцать лет до разворачивающихся сейчас событий. Согласитесь, девятнадцать мостов – не так уж и много для пятнадцатимиллионного города-гиганта, коим предстала перед нами сейчас Москва.

Офис Кольцова располагался в восточном московском районе Новогиреево. Отсюда во все концы Москвы бросились разъезжаться работники его фирмы, отпущенные по домам. В офисе остались только сам Кольцов и его зам Авдеев, который ближе к вечеру, слегка покачиваясь после распитой с патроном большой бутылки виски, оставил последнего в тягостных раздумьях и полном одиночестве.

Ольга и Алексей жили по соседству: в районах Сокол и

Щукино, соответственно. Чтобы добраться домой, им предстояло проделать нелегкий путь с востока на запад столицы через центр. Самым удобным из прочих для них был бы маршрут: шоссе Энтузиастов, далее одно из центральных колец – Третье, Садовое или Бульварное, и потом уже – широкая и просторная Ленинградка. В режиме обычных дневных пяти баллов весь путь бы занял у них около полутора-двух часов. Именно столько времени каждое утро и каждый вечер фактически вычеркивал из своей жизни Алексей. Немногим меньше также бездарно теряла и Ольга, пользовавшаяся метро. Но что поделать, не всегда же можно найти хорошую работу рядом с домом.

Но именно этот день стал особенно неблагоприятным для автомобильного передвижения по дорогам столицы. Уже через час после выхода первых новостей о теракте в Алтуфьево московские пробки побили все прежние рекорды. Твёрдая десятка. Центр стоял намертво. От центральных колец красные линии пробок, словно спирт по трубке термометра, постепенно вытягивались дальше по направлению к МКАД. Главное и самое протяженное кольцо Москвы местами ещё было свободно, но вступление в столицу военной техники привело к тому, что и Кольцевая тоже остановилась. Для проезда военных колонн дорожные полицейские сгоняли гражданских вправо, освобождая под технику и машины с мигалками один левый ряд. С зазевавшимися или «непонимающими» водителями не церемонились: гаишники через

громкоговоритель угрожали им расправой или стучали жезлами по крышам их машин. Как правило, это действовало безотказно, и пробка нехотя расступалась, принимая в свои ряды попавших под горячую руку собратьев.

Спецподразделения, дислоцировавшиеся непосредственно в столице, первыми оказались в районе Алтуфьево. Несмотря на то, что в их распоряжении были лучшие в стране профессионалы, не только наземные, но и воздушные силы, уничтожить сразу или хотя бы блокировать лиц, осуществивших дерзкое покушение на главу государства, у них не получилось. Группа террористов в составе не менее двадцати, судя по огневым точкам, членов, умело рассредоточившись на большой заводской территории, оказывала активное и весьма результативное сопротивление силам правопорядка.

Поэтому не справившимся сходу с поставленной задачей командирам спецподразделений ничего не оставалось делать, как приостановить штурм. Решено было приступить к немедленной эвакуации гражданских лиц, оказавшихся по необходимости, работавших или проживавших в районе боевых действий. Для блокирования террористов решено было стянуть в район боя значительно большее количество военнослужащих, единиц штурмовой техники и специальных технических средств. Необходимо было также провести разведку местности, как следует оценить силы противника и подготовить план дальнейших действий в зависимости от ва-

риантов развития событий, самым желанным из которых было начать переговоры с террористами и склонить их к сдаче оружия.

Подразделения Росгвардии, поднятые по тревоге сразу после расстрела президентского кортежа, разделились на две основные колонны и выдвинулись из места своей дислокации в подмосковной Балашихе к месту сражения. Первую колонну бросили на Алтушку с севера через МКАД. Вторая колонна, на которую наткнулись Ропотов с Ольгой, была направлена по шоссе Энтузиастов на юг Алтуфьевского шоссе. Вскоре она разделилась ещё на две: одна пошла по Северо-Восточной хорде, другая – через проспект Будённого, набережные Яузы, Ростокинский проезд и Ботаническую улицу. Одновременно, минуя московские пробки, напрямую к эпицентру событий понесли на себе подкрепление живой силой транспортные вертолётчики национальной гвардии.

Алексей высадил Ольгу у подъезда её дома в полвосьмого вечера. Больше семи часов длился их путь до первой остановки. Ночь постепенно опускалась на встревоженный город. Вовсю уже горели уличные фонари. Школьники заканчивали с домашним заданием, малышей купали, читали им сказки на ночь.

Выйдя из машины, Ольга молча посмотрела на Алексея своими красными, заплаканными глазами. Ни грамма былой утренней игривости в них уже не было. Чувство тревоги и неуверенности в завтрашнем дне и отголоски ужаса от уви-

денного сегодня днём – всё, что передалось от неё Ропотову.

Алексей, обняв Ольгу и сухо поцеловав её в голову, попытался успокоить:

– Оля, не бойся! С нами такого больше не случится.

Забудь всё! Как сон, забудь.

– Этого уже не забудешь никогда... Спасибо, что подвёз...

Хотя лучше бы уж я на метро... – она пошла прочь, не оборачиваясь.

Не заглушив двигатель после остановки машины, он снова вернулся в неё, дождался, как и прежде, когда Ольга скроется в подъезде, и зажгутся её окна на четвертом этаже, и только потом продолжил свой путь домой.

В течение всего дня, пока они пытались вырваться из плена пробок, он несколько раз разговаривал по телефону с женой. Лена звонила ему каждый час. Она очень беспокоилась за мужа, узнав о теракте, так же, как и большинство москвичей, из новостей. Она первой позвонила Ропотову, с тревогой в голосе выясняя, что с ним и где он. Потом уже звонила ему, сверяясь с картой, и уточняла, где он в тот момент ехал.

Алексей, конечно же, умолчал, что был в машине не один. Зачем ему сейчас лишние вопросы, зачем опять беречь едва затянувшуюся рану на сердце жены, зачем давать ей повод для волнения и неудобных для себя вопросов. Не подавала звуков и Ольга во время этих телефонных переговоров. Поженски она понимала Лену, и в такой же ситуации, но без своего участия в ней, конечно же, приняла бы сторону об-

манутой жены, матери детей своего увлѣкшегося на стороне мужа. Но в том-то и дело, что муж этой женщины увлѣкся тогда ни кем-то ещё, а именно ею, Ольгой. И это всё меняло в её собственных глазах. Людям всегда просто судить других по совершённым теми преступлениям, ошибкам или прегрешениям. Но стоит только им самим совершить что-то такое случайно или по недомыслию, или, как в случае Ольги, повинуясь одному только чувству, как они сразу находят себе оправдание, а все вокруг, тыкающие пальцем и хором твердящие: «Виновен!», становятся злейшими врагами, и обвинительный их мотив безапелляционно отвергается.

Когда Ропотов, наконец, открыл входную дверь в свою квартиру, Лена бросилась к нему, уткнулась лицом в грудь и крепко обняла. Так, молча, стояли они в дверях какое-то время, пока она не посмотрела на него и не вымолвила:

– Как же я волновалась за тебя!.. Ну, заходи же, раздевайся скорее. Иди поешь, я приготовила. Твой любимый борщ, только что разогрела ещё раз, пока горячий. Хочешь, выпей – я налью.

– Спасибо, любимая! Как же я рад, наконец, тебя видеть!.. Дети уже спят?

– Да, уложила их.

Лена сидела напротив него за столом в кухне, сложив руки, как школьница. Приглушенный свет падал на её лицо, подчеркивая красоту утомленных глаз. Они смотрели на мужа по-собачьи преданно, пока он отхлебывал из тарелки

ложку за ложкой. Рука его – та, что держала ложку, всё время дрожала. Но Лена ничего не спрашивала, хорошо понимая причины этой дрожи и этого напряжения. Алексей выпил три рюмки водки, пока ел борщ, съел пару зубчиков чеснока. Такого вкусного борща он, казалось, никогда раньше не ел. Водка расслабила его, и дрожь ушла.

Утолив голод и сняв стресс после выпитого спиртного, Алексей, не торопясь, поведал Лене обо всём, что он сегодня увидел, что пережил, умолчав только об Ольге. После рассказа мужа о водителе «жигулей» она тоже не удержалась и, хотя не любила это дело, налила в его рюмку водки и залпом, как делал это он, опрокинула содержимое внутрь себя. Лицо её поморщилось, рука потянулась к ломтю хлеба, и слёзы сочувствия и одновременно радости за живого и невредимого мужа проступили на её глазах.

– Бедный мой Алёша! Я ведь могла тебя потерять сегодня, – только и промолвила она.

Уже засыпая под шум падающей в душе воды и, и вспоминая мокрое обнаженное тело своей жены, её плечи и длинные русые волосы, Алексей ещё раз пересматривал закрытыми глазами картину увиденного сегодня. Почти в дымке он видел, как дергалась спина Ольги, когда та плакала у него в машине, как смотрела она на него у своего подъезда, прощаясь, и как смотрела на него потом Лена, слушая его пересказ долгой-долгой и опасной дороги домой.

«Какая же у меня замечательная жена!.. И какая сволочь

её муж...», – подумал он перед тем, как полностью провалиться в сон.

Глава VIII

– Алёша! Лёша, проснись! – с тревогой в голосе Лена расталкивала Ропотова, но он никак не хотел очнуться.

– Что? – Алексей приподнялся на одном локте и ничего не понимающими глазами уставился на жену. – Который час?

– Семь... сейчас семь утра, без четверти, просыпайся! Что творится! – тревога и дрожь в голосе Лены нарастали. – Я проснулась в шесть. В туалет. Потом легла, но уже не смогла заснуть: всё эти ужасы твои. Пошла на кухню, пью чай, включила телек, потише сделала – боялась вас разбудить... Шли как раз новости, и там сказали, что вчера было покушение на Президента, а ещё днём – нападение на военную колонну. По всей Москве ввели военное положение и комендантский час с одиннадцати вечера до пяти утра. Объявили ещё, что все, кто не задействован в работе систем обеспечения, должен оставаться дома. Лёша, ты останешься сегодня дома! Слышишь? С нами. Я тебя на работу не пушу. Даже не думай! И Сашка пусть дома сидит. Хватит с него школы! Дома пусть занимается.

Алексей живо вскочил с дивана, и на ходу, пока шёл на кухню, оделся в домашнее. Умылся он там же, на кухне. Специально включать телевизор ему не пришлось: тот уже ра-

ботал. Незнакомый ему диктор, словно из далекого советского прошлого, в очках зачитывал с листа бумаги текст какого-то важного правительственного сообщения. Из текста этого сообщения следовало почти всё то, что передала ему в нескольких словах Лена. Кроме того, сообщение призывало граждан сохранять спокойствие, с пониманием относиться к проводимым мероприятиям, по возможности оставаться в своих домах, на улице соблюдать общественный порядок и следовать указаниям представителей местной власти и военной администрации. Собираться в группы и проводить собрания строго запрещалось. Диктор закончил сообщение тем, что общественный порядок в Москве будет скоро восстановлен, а комендантский час отменен, и что скоро Президент выступит с важным обращением к народу. Через три минуты застывшей картинке с известным всем, кто постарше, «трёхрублёвым» видом Москвы на Кремль тот же диктор стал снова зачитывать своё сообщение, посему Ропотов сделал вывод, что это включили ту же запись.

Попробовав другие кнопки, Алексей обнаружил, что на других каналах было то же самое. «Не хватало ещё “Лебединого озера”!» – невольно подумал он, вспомнив трагические события в Москве тридцатилетней давности, точнее, их освещение уже потом, когда он стал немного соображать, повзрослев.

Поняв, что по телевизору ему больше ничего не скажут, Ропотов сходил в спальню за своим планшетом, и, вернув-

шлись на кухню, стал читать новости из Интернета, запивая горячим сладким чаем бутерброды, приготовленные Леной. Лена под села рядом и пыталась тоже что-то углядеть, пока он энергично водил пальцами по экрану.

Очень быстро он наткнулся на ссылку на один из Ютьюб-каналов. Ссылку сопровождал заголовок, из которого следовало, что Президент убит, и власть в стране перешла какому-то объединенному штабу национального спасения. Перейдя по ссылке, Алексей запустил запись, на которой пятеро мужчин в униформе защитного цвета без опознавательных знаков и с закрывавшими их головы черными масками молча сидели за длинным столом в каком-то маленьком помещении без окон с низким потолком, рядом с одним из них на столе лежал автомат. Там же среди этих пятерых сидели ещё двое, уже без масок, оба славянской внешности, с короткими, почти отсутствующими на голове прическами. Возраст их был примерно такой же, как и Алексея, – тридцать пять.

Эти двое стали поочередно говорить на камеру, в то время как остальные пятеро всё время молчали.

Из слов этих двоих следовало, что вчера в Москве одной из боевых групп русских патриотов было совершено покушение на Президента, и что тот убит. В подтверждении своих слов они попросили оператора показать видеозапись. В левом нижнем углу экрана через какое-то время появился чёрный квадратик, а потом на нём включилось изображение

вчерашних событий у завода «Универсал», снятое со стороны территории самого завода. Квадратик увеличился в раз-
мере, заняв весь экран.

Запись была неважного качества, с шумами, но приезд кортежа, двое бегущих к ним, сами взрывы, горящие машины и лимузин, а также суетливо снующие в дыму, прячущиеся за машинами и стреляющие в сторону завода люди – были видны отчетливо. Видно было также и как некоторые из людей внезапно падали, кто-то из них отползал под машину, оставляя тёмный след позади. На протяжении всей съемки были слышны выстрелы и какие-то громкие крики со стороны видеокамеры, мат, опять крики, снова мат. Потом картинка вдруг дёрнулась, звук пропал, изображение стало быстро переворачиваться, и стало, как в начале, чёрным. На экране опять появилась та же комната с людьми.

Один из этой группы, что был без маски, повторил, что Президент убит, и стал требовать, чтобы все военнотружущие и полицейские, а также гражданские власти на местах стали исполнять какое-то постановление этого объединенного штаба. Другой, дав ему закончить, тут же стал говорить, что катастрофическая ситуация в стране, вызванная обнищанием народа и произволом властей, беспределом судей, правоохранителей и карателей из Нацгвардии, невозможность из-за цензуры и подтасовок результатов выборов сменить мирным путем власть и проводимый ею курс, а также бесперспективность призвать к суду преступную воровскую

клику Президента вынудили самую ответственную часть общества, его боевых товарищей-патриотов, взять в руки оружие и объявить войну ненавистному политическому режиму узурпатора и государственного преступника – Президента, которого он, при этом, всё время называл по фамилии.

Другой из говоривших, перехватив словесную эстафету, продолжал, чётко и громко произнося, словно, вколачивая гвозди, слова: «Верховная власть продажных, насквозь коррумпированных чиновников и предавший страну и её армию и изменивший присяге генералитет, действуя в интересах иностранных государств и подельников Президента из числа его дружков-казнокрадов, грабит народ и богатства страны, вывозя деньги за границу, и подвергает репрессиям патриотов, не желающих мириться с таким положением. А через подконтрольные средства массовой дезинформации эта преступная власть вбивает в головы людей, что в стране всё замечательно, всё в порядке, что большинство наших граждан счастливы и полностью поддерживают эту власть и этого Президента. В то время, как сотни и тысячи патриотов на всей территории страны уже больше года ведут войну на уничтожение представителей преступного режима и его охранителей».

Из дальнейшего следовало, что «с тех пор, как в результате подлого сговора преступной шайки Президента с такими же военными преступниками из враждебной Украины были преданы и растоптаны в кровь народные республики Донбас-

са, а многие отважные сердца их защитников навеки перестали биться, русскими патриотами из числа бывших военнослужащих армейских и специальных подразделений, добровольцев и ополченцев Донбасса, бывших наёмников, которых посылали умирать в Сирию и Ливию за чуждые народу интересы, а также всех униженных и оскорбленных этой властью российских мирных граждан сначала стихийно, а потом и организованно начали формироваться боевые отряды, подчиненные идее национального спасения».

С их слов, повстанческое движение имело сетевую структуру управления и не подчинялось единому командованию. Что бойцы и командиры одного отряда не знают бойцов и командиров других отрядов, и именно это не позволило силовикам ликвидировать всю сеть борцов за свободу, схватить и уничтожить их лидеров. Что координация действий отрядов проводится с помощью неподконтрольным властям соцсетям в Интернете. Что среди действующих силовиков и честных чиновников у них имеются многочисленные сторонники и сочувствующие люди, которые им помогают. Что идеи, которые они разделяют и за которые проливают свою и чужую кровь, поддерживаются абсолютным большинством людей в стране.

В конце видеоролика один из говоривших ещё раз сказал, что с убийством ненавистного диктатора они объявляют о переходе власти в стране в руки объединенного штаба национального спасения, а само это убийство должно стать сигналами.

лом всем боевым отрядам о развёртывании тотального террора против приспешников уже бывшего Президента и его местоблюстителей до их полного уничтожения или сдачи на суд народа. Мирные граждане должны присоединяться к акциям протеста и неповиновения прежним властям, хотя им всё же лучше избегать мест кровопролития. Всем, кто смотрит этот ролик, предлагалось разослать его дальше, по своим знакомым. Потом они все встали и уже дружно принялись скандировать: «Россия! Снова! Станет! Свободной! Россия! Снова! Станет! Свободной! Россия! Снова! Станет! Свободной!» Человек в маске, рядом с которым на столе лежал автомат, поднял его над головой и стал размахивать в такт чеканным словам. На этом ролик кончился.

Глава IX

– Во дела! Вот это да! Охренеть можно! Это ж настоящая гражданская война, и не где-нибудь, а здесь, у нас! – воскликнул Ропотов.

– Алёша, объясни мне, что это было? – переходя в полный голос, произнесла Лена. – Неужели правда, что Президент убит? – воскликнула она, обхватив свои виски руками. – Скажи, что это не так! Что всё это – сон!

– Я тоже не верю в это... да и вообще, во всё, что они говорили... Да, у нас, тяжело, согласен. Многие и даже очень многие живут сейчас трудно, особенно в провинции. В мате-

риальном плане трудно. Но не так же тяжело, чтобы бросить всё и с оружием идти свергать власть, убивать за идею других людей, полицейских – это уже перебор! Я в это не верю!

– Но ведь они же показывали, как горела его машина, там же никто не мог уцелеть... Как же так?.. Что это было? Монтаж?

– Может... а может, и кого-то другого показывали... Может, вообще постановочный фильм нам показали, – тут Алексей заулыбался, – фигня всё это, наверное... Другое дело, почему же тогда по телевизору ничего толком не говорят? И почему Президент ещё до сих пор не выступил? Где он вообще?

– Сказали, что он скоро выступит.

– Ну, вот тогда и понятно будет.

Тут в кухню неслышно зашел Павлик, младший сын Ропотова. Он тёр свои прищуренные от яркого освещения глаза, ноги его были босы, а нижняя губа, оттопырившись, слегка подёргивалась:

– Мама! Чего вы тут расшумелись, нам с Сашей спать не даёте!

– Малыш мой, Пашенька, ложись скорее в кроватку, мы уже не шумим! Пойдем со мной! – взяла Лена сына за руку и быстро повела его в детскую.

Паша перестал канючить и послушно последовал за мамой, семеня босыми ножками. В доме Ропотовых снова воцарилась тишина. Лена, выйдя через пару минут из детской

спальни их двухкомнатной квартиры, шёпотом и жестами велела и Алексею вернуться в кровать. Он лишь отмахнулся от неё, как бы говоря: «Иди сама ложись. Я ещё посижу тут, почитаю, потом приду». Лена не стала настаивать на своём.

Она вышла из кухни, а её муж снова стал энергично двигать и постукивать пальцами по экрану планшета, открывая ссылку за ссылкой и замирая на время их недолгого поверхностного просмотра. Затем он переходил к следующим за этими ссылками ссылкам, ненасытно поглощая всё бóльшие и бóльшие объёмы бесконечных байтов и битов противоречивой информации. И только потом, почти через час, как ушла спать Лена, так и не наведя у себя в голове порядка, уставший Ропотов выключил наконец свой почти разряженный планшет и, скинув с себя домашнюю одежду, поспешил нырнуть в постель.

Второй раз за это утро чета Ропотовых проснулась в начале десятого. Их дети уже не спали. Саша, старший ребенок в семье и ученик третьего класса, поднявшись без будильника и прочитав на кухне записку, оставленную ему мамой на видном месте о том, что в школу он сегодня не идёт, радостный побежал дальше досматривать сны. Где-то через час его разбудил Паша, который уже выспался, кое-как оделся и тут же, не умывшись и не почистив зубы, принялся за свой любимый конструктор «Лего». Вскоре уже оба ребёнка сидели на полу за конструктором и оживленно о чём-то спорили. Лена, проснувшаяся от шума в детской, разбудила Алексея,

и вместе они, пролежав в постели ещё несколько минут, принялись подниматься.

После утреннего туалета и поочередных умываний семья Ропотовых в полном своём составе собралась на кухне за завтраком. На завтрак Лена приготовила овсяную кашу. Все, кроме Паши, с удовольствием опустошали свои тарелки. Маленький же Ропотов капризничал. Он не любил овсянку, как, впрочем, и любую другую кашу, и периодически устраивал бунты против неё. Лена обычно жёстко их подавляла с помощью одной лишь угрозы поставить мальчика в угол и лишить сладкого до самого ужина. Как правило, эти угрозы не сразу, но действовали.

В свои пять Паша, познав уже и угол, и отцовский ремень, со всей серьёзностью относился к родительским угрозам, равно как и к существованию Деда Мороза и Зубной феи. Поэтому, попыхтев немного, поканючив, он и в этот раз снова взялся за ложку и, бурча что-то под нос, нехотя отправил её содержимое себе в рот, не преминув при этом скорчить рожицу несчастного ребёнка.

– Сейчас получишь подзатыльник – будешь ещё тут рожи строить, – строго заметила ему Лена.

Паша молча мусолил во рту кашу, понутив взгляд и стараясь не смотреть в строгие мамины глаза. А в папины – особенно.

– Я всё! – тут радостно воскликнул Саша, показывая маме пустую тарелку.

– Вот Саша – молодец! – убивая сразу двух зайцев, произнесла Лена не столько в поощрение старшему, сколько в назидание младшему сыну.

Паша, правильно поняв намёк, стал чаще работать ложкой, но при этом и громче сопеть носом.

– Иди, сынок, поставь тарелку в мойку и принимайся за книжку.

– Опять книжку? – заныл Саша, – А можно я с Пашей в конструктор ещё поиграю, когда он поест?

– Так! Слышал, что мама тебе сказала? – вмешался отец. – Ну-ка живо пошёл в свою комнату и сел там читать. Сейчас приду, проверю.

Саша, дабы не давать повод отцу для дальнейших действий, которые могли обернуться для него неприятностями, предпочел раствориться в полумраке коридора. Паша, не доев примерно треть от первоначального объема так нелюбимой им и уже успевшей хорошенько остыть каши, которая теперь превратилась в вязкую клейкообразную неприглядного вида массу, оттопырил нижнюю губу и принялся опять за то, что у него получалось лучше всего, – канючить:

– Ну, мама, можно я не буду её доедать? – при этих словах Паша мастерски стал изображать из себя состояние, близкое к смерти в результате удушья от острого химического отравления. Остатки недоеденной, но отлично пережеванной овсянки стали спускаться с его по-прежнему оттопыренной губы, а глаза заблестели капельками вымученных слёз. – Ну,

пожалуйста, мам!

– В угол опять захотел?.. Так! Съешь ещё две ложки и дуй отсюда, – не выдержала Лена, сдавая свои первоначальные позиции и внося в завтрак элементы торга.

– Одну ложку! – резко изменившись в лице, с видом дельца понизил мамину ставку Паша.

– Я тебе сейчас дам одну ложку! И ложкой ещё по лбу в придачу. Ну-ка ешь быстро, пока я не передумала. Две ложки!

Паша перестал жевать, перевел глаза с каши на край стола и начал всхлипывать. Не видя никакой реакции родителей, он стал всхлипывать громче. Одна, а затем и вторая его слёзы упали поочередно на клеёнку. В тиши кухни этот звук хорошо был слышен обоим родителям. Алексей тяжело вздохнул, строго глядя на отпрыска, и продолжил пить свой чай.

Паша, потянув левую руку к глазам, пока в правой всё ещё находилась ложка, стал давиться тем, что у него оставалось во рту, готовясь, судя по всему, извергнуть из себя и это, непроглоченное, и то, что уже благополучно переваривалось в желудке.

Алексей при виде этой хорошо известной ему сцены продолжал сохранять спокойствие, хотя руки его явно чесались.

– Хорошо, хорошо! Ещё одну ложку! – окончательно сдалась Лена.

Паша внезапно прекратил пыхтеть, быстро утёр глаза, с видимым трудом проглотил кашу и погрузил ложку в её

остатки в тарелке только наполовину. Но бдительная Лена не позволила сыну так задешево уйти сегодня из-за стола:

– Полную, полную ложку бери, как договаривались!

Договор дороже денег. Это в семье Ропотова знал даже пятилетний Паша. И он, пересилив себя, набрал почти полную ложку каши и быстро определил её в свой маленький ротик. Не успев прожевать и проглотить эту выстраданную им последнюю порцию утреннего испытания, он сорвался из-за стола, и только одетые в белые носки его пяточки замаячили в глазах не успевших никак среагировать родителей.

– А прожевать?! Паша! – только и крикнула Лена в след убегающему мальчугану, уже успевшему и проглотить ненавистную ему кашу, и что-то прокричать раздраженно своему старшему брату.

– Лен, а где пряники? Мятные эти, – неожиданно вспомнил Алексей, почувствовав, что чего-то не хватало ему для завершения утреннего чаепития.

– Так дети ещё вчера их доели, – ответила Лена, смущенно улыбаясь.

– А конфеты, которые твоя мама в прошлый раз нам привезла?

– Тоже кончились, в воскресенье как.

– Опять я всё пропустил... Так чего, к чаю нет, что ли, больше ничего? – почти с обидой в голосе спросил Алексей.

– Ну, вот ты сам после завтрака сходи и купи: и пряники, и конфеты. Я вот тебе сейчас список дам, чего ещё нужно. –

Она встала и сделала шаг по направлению к шкафчику, где лежали блокнот и ручка.

– Ну вот, нашёл себе работу, – полушутя, пробухтел Алексей.

Лена ответила ему только смехом.

Глава X

Уходя из дома, Ропотов вооружился списком продуктов, которые ему нужно было купить в магазине. Ещё на пороге квартиры он, увидев в мобильнике несколько неотвеченных вызовов, стал набирать номер своего друга и коллеги Кирсанова. И уже выйдя из подъезда, наконец после долгих длинных гудков услышал знакомый голос Димы.

Кирсанов так же, как и Ропотов, остался сегодня дома. Собираясь привычно на работу и услышав поставившие его в тупик новости, он, первым делом, стал обзванивать коллег, чтобы как-то сориентироваться и спланировать наступивший день. До Кольцова и Ропотова он так и не дозвонился. Заместитель же Кольцова Николай Павлович Авдеев ответил ему, что фирма сегодня не работает, и ему, Кирсанову, как и всем сотрудникам, не нужно приезжать сегодня на работу. Обсудив между собой все последние события и высказав друг другу обеспокоенность по поводу их возможных последствий, они договорились и дальше поддерживать связь, обмениваться новостями и планами теперь уже на завтра.

Потом Ропотов уже сам позвонил Кирсанову.

– Ты тоже дома? Слышал, что происходит? Военное положение ввели в Москве. Во, блин, дожили! – едва поздоровавшись, сразу выпалил Ропотов.

– Да, уж, наслышан. Интересно, на сколько это всё затянется?

– Телек умер совсем... А ты смотрел в Интернете, что там ещё показывают и что рассказывают? У меня волосы дыбом.

– Не, не успел ещё. А что?

– Посмотри, посмотри. Я тебе советую. Сам, правда, так и не разобрался ещё до конца, верить этому или нет.

Алексей быстро изложил Дмитрию версию убийства Президента, изложенную непонятными людьми в масках и с автоматом, а также косвенные подтверждения её на других сайтах и форумах. Кирсанов недоумевал. В итоге друзья условились периодически созваниваться, а также договорились разослать своим сотрудникам эсэмэски с сообщением от Авдеева. Речи о скорой встрече между ними не было.

По дороге в магазин Ропотов стал замечать, что на фасадах некоторых домов появились какие-то небрежные, видимо, впопыхах сделанные надписи. Они были большие, почти с человеческий рост. Раньше он их здесь не замечал. Надписи были нанесены чёрной и явно аэрозольной краской, какой обычно наносят свои граффити юные горе-художники. Почти все надписи были одинаковые, в том смысле, что это были одни и те же четыре буквы: одна «Р» и следом за ней

подряд три «С». Таким образом, получалось «РССС».

«РССС – прямо-таки СССР наоборот... Чуть какая!» – подумал Ропотов, проходя мимо одной из таких загадочных надписей. Часть из них старательно стирали дворники-азиаты, но некоторые надписи продолжали гордо и бесстыже обращать на себя внимание, оставаясь никем пока не тронутыми на всеобщем обозрении. Возле одной такой шифрограммы стояли три бабули и молодая женщина с девочкой за руку. Женщины живо что-то обсуждали, периодически показывая жестами на испачканную стену дома. Слова «вандалы», «проучить» и «безобразие» слышались особенно хорошо в этом переливе высоких и дребезжаще-скрипучих нот.

Войдя в магазин и прихватив свободную пластиковую корзинку, Ропотов, отвыкший было от пеших походов по супермаркетам, вспомнил, что очень давно не был в этой самой близкой от его дома «Пятёрочке» и что всё ему здесь почти незнакомо. Как правило, продукты Ропотов покупал в гипермаркетах типа «Ашан» и «Лента»; делал он это, в основном, один, по дороге с работы или в какой-то из выходных дней, дополня забивая багажник своего «Соляриса» или же вполовину – багажник старенького джипа его жены, когда он был на нём. Этих продуктов у них хватало почти на неделю, а если что и заканчивалось раньше, Лена покупала сама, выходя из дома среди недели. Эту «Пятёрочку», в отличие от своего мужа, она хорошо знала.

Наполнив корзинку пряниками, конфетами, сыром, моло-

ком и яйцами, а также банками фасоли и горошка, Ропотов встал в очередь в кассу. Перед ним стояло ещё человек пять. Ближайшие к нему: молодой человек, явно студент, и девушка, скорее всего, его хорошая знакомая, – негромко, но эмоционально обсуждали что-то такое, что сильно их волновало. И это явно не касалось их отношений. Прислушавшись, Ропотов понял, что предметом столь оживленной беседы были вчерашние события в Москве. Ребята обсуждали подробности ещё одного теракта, вероятно, того, о котором Ропотову говорила утром Лена.

Из разговора парня с девушкой следовало, что вчера ближе к вечеру почти на глазах этого парня произошло нападение на военную колонну в районе парка Сокольники, где он в тот момент был со своим другом. На этот раз никаких взрывов не было, зато по проезжавшим машинам с военными стреляли из автоматов. Одна машина, вероятно, потому, что её водителя убили или ранили, съехала с дороги и врезалась в столб освещения. От удара она перевернулась в кювет. Пострадавших и пытавшихся покинуть кузов солдат расстреливали из леса. Очевидно, что в лесу, который перерезал Ростокинский проезд, со стороны Лосинового острова колонну поджидала засада. Удалось ли задержать или уничтожить нападавших, ребята не знали, потому что они сразу же, при первых выстрелах убежали оттуда. Парень говорил, что они чудом остались целы, и что пули свистели у них над головами.

– Зачем же вас с друзьями понесло в такой-то мороз в лес? – не выдержал тут Ропотов и вмешался в разговор.

Парень, ему было лет восемнадцать, обернулся, оценивающе оглядел Ропотова с головы до ног и, в свою очередь, спросил того:

– А Вам чего до этого, Вы что, из полиции?

– Нет. Не из полиции. Интересно просто стало, не придумал ли ты это всё? – с ухмылкой произнёс Ропотов.

– Ну да, придумал! Что мне, больше делать, что ли, нечего? – возмутился парень. – У моего друга девушка там учится, на инязе, в Ростokino. Ходили с ним вместе её встречать. Заодно погуляли там... Чуть не нагуляли приключений на свою жопу, – здесь они оба: и парень, и девушка взорвались дружным смехом. Ропотову же явно было не до смеха.

Оплатив продукты на кассе, Алексей вышел из магазина и направился в сторону дома. Огляделся на всякий случай по сторонам, нет ли какой опасности. Тревожные мысли не покидали его всю дорогу.

«Вот тебе и ещё одно подтверждение слов, что произносил тот человек без маски из Интернета, – думал он, – понятно тогда, почему расстреляли «жигули» кавказца, есть у военных повод, значит, бояться всего вокруг».

«Как же холодно на улице!» – подумал Ропотов, поднимая свободной рукой воротник куртки, и тут же ускорил шаг.

Неожиданно для себя он услышал какой-то шум и увидел оживление впереди на пути. Это были крики несколь-

ких взрослых мужчин и одного явно подростка. Ропотов сбавил скорость. Приглядевшись, он увидел, как ему навстречу трое полицейских тащат молодого мальчишку, без шапки и с оголённым животом, а тот упирается и что-то им дерзко высказывает, срываясь на крик. Четвертый полицейский, очевидно офицер, шёл впереди этой группы, держа в руке лёгкий на вид рюкзак, видимо, этого самого задержанного парня. Из полуоткрытого рюкзака раздавалось побрякивание пустых металлических банок. Поравнявшись с остановившемся в недоумении Ропотовым, он, нисколько не обращая на того внимания, развернулся и, остановившись, громко сказал парню:

– Сейчас ты нам быстро расскажешь, кто тебя надоумил на стенах писать гадость, и кто твои дружки.

Парень, который тоже остановился, вернее, остановились те трое, что его тащили, в ответ заголосил:

– Я ничего не знаю и ничего вам не скажу.

По лицу его текли слёзы, под носом была размазана кровь, а уголок рта, тоже в крови, медленно синел и опухал, видимо, после полученной зуботычины. Обе ладони парня, особенно правая, были выпачканы чёрной краской.

– Скажешь, скажешь, как миленький. Не такие говорили, – явно раздраженный и весь мокрый, сначала от преследования, а потом от возни с задержанным, сказал офицер. – Чуть руку о тебя не сломал, гадёныш.

С этими словами офицер стал внимательно разглядывать

свой кулак, поворачивая его в разные стороны.

– А Вы что уставились? – вдруг обратился он к Ропотову.

– Я? Ничего, – произнес опешивший Ропотов, – а что он сделал, этот парень? – показал Алексей головой и взглядом на задержанного.

– Что-что сделал? – тут офицер посмотрел снова на свой кулак, зубы его при этом заскрежетали. – Портил общественное имущество, сопротивлялся при задержании, вот что. Проходите, давайте... Или, может, у Вас есть, что сказать по этому случаю? – посмотрел, судя по его погонам, старший лейтенант на Алексея, прищурясь.

– Да, нет, собственно, нечего сказать, – Ропотов перевёл взгляд от глаз лейтенанта себе под ноги и потихоньку начал движение, куда и шёл.

– Это не я! Отпустите! – закричал истошно парень.

– Веди его! – приказал подчинённым старший лейтенант.

Группа полицейских и парень продолжили путь к подъехавшей и остановившейся неподалёку полицейской машине. При виде машины парень стал ещё больше упираться и пытаться вырвать руки из цепких объятий стражей порядка. К месту шума стал стекаться народ. Люди, не понимая, что случилось, и откуда крики, выясняли друг у друга, что там, кто этот парень и что он натворил.

– Парень этот на стене краской писал, а полиция его поймала, – ответил Ропотов какой-то полуслепой бабушке, когда та цепко схватила его за руку со словами: «Что там, мил-

человек, деиться-то?»

– Во, прально, буить знать теперичи, как озорничать, паршивец эдакий, – убежденная в своей правоте, закивала бабушка, отпуская руку Ропотова.

Ропотов ещё раз повернулся, чтобы посмотреть, как парня запихивают в машину, и в этот самый момент парень сумел вырвать одну руку, развернулся к людям и, не в силах вырвать вторую, поднял свободную и зажатую в кулак руку вверх и, что было силы, прокричал: «Россия снова станет...»

Слово «свободной» – Ропотов догадался – парень уже не смог громко выкрикнуть, потому что его голову и туловище полицейские затолкали в машину. Старший лейтенант, следуя за своей командой, обернулся и крикнул в толпу: «Расходись! Никаких собраний у меня!» Встревоженные люди поспешно принялись расходиться, продолжая вполголоса обсуждать случившееся только что на их глазах.

«Вот оно что означает, это «РССС»: «Россия снова станет свободной», – подумал Ропотов, – та самая боевая кричалка людей из ролика. Получается, и этот парень был из сочувствующих штабу спасения и его боевикам. И ходил прямо здесь, возле нашего дома! Немыслимо!»

Когда он зашёл в подъезд, то обнаружил, что лифт не работал. Постояв недолго, понажимав несколько раз на погасшую кнопку вызова, негромко выругавшись, Ропотов пошёл вверх по лестнице.

«Хорошо ещё, что мы живём на третьем этаже», – успо-

каивал себя Алексей.

На лестничной площадке уже стояла Лена, недоуменно смотрящая то на свой, то на соседские электрические счётчики в общем электрощитке:

– Представляешь, света нет, и, похоже, не только у нас одних.

– То-то я смотрю, лифт не работает, – заметил Алексей.

– Надеюсь, скоро дадут. Если через полчаса не дадут, буду звонить в ЖЭК или «Мосэнерго», – с видом бывалой домохозяйки произнесла обеспокоенная Лена.

Они оба вошли в квартиру. Слышно было, как другие жильцы подъезда на верхних и нижних этажах также выходят из своих квартир и пытаются понять, что приключилось со светом.

Лена дозвонилась до «Мосэнергосбыта» только через час. Электричества в доме по-прежнему не было. Ей сказали, что в сети перебои, обесточено несколько объектов в их районе, и что они пытаются перевести всех на резервную линию. «Не беспокойтесь, скоро всё восстановим. Будет у вас сегодня свет», – постаралась обнадежить Лену явно уже уставшая делать это за сегодня женщина-диспетчер. Лена немного успокоилась.

Ещё через час свет наконец дали. Все в квартире Ропотовых были несказанно этому рады. Алексей первым делом включил телевизор, надеясь уже наконец снять для себя все мучившие его последние несколько часов вопросы, главным

из которых был: «Что же всё-таки происходит в городе?»»

Глава XI

По телевизору выступал Президент. Лицо этого уже почти лысого, стареющего, но всё ещё отчаянно молодящегося человека было чрезвычайно обеспокоенным, и это беспокойство отражалось на его речи: несколько раз он запнулся, не в силах совладать с волнением.

Президент говорил о том, что безответственные силы хотят развязать в стране гражданскую войну – именно сейчас, когда всё стало налаживаться, устраиваться:

«Фашиствующие молодчики, националисты и уголовники, антисемиты и гомофобы, социопаты и ксенофобы всех мастей, объединившиеся между собой, и, прикрываясь лозунгами патриотизма, справедливости, народности, а также призывами защиты всего русского от всего чуждого и знаменами мнимого спасения и возрождения России навязывают нам, нашему обществу, всей стране, по сути дела, страшную братоубийственную кровопролитную войну. Их истиной целью, на самом деле, является банальная жажда власти, а методы её достижения хорошо всем известны – это ложь и насилие.

Ведомые своими кураторами из иностранных разведок, из стран, объявивших Россию врагом, исчадием ада, они хотят посеять среди нас страх и ненависть, и на волне разжигаемой

ими ксенофобии покорить волю народа, снова принудить всех к поклонению ложным идеям и кровавым идолам. Покорить волю, которая неоднократно выражалась в поддержке выбранного тридцать лет назад пути – пути, выстраданного миллионами наших предков, замученных и уничтоженных в застенках тюрем и лагерей ГУЛАГа, пути к свободе и процветанию: страны, общества, каждой отдельной личности.

Эти, с позволения сказать, патриоты, а правильнее их называть «псевдопатриоты», – хотят навязать нам своё искривленное представление о добре и зле. Белое они называют чёрным, а чёрное – белым. Путём прямого обмана они хотят ввергнуть страну в пучину лихолетья, новой смуты, после которой уже не будет ни самой страны, ни её народа. Они раскручивают и толкают новое красное огненное колесо, которое в результате не пощадит никого из нас, и тем, кто выживет, оно перережет жизнь на до и после, заставив их пожалеть о том, что они выжили.

Люди, устроившие вчера кровавую бойню с взрывами в центре нашей страны, в Москве, в результате чего есть погибшие и раненые, люди, развязавшие террор, переступившие черту и растоптавшие выбор народа, – о каком счастье они могут говорить, какую правду они могут нести? Какую свободу провозглашают? Свободу убивать? Свободу казнить без суда и следствия?

Но они жестоко просчитались. Такая, с позволения сказать, свобода нашему народу не нужна! Наш многонацио-

нальный и многострадальный народ не обмануть, не провести на мякине. Они хотели убить меня, но у них ничего не получилось, потому что никогда не получится. Потому что можно убить одного человека, но нельзя убить всех, нельзя отнять у народа выстраданную им настоящую свободу. Свободу, доставшуюся в борьбе.

И ещё. Пока все негодяи и убийцы не будут уничтожены или обезврежены, пока существует опасность для наших мирных граждан, в Москве будет действовать военное положение и комендантский час. Собrania и митинги временно запрещены. Прошу москвичей и гостей столицы отнестись к этому со всем пониманием и с полной серьёзностью. Но уже совсем скоро мы все снова вернемся к привычной мирной жизни, обращенной в наше счастливое будущее.

А тёмное прошлое уже никогда не вернуть. Возврата к нему больше нет! Тоталитаризм не пройдет! Насилие над личностью не пройдет! ГУЛАГ не пройдет!»

Президент закончил своё обращение. Алексей, внимательно слушая его, постепенно проникался, наполнялся верой в произносимые слова; а под конец выступления даже стал одобрительно кивать головой, такой большой была сила убеждения бессменного национального лидера. Так умело находил он нужные слова и вовремя делал паузы, так правильно расставлял ударения, принимал позы, выбирал наклоны головы и положения рук, избегая лишних движений и жестов. Лучше, проникновеннее Президента говорить с

экрана в стране в это время не умел никто. И глядя в его глаза, казалось, что можно заглянуть через них в самую его душу, такую чистую и непорочную, абсолютную.

– Ну, вот, он жив и невредим, слава Богу! – воскликнула Лена с первыми же словами Президента.

– Подожди... дай послушать, – перебил её тогда же ещё Ропотов.

Когда трансляция закончилась, Ропотов выключил телевизор и, воодушевленный услышанным, предложил жене: «А не выпить ли нам по рюмашке за такое дело?» Лена, улыбнувшись, пошла на кухню. Через пять минут они уже вместе скромно отмечали радость восстановления пошатнувшегося было порядка в стране.

Мороз на улице заставил Ропотовых до конца дня остаться дома, да и продолжающееся военное положение походам на улицу никак не способствовало. Так и провели они остаток этого неожиданного для всех выходного дня дома за просмотром телевизора да веселыми играми. Так хорошо всем четверым им давно не было. Вот уж поистине: не было счастья, да несчастье помогло.

Глава XII

Сознание постепенно покидало его. Рана на бедре продолжала кровоточить, хотя он, как мог, обработал её. Бинт был весь пропитан кровью, от чего раненая нога лежала в липкой,

постепенно разрастающейся луже. От неё, подгоняемый ветром, тонкими струйками исходил пар. Рана была слишком большая, её нужно было зашивать, но кроме него некому это было сделать; сам же он решил для себя, что это пустая трата времени. Пуля прошла навывлет, не задев кости, но это уже его не спасёт: сдаваться он не собирался.

Рядом с рукой лежала граната, которую он оставил напоследок. Чуть поодаль – пустые автомат и два рожка. Патроны в пистолете тоже закончились. Он взял в левую руку гранату, прижал к груди, указательным пальцем правой руки сжал покрепче кольцо.

«Троих или четверых из своего «Лебеда» я положил, троих – это точно. Итого на пятнадцать выстрелов три двухсотых и один трехсотый или даже четыре двухсотых. Неплохо, майор», – подбадривал он себя.

Леденящий ветер из пустых оконных проёмов здания притуплял боль в ноге, но из-за этого собачьего холода своих пальцев рук и ног он тоже почти не чувствовал. Вокруг была тишина. Для него она уже не была зловещей. Наоборот, эту тишину он воспринял как подарок. Последний в его жизни. Пусть лучше её боятся те, кто совсем скоро войдет сюда за ним в надежде взять живым и выполнить приказ своих командиров. Они думают, наверное, что «дело в шляпе», возьмут его «тёпленьким», а в крайнем случае добьют, когда он будет отстреливаться.

«Ничего у вас не выйдет, ребята. Русские не сдаются», –

прошептал он вслух, хотя никого кроме него в этом полуразрушенном помещении не было. Кривая улыбка проступила на его грязном от земли и копоты лице. Он попытался сплунуть в сторону от себя, но у него не вышло: во рту совсем пересохло. Глаза сами собой закрылись. Он уронил подбородок на грудь, голова пошла на бок, он тут же поймал, выровнял её и раскрыл пошире глаза: «Не спать!»

О чём может думать обреченный, точнее, обрекший сам себя на смерть человек в отведенные ему последние минуты жизни? О надежде? Нет. Надежды он лишил себя сам, когда твёрдо решил больше не жить. А реши он по-другому, и, кто знает, что тогда будет с ним дальше.

Сейчас его схватят, скорее всего, будут бить, пытаться, срывать на нём злобу, мстить за страх и за боль потери боевых товарищей. Потом бросят в застенок, снова будут бить, снова пытаться. Потом камера, допросы, камера, допросы, опять изматывающие допросы, табачный дым, свет в лицо, повторяющиеся раз за разом вопросы. Потом суд, слёзы жены, слёзы матерей и жён погибших по его вине людей, проклятья в его адрес, позор для детей, обзывания и зуботычины в школе. Потом пожизненное и могила с номером.

Но зато так он останется жив. Жив, жив, жив!

А, может, и наоборот: сейчас боль и страдания, а потом – всеобщее признание того, что он – герой, убивший тирана, Давид, поразивший Голиафа. Сначала свобода, а потом почёт и слава – на многие годы они ему в этом случае обеспе-

чены. Хорошая работа и большая пенсия. Очевидно, его изберут депутатом или сенатором, может быть, даже назначат министром обороны или его первым заместителем, а может, даже и генеральным прокурором. То-то он отыграется. Его дети и внуки получат вкусные должности, будут обеспечены до конца жизни, а самого его, новопреставившегося национального героя, под звуки выстрелов похоронят на Новодевичьем кладбище или на Мытищинском пантеоне, и сотни благодарных граждан возложат охапками цветы на его могилу.

«И на обломках самовластья напишут наши имена...», — он, как мог, рассмеялся скривленным ртом, — а потом... опять тишина. Такая же, как сейчас. Только уже вечная».

Из воспаленных от пороха и усталости его глаз выкатились и упали на грудь две жгучие слезинки: «Нет! Дудки! К чёрту пенсию и мраморный обелиск во весь рост! Не дождетесь и вы моих стонов и мольбу о пощаде, кровавые палачи. Я останусь здесь со своими товарищами и разделю с ними смерть. Смерть воина, смерть солдата. Никто ведь из них не думал о славе или о пытках перед тем, как пуля или осколок оборвали их жизнь. И я не буду.»

За кирпичной кладкой, метрах в двадцати от него слышались звуки осторожных частых шагов: перебежка, а следом — шуршание и приглушенные голоса. Палец послушно отозвался, передав мозгу ощущение металлической плоти кольца.

«Это вам за пацанов!» – вспомнились ему последние слова одного лётчика, погибшего в Сирии, когда враги окружили того, и кроме гранаты у него уже в руках ничего не было.

«Ну, давайте, ребята, подходите, со мной пойдёте», – неслышно зашевелил он губами.

Майор Равиль Нигматуллин в свои тридцать семь лет считался успешным следователем сначала Следственного комитета, а после его упразднения – Генеральной прокуратуры, вплоть до того самого момента, как ему поручили вести дело о миллиардных хищениях при строительстве стадиона в одном из городов проведения чемпионата мира по футболу 2018 года. Имея боевой опыт в Ливии и Сирии, он пользовался большим уважением у своих прокурорских коллег и подчиненных, пороку не нюхавших.

Начальство его ценило и никогда не забывало при распределении премий, грамот и других наград. В его послужном списке уже были несколько раскрытых дел, и что особенно важно для любого следователя, – несколько осуждённых, получивших реальные сроки.

Когда группа Нигматуллина вышла на близкого друга Президента, отношение начальства к уголовному делу быстро и неожиданно поменялось. Дело попросту стали топить, а на Равиля и его товарищей – оказывать давление. От них требовали подписаться под тем, что виновными в хищении были некие неустановленные лица, а похищенные ими деньги исчезли в неустановленном направлении.

Проявив характер и не поддавшись ни на коврижки, ни на угрозы, Нигматуллин был вскорости отстранен от дела, его группу распустили, а само дело закрыли с ничего не значащими выводами. Попытки Нигматуллина пойти через голову начальства и донести правду до руководства Генпрокуратуры привели только к позорному его увольнению за допущенные им дисциплинарные проступки. Кривда в очередной раз торжествовала.

Помыкавшись какое-то время без работы, уволенный по статье бывший следователь пошёл в охрану, в свободное время стал подрабатывать извозом: так или иначе голодными жену и своих двоих детей он не оставил. А потом ему как-то на День ВДВ встретился однокашник по рязанскому училищу и одновременно боевой товарищ по ливийской командировке, который и «раскрыл» ему глаза на ситуацию в стране. Семена его горькой правды упали в благодатную почву на сердце и разум Равиля.

Общение боевых друзей продолжилось, они стали переписываться, перезваниваться. Потом товарищ познакомил Равиля со своими друзьями: все сплошь бывшие военные, в основном, такие же десантники; были среди них и отставные правоохранители, опять-таки как Нигматуллин.

Обнаружив между собой единомыслие, а самое главное – горячее желание и возможности что-то изменить, они стали встречаться: сначала за общим столом, а потом уже в парках, лесах, забираясь все дальше и дальше от суетли-

вых мест и городов с их вездесущими пэпээсниками и видеокамерами, интегрированными в информационную систему распознавания лиц. Опасные разговоры сопровождалась походами, тренировочными стрельбами и кроссами по пятнадцать-двадцать километров по пересечённой местности. Раздобыть оружие для бывших военных не было проблемой. Так и возникла боевая ячейка партизан-заговорщиков, собиравшаяся время от времени то тут, то там.

Товарищи избрали Равиля своим командиром. Потухшие было его глаза снова обрели блеск, а смысл жизни – не выживания – вернулся к нему вместе с этим блеском. Потом на счету отряда были удачные вылазки и нападения на отделения полиции и судебных приставов, засады на машины Нацгвардии, расправы с тюремщиками, коллекторами, ювенальщиками, судьями, прокурорами, чиновниками районных администраций, словом, всех тех, за кем в народе прочно закрепилась дурная слава упырей, кровопийц, крохоборов и хриstopродавцев. Вот только в новостях это почти не освещалось. Ведь страна в них жила стабильно хорошо, безоговорочно доверяла своему Президенту и проводимой им политике, и ни у кого не должно было быть ни грамма сомнений в этом.

И вот настал день, который все они так долго ждали. Товарищи по подполью сообщили ему дату поездки Президента на московский завод для встречи с рабочими, среди которых тоже были верные люди, разделявшие их взгляды, готовые

рискнуть и помочь общему делу. До высокого визита оставалось три недели, но операцию по «встрече» нужно было проработать на местности, завезти оружие, подготовить огневые и оборонительные точки, пути отхода. Другие небольшие группы поддержки по согласованию с Нигматуллиным должны были устроить диверсии на пути следования силовиков к месту основной операции, по возможности задержав их колонны и подспудно создавая тем самым иллюзию начала всеобщего вооруженного восстания.

Непосредственно отряд Нигматуллина насчитывал тридцать два бойца. На «Универсале» к ним должны были присоединиться ещё четверо из местных. Двое из них работали в заводской охране. Они-то и помогли заранее запустить на территорию завода грузовик с оружием и боеприпасами, разгрузить всё и надёжно спрятать. Шесть человек остались незамеченными на складе охранять ящики. Остальные во главе с Нигматуллиным проникли на завод за двое суток до дня операции, опередив сотрудников президентской охраны, заранее по схемам, а потом и на месте изучив все заводские и окрестные здания и основные помещения в них, благо недостатка в нужной информации у них не было.

При подготовке операции долго не могли решить, как остановить колонну для того, чтобы потом методично и наверняка расстрелять её, как в тире. В группе Нигматуллина оказались два бойца, которые сами вызвались подорвать вместе с собой лимузин Президента. Терять им, по их сло-

вам, было уже нечего: у одного, Славки «Хрипатого», недавно обнаружили рак горла в запущенном состоянии, а второй, Валера Сёмин, год назад потерял в пожаре всю семью: мать, жену и маленькую дочку. Местные из охраны брали на себя вопросы их допуска в группу встречающих и ворота при въезде. На том и порешили.

После взрыва и расстрела лимузина и остальных машин кортежа начался штурм, затем – оцепление и целая военная операция. Над заводом нависли и стали кружить вертолеты и беспилотники Нацгвардии. Быстро уйти не удалось. Прдержавшись почти сутки и потеряв половину группы убитыми и тяжело ранеными, Нигматуллин приказал отступать к железнодорожным путям через примыкающий к заводу комбинат стройматериалов. Несмотря на сгустившиеся сумерки, прорваться в сторону Лианозовского лесопарка, а оттуда – рассеяться по городу – им уже не удалось.

Пришлось с боем отходить в противоположную по ходу железной дороги сторону. Силовики встретили их огнём и залпами из орудий бэтээров, когда они в темноте попытались перейти Алтуфьевское шоссе под эстакадой. Здесь остатки группы были рассеяны, многие погибли.

С Равилем оставалось семь бойцов, когда, отстреливаясь и проходя жилой сектор, они уперлись в забор ещё одной промзоны, как оказалось, Бескудниковской электростанции. Здесь и решено было принять последний бой.

Ещё, правда, оставалась надежда, что их акцию поддержат

другие разрозненные боевые группы, находившиеся в столице и ждавшие сигнала. Сигнал-то получился громким: видео, записанное людьми Нигматуллина с места покушения, уже бороздило просторы Интернета, собирало лайки и комментарии.

Шесть с половиной часов удерживали бойцы Нигматуллина свой последний рубеж обороны на территории подстанции до того момента, как короткую тишину в конце боя оборвал одиночный взрыв гранаты.

Яростное упорство сопротивляющихся вызвало столь же неистовую реакцию атакующих. Всю огневую мощь своей группировки силовики обрушили на этот клочок земли. Повсюду вокруг бушевал пожар, поглощая одно за другим здания, сооружения и единицы технологического оборудования. Вскоре большинство трансформаторов и система управления подстанцией были полностью уничтожены огнём и оружием. В довершение ко всему сбитый обороняющимися вертолет Росгвардии, объятый пламенем, рухнул на одну из опор магистральной ЛЭП на территории подстанции, повалив её.

И то, что ни при каких обстоятельствах не могло произойти, случилось. Одно потянуло за другое: следом за Бескудниково, на других подстанциях начались каскадные отключения электричества, в результате через несколько часов в городе, район за районом, а также в окрестных районах области и некоторых соседних областях наступил настоящий

конец света. А за концом света – конец отопления, газо- и водоснабжения, канализации, связи, общественного, а потом и личного транспорта. Что это такое в условиях лютой морозной зимы – скоро почувствовали на себе все москвичи.

Глава XIII

Лена проснулась ночью от холода, закуталась посильнее в одеяло и снова заснула. Через несколько минут пронизывающий холод опять разбудил её. Оказалось, что одеяло с Лены полностью стянул Алексей, завернувшись в него почти с головой. Стуча зубами, Лена посмотрела на мужа: он спал, негромко похрапывая. Будить его она не стала, но аккуратно, хотя и с силой потянула свой край на себя, отчего Алексей пробурчал что-то неразборчивое, перестал храпеть, но так и не проснулся. В этот раз Лена укрылась и уже под одеялом прижалась, как следует, к мужу. Теплота его тела и нагретой им постели быстро расслабили её, и Лена снова забылась.

Ей снилось лето, и море, и ветер, такой тёплый и солёный. Где-то вверху, на пальме закричала и вспорхнула птица. Саша и Павлик громко рассмеялись, лежа на соседнем от неё лежаке и брезгливо рассматривая хорошую каплю упавшего на лежак Алексея свежего птичьего помёта. Горячее от солнца махровое полосатое полотенце приятно укрывало ноги Лены, свесившийся же его конец лежал на песке. Она хотела поднять край полотенца с песка и отряхнуть, но рука не

слушалась её, настолько лениво ей было. Глаза жмурились от солнца, а рот улыбался от распиравшего Лену глупого смеха и блаженного удовольствия.

– Мама, мне холодно! – шепотом прямо в ухо Лене дрожащими губами проговорил Павлик, теребя её за плечо. Нарушив мамин сон, в темноте комнаты он пытался залезть к ней под одеяло, зубы его стучали.

– Паша? Что такое? Замёрз?.. Давай ложись сюда, ложись ко мне, мой мальчик... Ой, холодный какой! – Лена покорно впустила его, машинально проверив лобик сына, а также накрыт ли он полностью. Его холодные, даже в носочках, ноги устремились ей на бёдра. Чтобы накрыть сынишку одеялом, Лене пришлось хорошенько стянуть его с Алексея. Ей удалось легко это сделать, ведь Ропотов старший крепко спал и ничего не почувствовал.

– Спи, малыш, – Лена поцеловала сынишку в затылок.

В комнате наконец воцарилась тишина, едва нарушаемая сопениями сразу трёх родных носов да равномерным ходом недорогих китайских настенных часов.

Через несколько минут пришла пора проснуться и Алексею. Озябший и от того потирающий ладонями то левое, то правое свои предплечья, он быстро оценил картину, сообразив, что бороться за одеяло нет смысла. Потом встал, и, пошатываясь ото сна, добрал до кресла, нащупал там плед, взял его и вернулся на своё место у стенки.

Завернувшись в плед с головой, Алексей быстро заснул.

Перед этим на лице его с уже закрытыми глазами промелькнула мимолетная улыбка: он на миг вспомнил, как давным-давно маленьким мальчиком сам любил ночью, когда подолгу не мог заснуть, прибежать на цыпочках в родительскую спальню и нырнуть к маме под одеяло.

Как же был счастлив он в те минуты, как быстро неудобство и пыточное бодрствование сменялись для него радостным беззаботным детским сном, как приятно было ему тогда, засыпая, ощущать спиной тёплое и мягкое мамино тело, слышать её спокойное ровное дыхание и лёгкую тяжесть её руки поверх своего маленького детского тельца.

В пять утра Лена в очередной раз проснулась и с ужасом обнаружила, что все батареи в их доме были холодными. Разбудила Алексея, бросилась звонить в аварийку. Света в доме опять не было. Но теперь ещё не работали и оба мобильника. Интернет тоже не грузился. Полная информационная блокада. На улице за окном – темень, и никого. Умываясь впотьмах, Алексей обнаружил, что струя воды стала слабее обычного, при этом из горячего крана текла почти такая же вода, что и из холодного, только чуть-чуть теплее. Сходил на кухню: то же самое. Проверил плиту. Газа в конфорках тоже почти не было, лишь слабый огонек ещё подавал какую-то надежду.

Догадавшись, что воды в кране скоро вообще не будет, Алексей быстро приказал Лене принести ему в ванную и ей самой в кухне начать заполнять все свободные ёмкости: ка-

струли, тазики, чайник. Только заполнив постепенно все их, они немного смогли перевести дыхание. Теперь необходимо было как следует одеться и укрыть потеплее детей.

Когда стало рассветать, Лена на всякий случай сделала ревизию продуктов в доме. Дня три, от силы четыре они могли продержаться на текущих запасах. А вот дальше есть уже было нечего. Но не четыре же дня им находиться в этом положении? Президент же жив, значит, и жизнь продолжается, а последствия терактов скоро устроят.

– Устроят, а как же ещё? Потерпим несколько часов, ну, максимум до вечера, как вчера, и всё восстановится.

– Меня сейчас больше всего батареи беспокоят. Вдруг они замерзнут при таком морозе на улице и полопаются. Тогда дело – швах! – произнес с тревогой в голосе Алексей.

– Этого только не хватало. Мы же тогда замёрзнем!

– Не волнуйся, Лен, придумаем что-нибудь тогда. Да я уверен, что и не дадут им, батареям замерзнуть-то. Они уже наверняка сейчас все в мыле бегают, устраняют. Хоть и не дозвониться ни до кого. У них у самих, небось, такая же холодина дома. Всё обойдётся, вот увидишь!

Но ни через три часа, ни к вечеру тепло в квартиры дома Ропотовых так и не дали. А чтобы батареи не полопались от мороза, в местном домоуправлении с самого утра приняли решение вручную слить из системы всю воду, пока она совсем не замёрзла. По квартирам стали ходить сантехники с фонарями и газовыми горелками, проверять, у всех ли вода

слилась, не замерзла ли. Где надо, они раскручивали трубы отопления, грели радиаторы и сливали оставшуюся воду.

Хмурые сантехники, явно обеспокоенные таким положением вещей, наотрез отказывались давать жильцам какие-либо утешительные прогнозы даже на ближайшее будущее. С наступлением вечерних сумерек эта работа в целом была закончена. Надежда же на скорое возвращение тепла в квартиры таяла так же, как и лёд в разогретых, но потом также быстро холодеющих пустых радиаторах.

В квартире Ропотовых с момента сдачи дома в эксплуатацию были установлены батареи простейшего типа: поворотная труба-петля с прихваченными к ней сваркой частыми железными поперечными пластинами. Пластины сначала быстро разогрелись от горячей трубы, а потом также быстро отдавали окружающему пространству помещения всё своё тепло, подхватываемое и уносимое вверх невидимыми глазу потоками циркулирующего в помещении воздуха, который, поднимаясь под потолок и постепенно там охлаждаясь, снова устремлялся вниз, к полу, а по нему – опять к батарее, где весь процесс повторялся снова. Так вот такие батареи даже не пришлось специально отогревать: как только воду начали сливать, ей негде было задерживаться, и она вскорости покинула квартиру Ропотовых без необходимости принимать дополнительные меры, что немало порадовало вошедшего в их квартиру после громкого стука в железную входную дверь запыхавшегося сантехника.

– Не знаю, девушка. Ничего не могу сказать. Во всём Шукино, а говорят, и во всей Москве нет ни света, ни отопления, ни газа с водой. Какая-то авария большая, говорят, случилась. Все силы собраны на устранение. Нас с полчетвертого ночи бросили на объекты, выходных даже на ноги подняли. Я сам поесть не успел толком сегодня, – раздраженно ответил немолодой уже сантехник на все расспросы Лены.

– А что же нам делать, у нас двое детей, как и чем их греть в этот холод?

– Не знаю, девушка. Дома у самого малой с мамкой сидят, а я им даже позвонить не могу: мобильник не работает, потому что вышки обесточены... Что я могу сказать? Одевайтесь теплее, укрывайтесь всеми одеялами, что есть в доме, и лежите под ними, ждите. Если не восстановят электричество, нам сказали, питьевую воду и горячую пищу должны по дворам развозить.

– А как же узнать, что в наш двор привезут?

– Да они в матюгальники сами объявят. Услышите, небось. Всё, пошёл я дальше, девушка. Мне ещё два этажа в этом и весь следующий подъезд остались.

– Спасибо Вам, до свидания...

Лена закрыла за сантехником дверь, потом, повернувшись, с вопиющей, но бессмысленной надеждой заглянула в глаза мужу. Алексей только развёл плечами: ему даже нечего было ей сказать. Припав к нему на грудь, она тихонько заплакала. Тонкая горячая струйка побежала по шее Алексея.

– Ну, что ты, моя хорошая?! Не плачь, всё обойдется.

Глава XIV

Довольно быстро – уже через день после отключения отопления – в квартире Ропотовых стало очень холодно, столбик термометра опустился до плюс четырёх по Цельсию.

Заготовленная на кухне впрок вода ещё не замёрзла, но подогреть её было уже нечем. Чтобы хоть как-то давать пить детям, Лена и Алексей поочередно держали кружки в своих руках, согревая собственным теплом. Почти всё, что можно было съесть, не разогревая и не отваривая, они уже съели.

Алексей, наконец, решился выбраться на улицу: посмотреть по сторонам, порасспрашивать прохожих, сходить к магазину. Лена прощалась с ним, как в последний раз, – настолько тревожной казалась ей обстановка на улице, настолько же и страшно было оставаться ей одной в тёмном, холодном доме, на руках с ничего не понимающими, постоянно просящими есть-пить детьми. Но сидеть просто так и ждать у моря погоды тоже никуда не годилось.

На улице уже было темно, хотя вечер только начинался. Лампочки в подъезде не горели, лифт не работал, а на улице одинокими чёрными жердинами стояли спящие и понурившие свои головы великаны-фонари. Выходя из подъезда, Ропотов освещал себе путь карманным фонариком, телефонный же фонарик он берег, всё ещё надеясь, что связь зарабо-

тает быстрее, чем кончится заряд в его смартфоне. В подъезде было тихо, слышны были лишь его собственные осторожные шаркающие шаги.

Ветра на улице почти не было, но мороз хорошо ощущался, особенно после теплого одеяла в остывшей квартире. Ропотов прибавил шагу в надежде согреться.

Одинокие силуэты прохожих едва мелькали где-то вдалеке. Но как назло, во дворе их дома никого не было. Алексей обернулся и посмотрел назад, потом вверх на окна их дома: никогда ему ещё не было так тоскливо и неуютно здесь.

Дом, такой родной и приветливый, смотрел теперь на него чёрными квадратами своих потухших стеклянных глаз. Ни одного светлого окна, ни одного звука из окон. Как будто всё вымерло. И самое неприятное: полная темнота в окнах его квартиры, выходящих во двор. А ведь всегда, выходя из подъезда, Ропотов по привычке оборачивался к ним, чтобы увидеть там родную руку, две, а то и больше; увидеть, улыбнуться и ответить тем же – своей поднятой вверх рукой. А тут – ничего. Ни рук, ни света в окне.

«Неужели никого больше не осталось? Куда же они все подевались?» – вопрошал он сам себя. Вдруг, приглядевшись, Ропотов увидел лёгкое дрожащее жёлтое пятнышко в одном из окон соседнего подъезда, потом ещё одно – выше и левее. Повернув голову и силясь взглянуться в окна другого, стоящего напротив такого же вымершего было дома, он и здесь обнаружил, не сразу, правда: чуть заметное подрагивание света

в одном из окон; рядом с ним – другое; ещё, ещё огонёк.

«Ну, слава Богу!» – ему стало от этого сразу как-то легче. Шаг стал бодрее, и Ропотов направился в сторону ближайшей «Пятёрочки».

Подходя к входу в магазин, он увидел троих мужчин, громко разговаривающих с закрытой дверью-жалюзи.

– Когда откроете? Жрать уже дома нечего. Ни воды, ни еды никакой... Давай открывай, мы заплатим.

Мужчины стали колотить в дверь, от чего она стала ходить ходуном и издавать глухие дребезжащие звуки.

Из-за двери послышался приглушенный мужской голос:

– Да перестаньте вы стучать! Я вам русским языком говорю, магазин не работает, света нет, кассы не работают, продавцов тоже нет.

– Слышь, будь человеком, – произнёс один из этих троих в самую щёлку двери, – открой, мы сами наберём, что нужно, сами посчитаем и тебе деньги оставим. А ты запишешь, а когда свет дадут, внесёшь в кассу.

– Ну, неизвестно же, когда починят всё. У вас тут продуктов навалом, а у нас дома шаром покати. Открой, а? – продолжил второй.

– Не положено! Я – простой охранник. Мужики, уходите... ну, не работаем мы.

Ропотов подошёл ближе. Перед ним стояли двое мужчин помоложе его, и один, напротив, лет на пятнадцать старше.

– Что, не открывают?

– Не открывает.

Тот, что был моложе, грязно выругался и смачно сплюнул.

– Есть закурить? – обратился он к Ропотову.

– Не курю, давно бросил.

– А зря! Сейчас только что и осталось – курить... бамбук.

Старший по возрасту стал апеллировать к Ропотову:

– Смотри, в домах ничего нет: ни света, ни отопления, ни воды, ни газа. Второй день уже. Холод собачий в квартирах, никому дела нет. А тут продуктов полон магазин, и некому команду дать отпускать всё по записи. Ну, не умирать же людям голодной смертью? Что же они делают, сволочи?

– А что вообще происходит-то, кто-нибудь знает?

– А тебя как звать-то самого?

– Алексей.

– А меня – Борис... Алексей, слышь, авария в электро-системе случилась. Очень серьёзная авария. Конкретная такая. Свет отключился, по ходу, по всему городу. Нет света – и ничего нет. Насосы не работают, котлы не работают, вышки не работают. Будет свет – всё восстановится... Лёш, а когда он будет, кто ж его знает?

– Я такого и не припомню, чтобы было.

– Не, ну было лет пятнадцать назад что-то подобное, я помню. Только тогда лето было, жара. Восстановили не сразу, где-то воды и света с неделю не было, а где-то, как у нас тут, – быстро дали. Но тогда лето было! А сейчас на дворе февраль месяц, и на градуснике минус двадцать... Ой, что

будет, что будет?! Помёрзнем мы все, мать их за ногу...

Третий из мужчин, тот, что до этого молчал, вдруг заметил негромко:

– Мужики, а может, отожмём мы эту дверь, а дядю того – прижмём, как следует, и жратвы домой наберём? Нас ведь четверо, а он там один. Что он нам сделает?

– А вдруг он не один? – засомневался второй, что помоложе.

– Серёг, не дрейфь! Один он там, я тебе говорю. И камеры сейчас не работают, и тревожная эта их кнопка...

Видя, что дело начало приобретать опасный поворот, Ропотов попытался вернуть их разговор в правовое поле:

– Мужики, хорош вы! Это же кража со взломом. Ещё и разбойное нападение на человека при исполнении. А сейчас комендантский час, нас даже судить не будут, просто патруль расстреляет вот здесь прямо, на этом самом месте, и всё.

– Во-во, по законам военного времени, – добавил Борис.

– Военного положения, – поправил его Ропотов.

– Вашу мать! – сплюнул зачинщик взлома, – с вами точно каши не сварить... ни сегодня, ни завтра! Что вы только бабам своим да детишкам дома скажете, когда они вас жрать просить будут?

Постояв так ещё минут с пять, поговорив пустое, все четверо решили разойтись. Ропотов шёл домой с противоречивым чувством: с одной стороны, он предотвратил преступление, возможно, даже убийство несчастного охранника ма-

газина, с другой – ему совершенно нечего было нести домой. А значит, и весь его поход оказался в целом бесполезным.

«Как меня встретят Лена и дети? «Папа, что ты нам принёс? Мы хотим есть», – а что я им дам? Уголовный кодекс почитаю на память?» – крутилось у него голове.

Когда он открыл дверь в квартиру, в звенящей от холода темноте его никто не встречал. Дети вместе с Леной, полностью одетые, даже в шапках и перчатках лежали в их с Ропотовым комнате, свернувшись в один большой клубок и укрывшись всеми одеялами, что были в доме. Откуда-то из-под одеял послышался приглушенный детский кашель.

– Алёша, это ты? – последовал голос Лены.

– Да... я, – ответил Ропотов Лене из коридора.

– Алёша, у Саши, похоже, температура, и он кашляет.

– Вот, чёрт! Этого только сейчас не хватало.

– Я там нашла лекарства противовирусные, уже дала. Но ему б сейчас чего-нибудь горячего: молока с мёдом или чая с малиной... Господи, как же у нас холодно, даже цветы в горшках все замёрзли... Молоко и вода у нас есть, а как это всё нагреть, ума не приложу... Алёш, придумай что-нибудь. Ты же мужчина!

Ропотов, не разуваясь и, тем более, на раздеваясь, в чём был, сразу прошёл на кухню. Он вспомнил, что в одном из шкафчиков у них были ароматические свечи. Порывшись в темноте, он отыскал две большие, почти нетронутые, купленные когда-то в «Икеа» свечи. Вооружившись зажигалкой,

он решил зажечь только одну из них. Вторую же – оставить про запас на столе, чтобы та потом была под рукой. Когда Ропотов искал зажигалку, он также обнаружил пару коробков спичек, и что ещё более ценно – нераспакованный пакет плоских чайных свечек, на сотню штук. Какая, в сущности, бесполезная мелочь – свечи и спички в городской квартире, но как сейчас они оказались кстати, и как, быть может, они ещё пригодятся им!

Жёлтый, ритмично вздрагивающий от дыхания Ропотова огонёк после того, как подхватилась и разгорелась свеча, удлинился и стал ещё лучше освещать кухню. Такой приятный и дразнящий аромат кофе наполнил и защекотал ноздри Ропотова.

«Да, сейчас бы кофейку горячего глоток... да с колбаской», – пронеслось у него в голове.

Первым делом Ропотов поднёс к пламени свои озябшие руки. Растирая их, он долго не мог почувствовать тепло. Когда он сел на стул, глаза сами собой стали закрываться. Внезапно острая боль опалённой ладони привела его снова в чувство. Одёрнув руку, он встал и нашёл на полке эмалированную кружку. Налил в неё ледяного молока. Наполовину пустой, оставленный Леной пакет уже стоял на столе. Держать его в холодильнике не имело смысла – вся их квартира сейчас превратилась в один большой холодильник.

Ропотов держал над свечой неполную кружку минут пять, пока Лена не окликнула его. Ей не терпелось напоить горя-

чим Сашу, а время тянулось мучительно долго. Попробовав тотчас молоко на язык, Ропотов убедился, что оно почти не нагрелось. Держать долго кружку на весу было неудобно, да и тепла от одного фитиля явно не хватало для её разогрева.

«Подожди ещё немного! Нагревается, но медленно», – крикнул Ропотов из кухни. Он поставил кружку на стол и заглянул в мусорное ведро. Оттуда извлёк пустую консервную банку из-под фасоли, которую недавно покупал в «Пятёрочке», когда та ещё работала.

Банка была большая, с одной стороны, но с другой: «Лучше бы она была больше, её содержимого хватило бы нам подольше», – подумал с сожалением Ропотов. Повертев банку в руках, он взял нож и стал пробивать им по всей окружности банки отверстия: три-четыре снизу и столько же у верхнего края. Потом поместил на дно банки три чайных свечи – больше не влезало – и ловко зажёг их одной спичкой. Сверху на банку водрузил ковш, перелил в него молоко и накрыл крышкой. «Теперь другое дело! – удовлетворенно отметил про себя Ропотов. – Так и быстрее будет, и руки хорошенько можно погреть».

Погрев немного ладони от самой банки, он сходил в комнату, где Лена и дети лежали, укрывшись одеялами. Предложил Лене, также как он сам только что, погреть руки. Она отказалась – вылезать из-под одеяла для того, чтобы греть только руки, охладив при этом остальное тело, она не захотела. Вместо этого Лена попросила Ропотова рассказать ей,

что он видел и слышал на улице.

Не услышав для себя ничего радостного, она снова погрузилась в полудрёму. Саша тихонько покашливал, Павлик же, что удивительно, лежал молча.

Ропотов вернулся на кухню. Минут пятнадцать потребовалось, чтобы молоко нагрелось до образования у его поверхности легкого пара. Этого было достаточно. Сняв ковш с банки и перелив молоко обратно в кружку, Ропотов добавил и растворил в молоке ложку густого мёда. Потом он осторожно потушил свечи, стараясь не расплескать расплавившийся в них и ставший вдруг таким драгоценным простой парафин. Когда он нёс кружку в спальню, больше всего он боялся споткнуться обо что-нибудь в темноте и разлить с таким трудом приготовленное лекарство. Но, к счастью, в пути с ним ничего не приключилось, и разбуженный Леной и немного осоловевший ото сна Саша, откашлявшись, как следует, с жадностью выпил всё молоко до последней капли.

– Мама, я тоже молочка с мёдиком хочу, – вдруг напомнил о себе Паша.

– Какой у нас папа молодец... – громко похвалила Лена мужа, и тут же едва слышно добавила, – а молоко ещё осталось, Лёш?

– Да, на полчашки наберется. И ещё два полных пакета у нас есть.

– Сделай, пожалуйста, и для Паши, а то я боюсь, как бы и он не заболел.

Глава XV

Прошло ещё несколько дней, но ни в их дворе, ни в других окрестных московских дворах так и не появились машины с горячей пищей и кипятком. Съевшим свои последние припасы москвичам пришлось очень тяжело. Люди пытались как-то продержаться, выжить. На улицу почти никто не выходил из-за жуткого холода. Обращаться за помощью было бесполезно. Так как телефонная связь не работала, для решения любого вопроса нужно было тепло одеваться, выходить на улицу и идти самому за помощью.

Да и идти, по сути, было некуда. Магазины, аптеки и поликлиники не работали. Машины скорой помощи пока ещё курсировали, но, чтобы скорая приехала к тебе, ты или кто-то ещё должен был идти на дорогу её ловить. Когда же неотложка всё-таки приезжала во двор по такому вот «ручному» вызову, её сразу же обступали жители соседних подъездов и домов с мольбами о помощи.

Вот только всем помочь врачи никак не могли. Запас лекарств у них быстро заканчивался, а везти в больницу всех, кто об этом просил, они не могли: больницы города были переполнены, хотя света и тепла практически не было и там. Резервные дизель-генераторы не справлялись с возросшей нагрузкой, постоянно выходили из строя, да и подвоз солярки к ним был нерегулярным. Почти вся их мощность расхо-

довалась на работу операционных: в них было и светло, и более или менее тепло. Но, увы, толка от таких операций было немного: только что и с таким трудом прооперированных больных везли в тёмные холодные палаты, где они потихоньку умирали без должного ухода. Да и немудрено: не то, что медикаментов и продуктов, в больницах катастрофически не хватало персонала – в отсутствии транспорта до работы добирались лишь те немногие, кто жил недалеко.

Школы и детские сады в Москве так и не открылись. Для их работы не было ни отопления, ни освещения. Завоз в них продуктов питания и воды тоже не был организован. Торговые и промышленные предприятия, предприятия сферы услуг не работали и были закрыты. Не функционировали банки и банкоматы, отделения почты, станции мобильной и узлы стационарной связи. Без работы стояли котельные, их пустые трубы уныло подпирали небо. Насосные станции системы водоснабжения и водоотведения также простаивали. Как результат, чистая вода не поступала в водопровод и не поднималась вверх по этажам домов, а канализационные потоки быстро переполнили все резервуары и коллекторы, что привело к выходу сточных вод наружу. Остановившая своё движение вода в местах приближения или соприкосновения с окружающим воздухом стала замерзать и прорывать трубы, увеличивая, тем самым, масштабы техногенной катастрофы и ещё дальше отодвигая сроки возможного устранения её последствий.

Автозаправки не принимали и не отпускали топливо. Водители бросали свои остановившиеся машины, где придется, и, спешившись и согревая себя движением, брели по улицам в сторону дома. Автобусы перестали выходить на маршруты: у них тоже опустели баки. Троллейбусы встали первыми, отгонять их в парки также не было никакой возможности. Один лишь московский метрополитен был открыт для пассажиров, но и тот, увы, работал только в режиме бомбоубежища – резервных генераторов хватало лишь на тусклое освещение вестибюлей и подземных помещений.

Сначала на станции метро стали просто пускать людей, чтобы они не замёрзли. Они медленно спускались на платформы по ступенькам неработающих эскалаторов, некоторые из них падали и кубарем летели вниз, пока кто-то ниже не ловил их, зачастую ценой травмы и собственного падения. У многих, особенно у стариков, уже не было сил подняться самостоятельно обратно наружу. Да и какой в этом был смысл? Там наверху стоял собачий холод, здесь же хотя бы можно было не замёрзнуть, потянуть ещё немного в надежде на скорое чудо – на то, что организуют питание, а то и вовсе – всё починят, и можно будет снова вернуться домой, в тёплую квартиру.

Зато в первые дни «конца света» исправно работали московские аэропорты: Шереметьево, Домодедово, Внуково, Жуковский – и почти все только на вылет. Переполненные рейсовые и, как никогда много, бизнес-джеты выстраивались

в долгие очереди на взлетно-посадочную полосу. Из Москвы массовым порядком бежали начальники: большие и очень большие, средние и не очень средние, бенефициары и топ-менеджеры, депутаты и государственные служащие, из списка «Форбс» и те, кто туда не попал. Все они рвались пересидеть это смутное время в своих виллах, апартаментах, квартирах, яхтах, гостиницах, переждать вместе с родными и близкими, давно и прочно осевшими за границей и предусмотрительно получившими там и образование, и вид на жительство, и даже гражданство. А когда всё успокоится, утрясётся, устаканится – вот тогда можно и вернуться в привычные кабинеты и кресла, присягнуть, как всегда, на верность, возглавить команду и процессы и всё также снова оседлать денежные потоки.

Те же, кому бежать было некуда, не на чем и не на что, – ждали, ждали, ждали.

Очень скоро в Москве активизировалась преступность, пришло в город и мародёрство. Люди постепенно теряли свой прежний человеческий облик, и чем дольше продолжался «конец света» в Москве, тем страшнее становилось нравственное падение москвичей, тем больше отличались они теперешние от себя прежних.

Как-то днём Ропотов снова решил сделать вылазку на улицу. В этот раз стоял хмурый полдень. Новых осадков не было: дул довольно сильный ветер, от чего становилось ещё холоднее.

Когда Ропотов вышел на улицу и опорожнил ведёрко, которое они определили под туалет, он заметил, что на улице почти не было прохожих. А те из них, что встретились ему по пути, медленно и отстранённо шли куда-то, замотанные в какие-то тряпки. Особенно выделялись ноги: они, как и руки, наиболее уязвимые в мороз части тела. Настроение у людей было очень подавленное. Видно было, что холод сильно донимал их, а сил сопротивляться ему почти не было. На разговор почти никто не шёл. Да и сам Ропотов особенно не испытывал желания узнавать что-то у этих несчастных и измученных людей.

Отнеся пустое ведро домой, он снова спустился и с надеждой побрёл в сторону ближайшего магазина: вдруг открыли?

Пока он шёл, мимо него небыстро проследовала легковая машина. В заиндевавшем салоне он разглядел несколько человек, позади же сидели хорошо укутанные дети. Трое. Они, в свою очередь, всеми шестью своими глазами смотрели на Ропотова. Взгляд этих детей ничего не выражал: ни интереса, ни страха, ни надежды. Взгляд обреченных.

«Куда они едут?.. Зачем?» – подумалось ему.

Уже подходя к «Пятёрочке», Ропотов услышал непонятные звуки, а потом и увидел молча разбегающихся в разные стороны людей. Совсем рядом с ним пробежал какой-то низенький мужичок, в обеих руках его были доверху наполненные чем-то сумки. Ропотов только успел обернуться и оки-

нуть того взглядом. Потом окликнул – куда там, мужичок даже не остановился. Постояв немного, Алексей продолжил свой путь.

Чуть погодя, навстречу ему также молча пробежали мимо двое парней, и у них тоже в руках были допотопные набитые сумки и фирменные пакеты с красной стилизованной цифрой «5».

«Неужели открыли-таки «Пятёрку»?» – перед Ропотовым снова забрезжила надежда. Он ускорил шаг, временами переходя на бег.

По дороге он повстречал ещё пять или шесть молча убежавших прочь мужчин и пару женщин. И, как и у тех – первых, обе их руки были заняты. Когда же Ропотов наконец вошёл, даже вбежал в магазин, в дверях его неожиданно сбил с ног ещё один человек с пакетами в руках, выскочивший прямо на него. Столкнувшись, мужчины упали в разные стороны.

Один из пакетов, которые были в руках выбегавшего, порвался. На пол с шумом вывалились и покатались в разные стороны консервные банки, лопнули от падения и рассыпались пакеты с крупой и сахаром, разбилась бутылка водки. Резкий запах спирта ударил в нос. Лужа водки стала быстро расширяться, поглощая сыпучие продукты и растворяя их вместе с грязью и приводя, тем самым, в полную негодность.

Упавший мужчина с досадой быстро посмотрел на разбросанные продукты, потом – со злостью на Ропотова, грязь-

но выругался в его адрес, также быстро поднялся, схватил оставшийся целым другой пакет, а освободившейся рукой – самую большую консервную банку и устремился прочь из магазина.

Ропотов толком не успел даже сообразить, что произошло. Продолжая держаться за ушибленное плечо, он встал, отряхнулся, бросил взгляд на беспорядочно лежащую на полу кучу продуктов, затем – вслед убегающему мужчине. «Почему он не поднял всё это, убежал?» – подумал Ропотов.

Он зашёл в магазин. Освещения внутри не было: только свет с улицы падал немного внутрь, делая различимыми контуры кассовых линий и витрин.

– Эй! Есть тут кто? – крикнул он.

В ответ ему прозвучал грохот чего-то падающего в дальнем конце магазина. Потом всё стихло.

Он постоял немного, потом сделал пару шагов вперёд. Неожиданно его нога наткнулась на что-то мягкое. Он наступил на это что-то, нога будто перекатилась с препятствия и соскользнула на пол. После дневного света там, снаружи, глаза заволокло тёмной пеленой, и пока она не спала, ничего не было видно.

Едва удержавшись от падения, Ропотов стал пытаться взглянуть туда, вниз. Постепенно очертания предметов стали проступать. Внизу у его ног кто-то неподвижно лежал. Это было распластанное тело человека. Оно не подавало никаких признаков жизни. Ропотов машинально одёрнул свою

ногу и отскочил немного назад. Огляделся по сторонам. Никого. Пульс участился, в висках застучало. Ему впервые за несколько последних дней вдруг стало жарко.

«Труп, – пронеслось у него в голове. – Как же это?» Он высвободил немного шею от шарфа и глубже задышал. Потом снял перчатки, полез в карман.

Дрожащими руками он достал свой фонарик и осветил вперед и вниз.

Страшная картина предстала перед его глазами. Мужчина в форме охранника, поверх которой была фуфайка и полуразмотанный шарф, лежал ничком с проломленной головой в луже крови. Рядом с ним валялась шерстяная шапка. Руки его были одеты в такие же шерстяные трикотажные перчатки. А метрах в трёх от тела лежал отрезок трубы, которым, видимо, и был убит этот несчастный.

От лужи крови в сторону Ропотова, а также в противоположную – в глубь магазина – вели тёмные следы. Он с ужасом обнаружил, что часть следов была его, как и то, что его нога, та самая, которой он наступил на тело, по всей видимости, на руку, тоже была в крови.

«Вот, чёрт! Вляпался, – подумал он. – А вдруг сейчас сюда ворвётся патруль, и меня схватят, посчитают, что я – убийца?.. А что, если убийца ещё здесь, и затаился, а я ему мешаю уйти незамеченным? Он и меня может также как этого... по голове?.. Что же делать? – Бежать, немедленно бежать отсюда!»

Он стал оттирать испачканную в крови ногу о пол. Сделав

так несколько раз, Ропотов бросился из магазина на улицу. По дороге он не удержался на ногах и упал. Поднялся. Наконец, улица. Свет. Его мутило. Если бы не пустой желудок, сейчас вывернуло б наизнанку. Там, на свету, Ропотов стал оглядываться по сторонам. Рядом никого не было, но далеко впереди кто-то шёл и явно в его сторону. Двое или трое. А за ними – ещё несколько двигающихся точек.

«Что делать? Бежать? А может, вернуться, собрать хотя бы консервы, которые выронил тот мужик? – он оглянулся назад. – Но как только я их возьму, стану соучастником убийства. Они и станут вещественным доказательством. Раз взял, значит, и убил. А не сам убил, так в составе группы лиц. Никто ведь даже разбираться не станет и искать остальных. Нет. Бежать!.. Но дома голодные дети, Лена. Не сегодня-завтра они могут умереть, я и сам уже не ел несколько дней... Господи!.. Что же делать-то?» – ломал себе голову Ропотов, нервно кусая свою нижнюю губу. В это время к магазину стали подходить люди.

– Стойте! – преградил им дорогу Ропотов. – Здесь... человека убили.

Подошедшие остановились. К ним подходили другие, они также останавливались, пытаясь понять, что происходит. – Кто-нибудь, сходите за полицией! – воскликнул Ропотов.

– Где ж её сейчас найти? – кто-то бросил ему в ответ.

– Полиция, наверное, сейчас обедает. Это мы тут с голодадохнем, – отозвался чей-то голос, – а они животы себе наби-

вают.

Вдруг женщина, которая стояла к Ропотову ближе всех, направила свой взор сквозь него, куда-то вниз. Неожиданная перемена в её глазах, эдакий взгляд гиены на одинокого детёныша антилопы, сразу выдали в ней её интерес. Ропотов догадался, что она увидела продукты – там, в тамбуре магазина, на полу. В следующий миг он уже наблюдал стремительный бросок этой уже далеко немолодой женщины. Она с силой оттолкнула его всем своим корпусом, сделала несколько шагов и, уже в падении, мёртвой хваткой вцепилась в ближайшую к ней банку.

– Моё! – закричала она, лежа на грязном полу и стараясь спрятать добычу под себя, подальше от глаз остальных.

Следом за ней в двери магазина тут же бросились и все, кто был на улице. Глаза их горели, а вместо слов Ропотов, уже падая в снег под их напором, слышал только рыки и визги диких зверей. Люди старались опередить друг друга в попытке урвать хоть что-нибудь съестное.

Двое из них, вцепившись каждый обеими своими руками в ещё одну банку, с остервенением и также только рыча, стали дубасить друг друга коленями, катаясь по полу. Неожиданно один из них резко перестал тянуть банку на себя, и, не выпуская её при этом из рук, с удвоенной силой – своей и своего соперника – ударил этой банкой второго по лицу. Разжавший от боли свои пальцы и оставшийся ни с чем побежденный мужчина истошно заорал и повалился на бок. Из его

разбитой губы потекла кровь. Похоже, несчастный лишился также и части зубов. Его крик перешел в рыдание и слёзы, а высвободившиеся руки вознеслись к небу. Победитель же, прижав консервы обеими руками к своей груди, привстав с пола на одно колено и отдышавшись немного, произнёс чуть слышно: «Моё».

– Что вы делаете?! Остановитесь! Люди! – не выдержал Ропотов.

Но никто даже не обернулся в его сторону. Расхватав всё, что можно было подобрать на полу при входе в магазин, они ринулись внутрь, расталкивая друг друга и даже не обращая внимания на ещё не остывший труп под ногами. Холод, голод и стадное чувство двигало ими в этот момент. Спасение голодающих – в руках голодающих. Бери, хватай всё подряд, пока есть, пока другие не схватили, не унесли!

Ропотов заплакал. Сухо, по-мужски. И не от того, что с ним так обошлись, что не послушали его, повалили, втоптали в снег. И даже не от страшного вида превратившихся в животных людей. А от понимания того, что сейчас он тоже поднимется, утрёт слезы и зайдёт в этот проклятый магазин, перешагнёт через бездыханное тело и будет также хватать всё, что ему подвернётся, всё подряд, всё, что способно будет продлить жизнь ему и его семье.

А иначе как? Иначе – смерть. От голода и холода. В блокаде Ленинграде в первую очередь умирали мужчины, потом женщины с детьми. Значит, сначала умрёт он, потом Ле-

на, потом мальчишки. Слава Богу, этого он уже не увидит. Но от этого не легче... Нужно во что бы то ни стало бороться. Убивать – табу! Отнимать – табу! Есть человечину – табу! Всё остальное – можно. Можно и нужно.

Глава XVI

Ропотов вернулся домой ещё засветло. Не пустой, наконец. За ним никто не гнался, никто по дороге не пытался у него ничего отнять. В их дворе и в подъезде никто ему даже на глаза не попался.

Поставив тяжёлые пакеты на пол в коридоре, отряхнув с одежды снег и отдышавшись, он заглянул в комнату.

Тусклый свет еле-еле наполнял её, грязную и захламлённую, оттого не похожую вовсе на комнату, а скорее – на берлогу, нору. Большую её часть занимала не кровать – лежбище, составленное из разложенного их с Леной дивана и придвинутой вплотную к нему кровати Саши. Все тряпки, какие были у них в доме: матрацы, одеяла, пледы, верхняя одежда, за исключением надетой на них, – всё было снесено в эту комнату. Здесь же – под всеми этими тряпками, одетые, как капуста, в ста одежках, лежали в полусне, свернувшись калачиком, его самые близкие люди: Лена, Саша и Паша.

Окно в комнате вместо штор закрывал большой ковёр, который Ропотов с трудом пригвоздил в отверстия от снятой палки для штор и к подоконнику. Между ковром и оконным

стеклом на самом подоконнике были навалены всякие тряпки, негодные для укрывания, отчего ковёр выпирал внутрь комнаты, словно грыжа. Лишь узкая полоска их окна оставалась открытой – чтобы понимать, какое сейчас время суток, что там творится на улице, да и просто чтобы окончательно не сойти с ума. Эта полоска была покрыта слоем инея, поэтому чтобы разглядеть что-нибудь в окне, иней нужно было предварительно соскрести чем-то жёстким и тонким. Школьная линейка Саши оказалась для этого весьма кстати.

Здесь же на комоде и журнальном столике был обустроен стол для приготовления пищи. Немытые столовые приборы, тарелки, кружки, кастрюльки и ковшики заполонили всё свободное пространство стола, обильно забрызганное застывшими каплями парафина; для полноты картины не хватало лишь остатков пищи и крошек, но позволить себе такую роскошь в это время они себе не могли. Упаковку от продуктов не выбрасывали. Просто не обращали на неё внимания, да и кто знает, вдруг она ещё пригодится?

В углу комнаты вместо бесполезного теперь телевизора стояло ведро, приспособленное под туалет. Бумага давно кончилась, и на это уже никто не обращал внимания. Ропотов старался каждый день спускаться на улицу и опорожнять его. Но в последние дни, ввиду довольно скудного рациона его семьи, наполняемость ведра сильно упала. Нечего было есть – и, как результат, нечем было и ходить в туалет.

Туалетная же комната, как и ванная, а также детская ком-

ната были закрыты, а щели под их дверями – плотно законопачены таким же тряпьём и негодной для туалета бумагой. Всё, что оттуда было нужно, давно перенесли в ставшую теперь единственной жилую комнату Ропотовых.

Воздух в комнате, стоило только зайти в неё с улицы, был ужасный, и если бы не холод, этот смрад был бы невыносим. Правда, как это водится, в течение некоторого времени после нахождения в помещении с неприятным запахом человеческий нос привыкает к нему, и обладателю носа становится уже вполне себе комфортно.

Проветривалась комната только когда Ропотов выходил из дома, все остальное время свежим воздухом жертвовали в пользу нагретого дыханием членов его семьи.

«Во что превратилась наша квартира?» – подумалось ему, когда Лена подняла голову и разглядела в просунувшемся силуэте своего мужа.

– Алёша, это ты? – негромко спросила она.

– Я.

– Ты знаешь, мне даже и есть уже не хочется. И дети просить перестали. Паша совсем притих, как будто в спячку впал... Наверное, мы скоро умрём.

–

Леночка, милая, я принёс еды. Много. Смотри! На несколько дней хватит, если не наброситься и не съесть всё сразу.

Продуктов, которые он принёс, хватило бы им на неделю.

В основном, консервы и крупы с макаронами. Даже две бутылки какого-то дешёвого коньяка. Ну и спички, конечно же, и ещё свечки, много свечек.

Изнеможённая Лена была несказанно рада всему этому добру: выразить радость словами у нее действительно уже не было сил. За то, каким образом он всё это достал, она его не осуждала, лишь молча выслушала рассказ мужа о случившемся сегодня и одобрительно покачала головой. От того Ропотову стало немного легче.

– Алёша, я очень волнуюсь, как там мама. Жива ли она, есть ли у неё что поесть?

– Лена! Чего-чего, а еды у неё в доме всегда хватало. Ты чего?! Да с её запасливостью за это вообще можно не волноваться. Она ещё и нам отсыплет... Можно было бы попробовать привезти её сюда со всем её продовольственным складом. Не знаю только, хватило бы бензина: всё-таки на другой конец города ехать. Хотя я даже не представляю, что там сейчас творится, что с дорогами.

– Ума не приложу, что делать. И отпускать тебя боюсь, и за маму сердце болит. Вдруг бензин у тебя кончится в пути, что тогда с тобой и с нами со всеми будет?

Остаток дня Лена и Алексей провели в распределении продуктов по дням и порциям. Первая порция ушла почти мгновенно. За ней – и вторая. С трудом удержались, чтобы не съесть третью. Как и предполагал Ропотов, даже в этом случае хватить должно было на всю неделю.

Потом уже, когда стемнело, он сходил за снегом – в доме уже давно закончилась собранная в последний день её подачи вода. Растопил снег на огне: получилось с половину большой кастрюли. Вода была мутной, с примесью каких-то чёрных и твердых частиц разной размерности, но прокипятив её, можно было уже не опасаться за её качество, а вся взвесь выпадала в осадок.

Ропотов заметил, что на приготовление и кипячение воды уходит слишком много свечек.

«А что, если пойти на улицу и попробовать развести костёр из чего придётся, да хоть бы из кустарника или сучьев деревьев? Повесить над костром кастрюлю – вот тебе готовый и не такой затратный кипяток. Спички у меня есть, есть и ножовка», – неожиданная мысль посетила его.

Глава XVII

Вооружившись самой большой в их доме кастрюлей, Ропотов спустился во двор. Было уже совсем темно. И во дворе – опять никого. Только злой завывающий ветер да редкий снежок. Ропотов подошёл к площадке для мусора. В первую очередь, посмотрел там. Мусора было немного, несмотря на то, что его уже дней десять как перестали вывозить. Людям просто нечего было выбрасывать, ведь нечего было и купить.

Порывшись в куче рядом с мусорными баками, а потом и в самих баках, он отметил для себя, что до него здесь уже как

следует покопаться: ничего и близко съестного среди мусора не было; не было даже крыс, которые в первые дни «конца света» в Москве в большом количестве неожиданно появились во дворе и в подъездах их дома.

Тем не менее, пару картонных коробок на дне бака Ропотов нашёл, а с ними – и несколько поломанных реек из ДСП и ворох газетной бумаги. Этого для розжига костра должно было хватить.

«Никогда не думал, что буду копаться в мусорных баках на виду у всего дома, как бомж какой-то», – с горечью подумал Ропотов.

На ветру костёр никак не хотел заниматься. В спичечном коробке оставалось всего три спички, когда наконец у него всё получилось, и языки пламени, поглотив картон, принялись облизывать ДСП. Теперь нужно было продолжать скармливать костру новое горючее, поддерживая с таким трудом разведенный огонь.

– Это ты ловко придумал, – слышалось у него за спиной.

Ропотов оглянулся. Позади стоял мужчина, значительно старше его самого, в больших валенках и такой же весь укутанный, как и он сам, и смотрел на висящую над костром кастрюлю со снегом. Не сразу, но в нём Алексей узнал соседа по подъезду с одного из более высоких этажей. Седьмого или восьмого.

– Я тут увидел тебя в окне, как ты огонь пытаешься развести, – он нехорошо и продолжительно закашлял, – я тоже

хотел так же, как и ты, кипятку приготовить, да сил не было спуститься, а главное, спички закончились. – Давай, может, подсоблю чем.

– Здравствуйте, – Ропотов учтиво поздоровался. – Вы извините, я не знаю, как Вас зовут.

– Ничего страшного, я тоже не знаю твоего... Вашего имени. Аркадий Никитич меня звать. Спиридонов.

– Ропотов, Алексей... Да можете на «ты». А Вы с какого этажа?

– Я-то? С шестого. Квартира сто двадцать девять, ага? А ты вроде, с третьего. Помню тебя по лифту.

– Да, с третьего. Из сто двадцатой.

– Ага... Ну, что ж, Алексей, будем знакомы.

Ропотов кивнул.

Спиридонов продолжил разговор:

– Слушай, а ты не пробовал на речку за водой сходить? Отсюда до неё, под Строгинским мостом полчаса где-то идти. Речная вода не в пример лучше этой. И костёр не нужен.

– Я думал об этом, но так и не решился пойти. Во-первых, далеко это, всё в снегу, идти трудно будет, спускаться к реке и потом подниматься – особенно. Во-вторых, лёд нечем вскрыть. Я же не рыбак – ни бура, ни пилы специальной у меня нет. Даже топора обычного нет. Да и не видел я, чтобы кто-то оттуда с водой возвращался. Ну, и санок тоже у нас сейчас нет. Были, когда дети росли, а после – отдали знакомым с работы. Негде хранить, потому вот и отдали.

Спиридонов закивал:

– Ну, да, ну, да. Ты прав, Алексей.

– Аркадий.., – обратился к Спиридонову Алексей и тут же запнулся.

– Никитич, – тот помог ему.

– Да, Аркадий Никитич, Вы поищите пока, чтобы в костёр подбросить. Давайте так: Вы – направо, я – налево.

– Добро, Лёш, – Спиридонов опять зашёлся кашлем. – Возьми пока, – тут он достал из-за пазухи две довольно увесистых книги. – Это мой вклад в твой костёр. Ага?

– Вы уверены? – спросил Ропотов, пытаясь прочитать длинное название первой.

– Уверен, уверен. Не переживай за это! Сейчас это лучшее им применение, – он повернулся и пошёл в свою сторону.

Худо-бедно Ропотов и Аркадий Никитич вдвоём насобирали кое-какие дрова, в ход также пошла и ножовка Алексея. Им пришлось спилить все нетолстые низкорасположенные ветви на ближайших к костру деревьях. Сучья были с живых деревьев, поэтому загорались они плохо, несмотря на то, что давно уже стоящие в Москве морозы, на первый взгляд, и высушили все соки в них.

Пока костёр горел, а вода закипала, мужчины продолжали общаться.

– Я вот только одного не пойму, Аркадий Никитич, почему такое катастрофическое положение у нас сейчас возникло в Москве. Прошло всего ничего, а город в призрак ка-

кой-то превратился, люди в своих квартирах умирают с голода и холода, и никто, решительно никто ничего не делает. Вон, Ленинград в блокаду 900 дней простоял. Ведь выжил. Почти три зимы страшных пережил, бомбёжки и обстрелы, а всё равно выжил.

– Вот ты, Алёш, сам себе и ответил: никто ничего не делает. А в Ленинграде – делали. Люди работали, работали заводы, фабрики. Была Алёша, партия коммунистическая, жёсткая ответственность, была отлаженная система управления, ага? Снабжение существовало, распределение. Людям карточки продовольственные давали, а по ним – продукты. И люди ответственности боялись больше, чем голода и холода. Потому и работали, до последнего своего вздоха работали. Город жил, потому что была цель: выстоять, не пустить врага. И потому стояли.

– Но ведь сейчас же нет врага, никто город не бомбит, где же система жизнеобеспечения, где всё?

– Сложный вопрос, Лёш. Такое впечатление, что сейчас система управления городом рассыпалась вся. Нет команды, приказа – нет и исполнения. И чувство самосохранения изменило людям. Закон джунглей у нас теперь, ага? Каждый сам за себя. А когда каждый только о себе думает, он в одиночку и погибает. Думает, что всех обхитрит, что как-нибудь сам справится, главное только – не делиться с другими. Всё – себе, ага? А погибает, потому что чего-то не учёл, а от помощи уже отказался. А оно – раз его – по тому месту, кото-

рое не прикрыл. Раз – и всё.

– Это точно. Люди разучились договариваться, да что договариваться – общаться между собой. Все разобщены, никто не знает даже, кто у него соседи.

Спиридонов попытался что-то сказать, но одновременно начал смеяться, и его первые же слова утонули в кашле.

Откашлявшись, как следует, он продолжил:

– Я чего хотел сказать, ага? За примером-то ходить не надо. Мы вот с тобой несколько лет здесь уже живём, в этом доме, в этом подъезде. Одним лифтом пользуемся, а я тебя даже звать как не знал, ага? А ты – меня.

– Да уж, – согласился Ропотов. – Мы с Вами уже битый час тут стоим, костёр жжём, а никто из всего дома так и не вышел. Неужели никому вода кипяченая, горячая не нужна? Да не поверю. Костёр разжечь труднее, чем поддерживать. Все, кому нужно, давно бы уже вышли с ведрами, кастрюлями, да хоть с чайником. Вон, – он провел по воздуху рукой слева направо, – дров полно, весь двор в деревьях. Распилили бы их на дрова, а потом бы уж новые посадили. Зато сейчас бы выжили. Вы-жи-ли!.. Эх, народ!

– А ведь знаешь, Лёшка, люди не только общаться разучились. Они разучились выживать. Наши люди утратили инстинкты самосохранения. Мы привыкли, что кто-то о нас обязательно должен позаботиться. Дадут, сделают, привезут, уберут. А сами-то что мы умеем, что можем, ага? Да даже если и умели когда, всё позабыли, а вспоминать, пробовать

даже не хотим.

– Угу. Привыкли, что все из розетки добыть можно. Воткнул – и заработало. А розетка умерла – и всё, каюк.

– Вот и нечем людям сейчас согреться. Все бытовые отопительные приборы – электрические. Ты спрашиваешь – ведь в Ленинграде почти у всех, ну не в каждой квартире, хотя квартиры тогда, в основном коммунальные были, на много семей – это... печки-буржуйки стояли. Не сразу конечно, зато заводы в городе быстро их выпуск наладили. Это ж литё чугунное. А чугуна город тогда много производил: для фронта, конечно же, в первую очередь, для победы. Но и о рабочих и их семьях ведь тоже думали, ага? Ведь ежели дома у рабочего холод, семья его замерзает, как он работать будет, о чем думать, в первую очередь? О своих. Вот они и наладили выпуск печек и печных труб переносных для вывода в окна.

– Эх, была бы у меня сейчас такая печка – никаких проблем бы не было ни с отоплением, ни с готовкой, – произнёс Ропотов и понурил свой взгляд.

– Вот, вот, Лёш, – Спиридонов опять стал долго кашлять, – сейчас нет ни у кого ни печек, ни запасов. Москвичи перестали делать запасы продовольствия. Ни круп, ни соли, ни консервов, ни спичек ни у кого больше, чем на неделю, нет. Нет погребов, нет сараев, дач, ага? А на тех дачах, что ещё у кого-то остались, – цветочки да газончики. Никто лопату в руки брать не хочет, ты понимаешь, многие даже и

не брали ее в руки никогда. Никогда! Представляешь! – он опять закашлял. – Вот сейчас жрать-то и нечего. Привыкли, понимаешь, что в магазинах всегда всё есть. Конечно, магазинов-то полно кругом, круглосуточные всё, универсальные. Хошь тебе – морковка, хошь – водка, хошь – носки, а хошь – аспирин. А где они сейчас, магазины эти?

Спиридонов опять неудачно попытался рассмеяться, но страшный кашель не позволил ему это сделать, заставив проступить на глазах слёзы.

Пока они, ожидая закипания воды в кастрюле, стояли и грелись у костра, Аркадий Никитич спросил у Ропотова:

– Алёш, а ты знаешь, что у нас в подъезде пожар был?

– Да ну?! – удивленно воскликнул Ропотов. – Не может быть!

– Да... Две квартиры: на восьмом и девятом этажах – сгорели. Полностью выгорели, ага?

Ропотов внимательно посмотрел на тёмный силуэт своего дома.

– Да нет, не старайся – не с этой стороны, с моей.

– И когда это произошло?

– Позапрошлой ночью. В квартире на восьмом этаже семья молодая жила: парень с девчонкой и ребёнок у них маленький был. Mamочка ещё с коляской всё время в лифте ездила.

– Ну да, помню её, голубая такая коляска.

– Ага, голубая, – Спиридонов опять закашлял. – Сыниш-

ка малой... Видно, чтобы согреться, а может разогреть еду какую, они костёр у себя разожгли. Прямо на полу. Не знаю, открыли они окно или нет, – ну, в общем, угорели они. Заснули, наверное, и угорели, а потом и сгорели. Так в кровати и лежат до сих пор, ага. То, что осталось... – И ребёнок?

– Ну, а то... И ребёнок, и коляска голубая – всё сгорело, ага. А выше их, на девятом, мужик с бабой жили, оба пенсионера... Да, хороший мужик был... Петрович... Разговаривали мы с ним часто... Даже не знаю, проснулись они той ночью или не успели даже. Огонь по балкону поднялся. Хорошо ещё, что чердака в нашем доме нет, да и пламя вниз не пошло, как это часто бывает. А так бы и я, и ты, Лёшка, тоже могли не проснуться вчера... Такие, брат, дела.

– Вот ведь ужас! Кошмар какой... То-то я заметил, дымом ночью несло. А я и не знал, и не подумал даже... Сейчас ведь и пожарные не приедут: некому вызвать-то.

– Да уж... – тут Спиридонов тяжело выдохнул, – хороший мужик был, ага... Петрович... Ох, погорит Москва вся, погорит. Если не кончится бардак этот... Как при Наполеоне, погорит, ей-богу! Помяни мои слова, погорит.

К этому времени кастрюля над костром уже вовсю бурлила пузырями, пора было её снимать, но расходиться мужчинам, соскучившимся по нормальному человеческому общению, уже не хотелось.

Воды на двоих было мало, поэтому первую кастрюлю кипятка, они так решили, Ропотов отдал Аркадию Никитичу.

Пока тот поднимался к себе, Алексей поддерживал костёр. Они также договорились, что Спиридонову не нужно будет возвращаться по лестнице, он перельёт у себя кипяток из кастрюли Ропотова в свою и сбросит ту из окна на лестничной клетке в сугроб.

Оставшись один и зачерпнув по новой снега в ставшую совсем уже чёрной от копоти кастрюлю, Ропотов подбросил в костёр приготовленные заранее палки и ветки и стал наблюдать, как снег внутри кастрюли медленно проседает, а едва заметные струйки пара под монотонное шипение устремляются вверх: туда, к душам несчастных соседей-погорельцев.

Глава XVIII

На следующую ночь в подъезде Ропотова умерли ещё два пенсионера, а в соседнем – грудной ребёнок. Вероятно, смертей было ещё больше, но Ропотов об этом ровным счетом ничего не знал.

Когда умер пожилой мужчина из квартиры на пятом этаже, в их подъезде об этом узнали все. Жена умершего принялась кричать, а потом уже просто выла в полный голос. Ропотов поднялся узнать, что же произошло. Спустился и Аркадий Никитич. Из других жильцов больше не вышел никто.

Вдвоём они пытались, как могли, успокоить несчастную женщину, но, похоже, от горя, а также от холода и голода она тронулась умом. Так и пролежала она рядом с окоченевшим

трупом до утра, пока сама не умерла. Никто их не выносил из квартиры. Они так и остались лежать вместе на кровати. Зато уже потом кто-то вынес из их незапертой квартиры вещи: всё, что имело какую-то ценность в «мирное время», а также то, что можно было сжечь. Но кого это уже волновало?

Той же ночью, под утро, где-то недалеко от их дома стреляли. Долго и часто. Звуки были очень громкими. Детям, а также Лене было очень страшно. Ропотову тоже было не по себе, но он, как мог, проявлял спокойствие и успокаивал их.

Наутро оказалось, что стрельба велась в районе ближайшего отделения полиции. Здание атаковала какая-то вооруженная группа. Вероятно, чтобы захватить оружие. Вскоре в нём начался пожар, и оно полностью выгорело. На улице, прямо на снегу, лежали тела убитых полицейских. А ещё двое, обуглившись и с трудом различимые, остались в сгоревшем узике рядом со зданием. Люди, какие там собрались днём, обступили их и молча с ужасом разглядывали. Потом приехали военные грузовики, зевак разогнали, а трупы погрузили и увезли. Ропотову об этом рассказал Спиридонов, а ему, в свою очередь, кто-то ещё.

Ропотов потом ещё раз сходил к «Пятёрочке», но и она, как оказалось, сгорела. Что стало с продуктами – уже неважно. Хорошо, если люди их успели растащить, хоть какая от них польза была бы тогда.

Мысль о тёще не давала ему покоя. Возвратившись во двор, он отыскал свой «Солярис» и попробовал открыть его

с пульта. К счастью, аккумулятор ещё не успел разрядиться. Ропотов забрался в холодный салон. Все стёкла машины были покрыты хорошим слоем ещё не успевшего слежаться снега. Он попробовал завести машину, и это сразу ему удалось. Щётки на лобовом стекле автоматически сбросили снег и вернулись в первоначальное положение.

Индикатор топлива показывал 32 литра. При расходе зимой по городу десять-одиннадцать литров на сотню выходило не больше трёхсот километров пробега.

«Итого почти триста километров до того момента, как машина встанет. И если не доехать, на этом всё и кончится. Можно даже не вылезать из неё. Просто закроем глаза, заснём и уже не проснёмся, – он поёжился. – Если поеду один, машина будет легче, а расстояние – больше. Но как я их оставлю одних? Уж лучше тогда умирать всем вместе. И сразу».

До дома матери Лены, Ларисы Вячеславовны, от их дома выходило почти тридцать километров. Туда-сюда на круг получалось шестьдесят, а на случай объездов – семьдесят-восемьдесят. То есть всё равно хватало и даже с запасом.

Ропотову пришла идея: «Вот бы забрать всех, детей и тещу и – прочь из холодного города, на дачу с печкой. Пересидеть там, а потом, как потеплеет, и порядок восстановится, вернуться».

Только вот незадача: дачи-то у них не было. Как не было и родственников в других городах. Зато дача была у его дру-

га Кирсанова. Прошлым летом Ропотовы ездили туда отмечать день рождения жены Кирсанова – Оксаны. В те большие июньские выходные стояла жаркая погода, они даже ходили все вместе купаться на местные пруды – место истока речушки со смешным названием «Рожайка». Хорошо тогда они отдохнули. Да и звал в гости потом их Кирсанов на свою дачу чуть не каждый месяц – хоть его одного, хоть со всей семьей.

Дача Кирсанова располагалась в пятидесяти километрах к югу от Москвы, в садоводческом товариществе недалеко от военного городка Алачково Чеховского района. Дом был хоть и старый, но построен добротно, из брёвен. В доме Кирсановых было несколько комнат, на первом и на мансардном этажах, проблем с размещением у них тогда не возникло.

В самой большой комнате дачного дома была выложена отличная печка-голландка. Из-за жары её тогда не топили, но Кирсанов рассказывал Ропотову, что печка была превосходной: растапливалась с одной спички, тепло давала уже через час и держала его почти сутки.

А какой шикарный погреб был в этом доме! Сколько красивых банок стояло тогда на его стеллажах: и с красными пузатыми томатами и зеленовато-песочными огурцами, с обеих сторон обрезанными, и с жёлтыми кабачками, нарезанными увесистыми кольцами, и ещё желтее – с целиковыми маленькими патиссонами. А какие замечательные компоты: из красной смородины, из чёрной, из вишни. Ну и варенья:

клубничное, смородиновое, сливовое, из крыжовника, яблочное повидло. Эх, сейчас бы попасть туда, да с большой ложкой! Да и без ложки – только крышку открыть и так и припасть губами к этим разносолам и сладостям. Ну и пусть себе по животу течёт, главное, чтобы в рот попало.

А ещё там была картошка в ящике, пусть, наверное, сейчас пророщенная уже, с глазками, но – картошка! Мать стола русского, матушка-кормилица. Ну и что, что из Америки привезенная Петром Первым насильно вместо репы и в дополнение к капусте насаждённая.

Как же она выручала всех, картошечка: и в войну, и в голод, и в тюрьме, и на каторге, и в кафе-ресторанах, и в домашних коленка-к-коленке застольях угарных, с песнями, с гармошкой. Рассыпчатая такая с паром, во рту так и тает, так и тает, а добавишь сверху соли щепоточку, уж как она заиграет! А если ещё огурчика к ней солёненького, да сметанки – такой, чтобы ложка стояла, да водочки холодной, из потной стопочки, в капельку, в слезиночку, то и мяса никакого не нужно, а уж рыбы-то и подавно.

Хотя сальце бы, право, не помешало к картошечке. С мясной прожилочкой. А ещё холодец с чесночком – такой, что двинешь тарелкой, а он в ней покачивается, из стороны в сторону, а глаза твои жадные до вкуса его сказочного на поверхности блестящей отражаются, кружки-полукружки морковки разглядывают, от этой самой поверхности до дна его, до рисунка почти до самого на тарелочке. Ох...

Вот если бы только сейчас оказаться им там всем вместе – Ропотовым и Кирсановым в той большой комнате с печкой, с яствами этими из погреба – всем бы тогда хватило и места, и тепла, и пропитания.

При этой мысли Ропотов закрыл глаза, поглубже вжался в своё мягкое и уже не такое холодное сидение, и на его лице медленно проступила улыбка удовольствия, какая обыкновенно бывает у беспечных мечтателей, стоит им лишь только в очередной раз нарисовать в своем воображении ещё одну яркую безукоризненную картину, не забыв при этом расположить в самом её центре, да-да, конечно же, себя.

А что, если Кирсанов туда и уехал, плюнул на всё на это и уехал? Обрадовался бы он тогда их приезду? Да, конечно, едой и заготовками из погреба пришлось бы ему поделиться, от своих ртов голодных отнять. А в час лихолетья, кто знает, будет старый друг таким же милым тебе, добрым и отзывчивым, как раньше? Своя рубашка-то ближе к телу. Дружба – дружбой, а табачок врозь. Не зря же такие пословицы народ сочинил и поминает их раз за разом.

Но, с другой стороны, присоединись они сейчас к Кирсановым – два мужика уже будет в доме, четыре руки, четыре кулака. Время-то теперь лихое наступило, опасность из каждого угла на тебя волком глядит и слюнями исходит. Да и Ленку с Оксанкой сложи, да тещу прибавь – всё забот меньше на хозяйство да троих детей. Вместе-то сподручнее.

«Будь я сейчас на его месте, только бы обрадовался при-

бавлению такому», – решил за Кирсанова Ропотов перед тем, как открыть глаза и заглушить мотор. Он привычно потянулся к карману брюк, где всё ещё лежал телефон, чтобы позвонить Димке и сообщить ему о готовности приехать к ним в гости на дачу, но тут же осёкся, опомнившись, и во весь голос протяжно изрёк: «Твою мать!»

Глава XIX

Вернувшись домой, Алексей рассказал о своей шальной идее жене.

Лена долго молчала, обдумывала всё. Скорая встреча с матерью, к тому же спасительная для той, тёплая печка да запасы из погреба, конечно, были серьёзными аргументами. Бросать квартиру в этом случае было не жалко: ничего ценного в ней не было. Самое страшное, что могло бы случиться за время их отсутствия, – квартира могла сгореть в пожаре. Но лучше уж пусть она сгорит, но без них.

Вот только доедут ли они до дачи Кирсановых? Дорога-то неблизкая. Хватит ли бензина? А если сломается что? Приключится в дороге? Да и будут ли им там рады? А если никого там в момент их приезда не будет – что в таком случае делать? Возвращаться?

– Смотри, в «Солярисе» 30 литров бензина, хватит, чтобы триста километров проехать. Тридцать – до мамы и меньше ста от неё до дачи. Ещё и на обратный путь останется, ес-

ли, конечно же, здесь, в Москве, всё быстро устаканится, – предвосхищая вопросы Лены, Алексей начал убеждать её в реальности своего плана.

– Алёша, – внезапно Лена остановила его, – ты помнишь, какая прошлой ночью стрельба была? Неужели тебе не страшно куда-то ехать сейчас? А дорога на дачу из Москвы идёт вообще через лес сплошной. Кто угодно может выйти на дорогу и заставить нас остановиться. Что тогда с нами будет, ты вообще можешь себе представить?

– Лена, я не знаю. Что ты от меня хочешь, чтобы я тебе сказал? Я правда не знаю, сможем ли мы добраться до этой дачи. Но я знаю, что как только у нас закончатся эти последние продукты, которые я принёс из «Пятёрки», – а это будет уже в следующие выходные, нам нечего будет есть, нам нечем будет согреться хотя бы изнутри. И мы просто умрём здесь, в этой комнате, от голода и холода. Как, может быть, уже умерла твоя мама!

– Как ты можешь?! Не рви моё сердце, Алёша, пожалуйста, не надо. Я места себе не нахожу от этого, – по лицу Лены побежали слёзы, которые она сразу же стала растирать руками. – Но мы не можем так рисковать детьми, пойми ты это, не можем! Завтра мы уедем и пропадём в дороге, а останься мы здесь, уже, может быть, послезавтра, начнут развозить продукты и воду по дворам, ты вспомни слова того слесаря. Ну, не верю я, что все нас бросили на произвол судьбы, что никто не беспокоится сейчас о нашем спасении, о спасении

всех москвичей. Понимаешь, всех! Не верю!

– Хорошо, – сдался Алексей, выдохнув вместе с воздухом из лёгких большое облако пара. – Будь по-твоему, давай ещё подождём.

Ропотов лёг на спину рядом с Леной, и, не снимая перчаток, положил себе руку на лоб. «Хуже нет – ждать и догонять», – ещё раз повторил он про себя хорошо известную истину.

С другой стороны от Лены, прижавшись к ней, как поросята к свиноматке, расположились дети.

Они сильно сдали за последние дни. Ослабли, исхудали, осунулись, но при этом, кажется, повзрослели. От их бывшего веселья, беспечности и капризности не осталось и следа.

– Мама, а помнишь, я кашу плохо кушал? – как-то среди ночи прошептал Лене на ухо Павлик.

– Помню, сыночек, конечно, помню, – не открывая глаз, так же шепотом ответила ему Лена. Ропотов и Саша спали рядом.

– Какой же я был дурак!

– Ну что ты, Пашенька! Просто ты был маленький ещё, а теперь ты уже большой и всё понимаешь.

– Я бы сейчас, мама, всю-всю эту кашу сразу бы съел, ничего бы не оставил на тарелке.

– Правда? – Лена заулыбалась. – Всю-всю?

Паша на миг задумался.

– Ну... я бы только Саше и тебе с папой оставил немнож-

ко. Вы же, наверное, тоже захотели бы?

– Ну что ты, мой маленький! Мы бы свою кашу всю съели. Зачем нам ещё и твоя?

– Мама, а ты же сказала, что я уже не маленький, а большой. А теперь опять говоришь, что я маленький.

– Сыночек, ты для меня всегда останешься маленьким, даже если станешь большим-пребольшим.

– И даже если стареньким стану, и у меня вырастут усы и борода, всё равно маленьким для тебя буду?

– Да, мой хороший, даже если усы и борода... Спи, мой мальчик, не думай о каше... думай о солнышке, о птичках, о лете, о море... Спи, сыночек, засыпай.

Глава XX

На следующий день после разговора с Леной о возможной поездке Ропотов заглянул к соседу Спиридонову. Тот долго не подходил к двери. Ропотов хотел было уже уйти, но, услышав глухой кашель за дверью, остался и ещё раз постучал, на этот раз сильнее.

Дверь вскоре отворилась. На пороге одетый в верхнюю одежду и завернутый во все мыслимые и немыслимые тряпки стоял Спиридонов.

– А-а, это ты?! – проворчал он и снова закашлял.

– Здравсьте! Не лучше Вам?

– Куда там... Помру я скоро, Алёшка, совсем мне нехо-

рошо.

—

Может, Вам что принести? Еда-то у Вас есть какая?

— Не беспокойся за меня, старика. Тебе пацанов своих кормить нужно и жену, ага. А я всё равно помру скоро. Лёгкие у меня ни к чёрту, — тут Спиридонов выдал целую серию кашля, а под конец даже сполз вниз по стенке, прямо там, на пороге.

— Ух, что-то в глазах потемнело.

Алексей нагнулся, чтобы поднять Спиридонова, но и у него сил уже не хватило, чтобы справиться одному с этой, всё ещё тяжёлой ношей. Покряхтев немного, Ропотов также сполз по стенке и расположился рядом с Никитичем.

— Слышно что, Аркадий Никитич?

— Хреновые новости, Алёш. Вчера ко мне заходил Серёга, сварщик жэковский, ну тот, я тебе о нём говорил как-то...

— Ну, да, помню.

— Он мне сказал, — тут Спиридонов опять закашлял, а потом, отдышавшись, продолжил, — сказал, что два дня тому... народ, который в центре Москвы живёт, и кто смог до центра добраться, ходили на Тверскую. Стояли они там, у мэрии, бузили, требовали навести порядок, обеспечить хлебом и водой. Часть толпы пошла к Кремлю. И этих, и тех, кто пытались в мэрию пробиться, не пустили, разгонять стали, ага. Да много их там было... этих... которые с дубинками и щитами...

– Омоновцев, гвардейцев? – помог Ропотов.

– Ну, да, их, чертей... космонавтов... так их ещё зовут, за шлемы, как у космонавтов. Стрелять они стали, ага, космонавты эти. Прямо по толпе. Многих пошибли. Баб с детьми, старых, молодых... всех, без разбору. Так и остались там они лежать, у мэрии. Остальных разогнали. Машины свои лазерные включили, что слепят и шумят так, аж перепонки лопаются. Даже не арестовали, сволочи, никого. Это не кормить, чтоб, наверное... Так-то вот! Одних постреляли, других прогнали, чтоб не совались, значит, чтоб не мешали им. Теперь туда не попасть совсем, ага... Загородили Тверскую всю. Машинами, перегородками, бэтээрами. Не пройти, не проехать.

– Да... дела! А сварщик этот, он что, был там? Всё видел?

– Серёга-то? Был.

– Повезло ему, что жив остался, что до дома сумел добраться.

– А это ещё рано говорить-то, что повезло. Могёт быть, что это тем повезло, кто пулю там принял. Кто знает, что нас... что вас... ждёт всех теперь... ага, – Спиридонов опять принялся кашлять. – Помнишь, как говорил незабвенный Джон Сильвер? – спросил он Ропотова после небольшой паузы, когда откашлялся.

– Пиастры, пиастры?

– Да нет же, – тут Спиридонов хотел рассмеяться, но снова закашлял. – Так кричал его попугай. А одноногий пират

говорил: «И живые позавидуют мёртвым!» Во как... Ты знаешь что, Алёшка? Ты, это... как я помру, забирай, что хочешь из моей квартиры, можешь сжечь что-нибудь, что нужно тебе будет, или посуду какую, одежду. Это тебе вроде как завещание моё наследственное, токма без нотариуса, ага?

– Перестаньте Вы разговоры эти. Сами ещё...

– Пообещай, что возьмешь, слышишь! – перебил его Спиридонов, схватив за руку и пристально вглядываясь в глаза – так серьёзно, что у Ропотова всё внутри похолодело.

– Ну, хорошо. Обещаю, – отвёл он, наконец, глаза в сторону.

– Добро!

Ропотов всё же помог Аркадию Никитичу подняться, пройти в комнату и лечь в кровать.

На прощанье Спиридонов протянул ему ключ от двери.

– На вот, закрой меня снаружи. Не хочу, чтобы кто чужой шарился тут.

– А как же Вы откроетесь-то сами?

– У меня ещё один есть, не переживай... – он улыбнулся. – Помнишь, что обещал? Всё, что тебе понадобится, заберёшь.

– Хорошо... Я пойду. Ну, до свидания!.. Поправляйтесь скорее!

– И тебе не хворать.

Алексей вышел на лестничную клетку, замкнул дверь на ключ. Постоял немного. За дверью опять послышался продолжительный кашель. Ропотов потихоньку пришел в себя.

Стал медленно спускаться по лестнице.

«Жалко-то как мужика. Хоть и знакомы мы с ним меньше недели, а уже другом стал, родным почти стал.

Жалко. Не протянет он и до завтра», – подумалось ему.

И следом:

«Теперь понятно, что надо отсюда уезжать: рассчитывать больше не на что», – укрепился он в мысли о бегстве из Москвы.

Глава XXI

Вечером того же дня, спустившись от Спиридонова к себе, Ропотов ещё раз заговорил с Леной на тему отъезда. Поведанная им история о кровавом разгоне москвичей, пришедших требовать от власти решительных действий по их спасению, возымела свой эффект. Надежды Лены на изменения к лучшему были разбиты, и возражать Алексею ей уже было нечем.

Ведь даже Лена стала понимать, что ситуация стремительно ухудшалась, уходя в крутое пике. Да и не только Лене, многим москвичам, кто узнал об этих событиях, стало очевидно, что в этой суперэкстремальной, почти невероятной ситуации власть – та самая власть, которая ещё недавно контролировала всё и вся, оказалась неспособной мобилизоваться и выполнять свои элементарные функции. Как, впрочем, не способной она оказалась эту ситуацию предвидеть,

просчитать её последствия и принять меры для того, чтобы эти последствия хоть как-то для себя же самой и смягчить.

Но когда в довершении ко всему вызов власти бросила горстка мятежников, причем мятежников снизу, не имеющих почти никаких ресурсов, чтобы эту власть поменять, власть растерялась. Потеряв же такой мощный инструмент влияния как телевидение, и растеряв по дороге своих «лучших» представителей, банально сбежавших, она обнажила свою полную беспомощность. И уже в состоянии беспомощности она стала множить свои ошибки, загоняя саму себя все дальше и дальше в угол.

Народ же, по привычке рассчитывая, что власть всё сделает, всё решит и поправит, ждал и надеялся – до тех пор, пока холод и голод не стали брать людей за горло, пока смерть не начала каждый день приходиться к ним домой, забирая самое дорогое – жизнь близких.

И вот когда уже люди, совсем отчаявшись, пришли и потребовали, власть испугалась – его, народа, – источник этой самой власти, как это написано в Конституции. Власть испугалась того, что народ сметёт её, отнимет всё, а отняв, призовёт к ответу, осудит и покарает. И испугавшись этого, она ударила наотмашь, ударила всей оставшейся у неё силой. Но вот только она позабыла, что действие всегда рождает противодействие. И чем сильнее удар, тем более мощным получается ответ. Так и начинаются все бессмысленные и беспощадные бунты, гражданские войны, смуты, майданы. И если

начинаются они быстро, то вот закончить их так же быстро бывает ох как непросто, а нанесённые друг другу раны и во-все затягиваются потом годами.

На следующее утро Ропотов первым делом решил навестить Спиридонова. Подойдя к его двери, он высвободил из-под шапки своё ухо и приложил его к двери. Постояв так недолго и не дождавшись никаких звуков, Ропотов достал из кармана ключ, вставил в замочную скважину и провернул два раза: столько же, сколько делал это вчера, но в обратную сторону. Потом, не вынимая ключа, тихонько потянул за ручку. Дверь покорно поддалась ему, слегка заскрипев петлями и как бы здороваясь с ним.

Прежде чем войти, он постоял и послушал. Тишина, ни звука. Зашёл в квартиру, осторожно прикрыл за собой дверь, предварительно вынув ключ. Мысль о том, что вот сейчас он увидит мёртвого Спиридонова, привела его в сильное волнение. С другой стороны, Ропотова всё ещё не покидала надежда увидеть своего соседа живым. Но по мере того, как он, затаив дыхание, приближался к комнате, в которой вчера оставил того на кровати, эта надежда растворялась. В висках застучало.

Вот наконец и комната. А вот и кровать...

Ропотов подошёл к окну и отдёрнул занавеску. Комната наполнилась светом.

На кровати с открытым ртом и немигающими пустыми и устремлёнными в потолок глазами лежал Спиридонов. Ко-

жа его лица была неестественно белая, местами жёлтая, даже кремовая, а где-то уже пурпурно-синяя, отдельными пятнами. Под кожей сильно проступил череп, отчего показалось, что кожу кто-то натянул, завязав её сзади узлом. Ставшие уже привычными Ропотову черты лица Спиридонова донельзя изменились: теперь перед ним лежал совсем не знакомый ему человек. Из-под тряпок торчала такая же белая с синим рука с неестественно скрюченными пальцами, а ниже – ступня, толстая от надетых на неё нескольких носков.

«Как же смерть обезображивает, как она меняет внешность человека, отталкивает», – подумалось ему после того, как он наконец выдохнул.

Постояв немного, Ропотов протянул руку к лицу покойного, чтобы навсегда закрыть ему глаза. Это всё, что он мог для него сделать. Руку встретил ледяной лоб, потом такие же ледяные веки и нос.

«Прощай, Никитич... и прости... Молись там за нас. А я – здесь за тебя буду», – Ропотов ещё раз посмотрел на покойного, снял шапку и опустил голову на грудь, закрыв глаза. Мысленно он аккуратно и беззвучно опустил на покойного крышку гроба; тот стал медленно опускаться куда-то в бездну, пока не исчез совсем из вида, и Ропотов бросил ему вслед горсть замёрзшей земли. Вот и всё. Открыв глаза снова, Ропотов натянул плед на лицо покойного, перекрестился, но совсем неумело, перепутав последовательность на лево-право.

Он повернулся и быстро вышел из комнаты. Уже в следующей, проходной комнате его взгляд остановился на шкафу с книгами.

Книги. Теперь это просто топливо. А ведь когда-то ими зачитывались, из-за них подолгу не могли заснуть ночью: всё читали, читали, читали. Может быть, в каких-то из них на полях стоят пометки, сделанные тем, кто их читал, вдумчиво читал, перечитывая одно и то же предложение, один и тот же абзац по несколько раз. В прежние годы люди собирали книги, гонялись за ними, выменивали на макулатуру, записывались в очередь, скупали у алкашей возле метро. В книгах тогда искали правду, ответы на любые вопросы. Что такое тогда был телевизор против книг: так, элемент интерьера, бесполезный, хотя и вожделенный ящик с тремя-четырьмя унылыми программами, дикторами с непроницаемыми и не выражавшими никаких эмоций лицами, с однообразными сюжетами, оторванными от жизни. Другое дело – книги! Хорошую библиотеку не стыдно было оставить и с радостью получить в наследство.

Ага, что здесь, на полках? Вот пухлый Толстой, протёртый с надорванными корешками Тургенев, трёхтомник Маяковского, опять Толстой, но уже другой... тома, тома, ряды и вереницы разноцветных и разновеликих томов. Кожаные и бумажные переплёты. А это что?.. Плохо видно... О! Чехов. Автограф на корешке вместо фамилии. Ну да, точно – он. А вот и наше всё – Пушкин... Гоголь – рядом, куда ж

без него. А вот и научная литература. Тоже много, обложки только проще, да шрифт на корешках мельче. Или, наоборот, всё крупное: и буквы, и сами тома – как вот у этих энциклопедических словарей. А вот и иностранные авторы: Жорж Санд, Морис Дрюон, Теодор Драйзер, Дюма, Сэллинджер... Вот книги серий «КС» – «Классики и современники», «ЖЗЛ», «Дружба народов»... Да, Никитич, неужели ты всё это прочитал?

А теперь всё это – просто топливо. Можно их сжечь разом и согреться на час-два, можно жечь понемногу: варить еду, кипятить снежную воду. Продержаться так до весны, чтобы выжить. А что дальше? Если сжечь все книги, как дальше жить, чему учить следующие поколения людей? Электронные носители, скажете? Ну, как же, знаем-знаем, слышали. Двоичный код, диджитализация, цифровизация, оцифровка бумажных страниц, pdf-формат, электронные образы, мощные сервера, дата-центры... Только где это всё, когда свет отключился, и неизвестно, когда он включится снова? И что будет с этими серверами и этими данными, если света не будет долго, очень долго?

Ропотову вдруг вспомнился роман Брэдбери «451 градус по Фаренгейту», точнее, кинофильм, снятый по нему, который он смотрел в студенчестве. Действие фильма происходит в фантастическом тоталитарном обществе, где книги под запретом, они уничтожаются – их сжигают в огне. И главный герой романа, пожарный по профессии, не тушит по-

жары, а, наоборот, устраивает их, уничтожая вместе с жилищем книги, если их обнаружат у людей. Потом, повинуясь соблазну, однажды он не сжигает, а прячет у себя несколько книг, затем читает их в укромных местах, но, будучи застигнутым врасплох, вынужден бежать, и за это его объявляют преступником. Герой фильма бежит туда, куда не смогли до него дотянуться щупальца полицейского государства. Там, в лесу живут и прячутся люди, заучившие наизусть и постоянно повторяющие каждый свою книгу, люди-книги – с тем, чтобы впоследствии, когда тоталитаризм будет побеждён, воспроизвести их на бумаге, тем самым сохранив для будущих поколений.

Он улыбнулся: «Надо и мне какую-нибудь книгу взять, чтобы потом выучить её наизусть прежде, чем сжечь». Он поднял раму стеклянной дверцы старого шкафа, не без труда поднял и задвинул её вглубь. Потом стал водить указательным пальцем по корешкам книг, не решаясь, на какой остановиться.

«Да хотя бы вот эту белую... Борис Пастернак, «Доктор Живаго», – решил наконец он, вытащив первую приглянувшуюся ему, подумал и вытащил и соседние с ней три книги: «Возьму лучше несколько, а там посмотрим: что-то сожгу, а что-то, глядишь, останется как память о хорошем человеке».

Ничего другого он брать не стал. И копаться в вещах Никитича он тоже не посмел. Только книги. Вышел, закрыл дверь на ключ и положил его под коврик, потом спустился

к себе.

Глава XXII

Собираться в дорогу Ропотовы начали сразу же, как Алексей вернулся от ещё живого Спиридонова и поговорил с Леной. Сборы продолжались всё время, пока позволял дневной свет.

В первую очередь, взяли еду, точнее то, что от неё осталось. А это три консервных банки: одна с килькой и две большие с говяжьей тушёнкой, килограммовый пакет с рожками, такой же, только начатый, с рисом, целый пакет гречки, почти полную пачку чая. Одну бутылку коньяка Ропотов с Леной выпили за эти дни – понемногу, но каждый день, для поднятия сил и поддержания духа. Поэтому осталась только одна бутылка. Её упаковывали особенно тщательно – не дай Бог, разобьётся.

Оставались ещё два с небольшим батона в нарезку. Хлеб замёрз и почерствел, но, главное, – он не заплесневел. Взяли ещё солонку, немного – тоже весь, что остался, – сахар, шесть коробков спичек и полтора десятка чайных свечек – последние, какие были.

В полутора- и двухлитровые пластиковые бутылки, случайно обнаруженные им на кухне и на балконе, Ропотов заранее разлил воду, получив её из растопленного снега после хорошего пятиминутного кипения.

Взяли всю, что была не на них, одежду, тёплую обувь, приготовили одеяла, пледы, сложили все лекарства, часть книг, в том числе те, которые Ропотов забрал у Спиридонова. Не забыли взять и документы: все паспорта, свидетельства о рождении детей, а также деньги и Ленины украшения: пару колечек золотых с камушками, три цепочки, тоже из золота, серебряные кулон и серьги. Обручальные кольца были на них. Наличных денег оказалось совсем немного, всего-то около двух тысяч рублей, ещё рублей триста пятьдесят выгребли из детской копилки. Все остальные их деньги – не больше сорока тысяч из последней зарплаты Ропотова были на его банковской карте. Карту, хоть и была она теперь совершенно бесполезной, тоже взяли, на всякий случай. Никаких других сбережений у них не было.

Ропотов собрал также и весь свой ручной инструмент: молоток, плоскогубцы, несколько отвёрток, ножовку. Туристический топорик и складная саперная лопатка уже лежали в багажнике машины. А вот сетевая электродрель и почти разряженный шуруповёрт ему теперь были ни к чему. Ещё Ропотов сложил все ножи, включая кухонные, несколько вилок и ложек, пару кастрюль, эмалированную кружку, сковороду, две чайные кружки, четыре миски, а также горсть гвоздей и саморезов, моток веревки, скотч и большие ножницы. Не забыл он взять и ту консервную банку, из которой сделал конфорку.

Разложив всё по пакетам, Ропотов с Леной отнесли их в

коридор, приготовив к завтрашней погрузке в машину. За окном почти стемнело, поэтому в коридоре уже ничего не было видно, хотя маленькая часовая стрелка не доползла еще и до пятёрки.

Вдруг Алексей взял Лену за руку:

– Послушай... А вдруг кто-нибудь увидит, как я буду носить пакеты в машину, и решит, что там продукты, дождётся, когда я пойду за следующей партией, разобьет стекло в машине, откроет дверь и украдёт всё.

– Да... ведь верно. Всё же теперь изменилось. И этого нельзя исключать.

– Придётся тогда самое ценное: продукты и воду – нести в последнюю очередь.

– Алёша, у нас всё ценное. И одежда, и обувь, и твои инструменты – это то, без чего сейчас не выжить.

– Ну, да. Ты права.

– Давай я тогда пойду с тобой. Будем носить по очереди так, чтобы машина постоянно была в поле зрения.

– А ты точно сможешь? Теперь эти пакеты покажутся тебе гораздо тяжелее, чем они были бы тогда, раньше. И не забывай, лифт ведь не работает.

– Ничего, я справлюсь.

Так и порешили.

Наутро Ропотов встал, сходил первым делом на ведро, только не в комнате, как делали это дети, а отнес его на кухню. Умываться они уже давно перестали по утрам. Вот и сей-

час он просто вытер хорошенько руки и лицо о грязную тряпку, в которую теперь превратилось их кухонное полотенце. Вернувшись в комнату, Ропотов подошел к окну и соскрёб немного инея со стекла – ровно столько, сколько нужно было, чтобы оглядеть двор под их окнами. Осыпавшимся в ладонь снегом он протёр лицо, словно умываясь.

За окном стояла чудесная морозная погода, было солнечно, хотя самого солнца, едва поднявшегося, из-за соседних домов видно не было. На термометре было где-то семь градусов ниже нуля. Сильный мороз уже спал дня три как, ветра и снега не было, потому эти семь градусов после еще недавних двадцати ощущались бы и вовсе легко, не будь в квартире около нуля.

По едва выделяющейся проезжей части их вымершего двора горделиво вышагивала здоровенная ворона. В её чёрном клюве был какой-то совсем немаленький свёрток. Периодически ворона останавливалась, бросала сверток наземь, разглядывала его то левым, то правым своим глазом, затем несколько раз ударяла по нему клювом, после чего снова поднимала и продолжала свое неторопливое движение. Неожиданно к вороне подлетела другая ворона, только поменьше, подпрыгнула на лапах поближе, видимо, намереваясь поинтересоваться, что у той за свёрток. Первая же ворона, быстро смекнув, что по чём, вдруг выронила этот свёрток себе под лапы, тут же накрыла его одной из них и, приняв защитную позу и опустив пониже голову, оттуда, снизу

громко каркнула что-то второй прямо в морду. Та, вторая ворона, быстро оценив свои и противника силы, не медля ни секунды, улетела прочь. Победительница же, вся довольная собой, осталась на месте и ещё более заинтересованно, чем прежде, принялась распаковывать свой Грааль.

От громкого «карка» Ропотов вздрогнул, затем ухмыльнулся, слегка покачав головой. Ему подумалось:

«Хорошо им: у них крылья есть. Взяли, снялись с места и улетели. А мы так не можем... Хотя, если разобраться, наши машины – те же крылья. Было б желание... Да, пожалуй, это не всё: ещё нужен бензин, дороги, да и чтобы другие «вороны» на нас не слетелись... Ну, да ладно. Хорошо, что не так холодно будет нам ехать. Потом и бензина меньше уйдёт на обогрев».

Он было уже стал отворачиваться, сосредотачивая свои мысли на том, как они сейчас с Леной будут таскать сумки и пакеты, как вдруг его взгляд, перемещаясь слева направо через ту точку, в которой стоял «Солярис», того не обнаружил. Взгляд мгновенно вернулся в эту точку – «Соляриса» в ней не было. Слева и справа от неё – тоже.

Ропотов так и похолодел. Сильным магнитом, порывом ветра его вернуло к окну. Всем лицом своим он прижался к холодному стеклу, к инею; головою стал мотать из стороны в сторону, вверх-вниз, пытаясь поместить в мутную щель оба своих глаза, разглядеть всё как следует. От его носа, лба и щёк иней на стекле стал таять – по давно небритому подбо-

родку струйками потекла холодная вода, по шее стала проникать за ворот рубахи. «Соляриса» на месте не было!

«Не может быть! Он же стоял здесь!» – Ропотов, сляясь взять себя в руки и сосредотачиваясь, стал медленно переводить всё ещё рассеянный взгляд с машины на машину, с сугроба на сугроб, как бы отсчитывая их. Так, так, ага, ага. Оп! Именно его «Соляриса» нигде не было! Дальше – снова: так, так, так. И обратно, по новой. Нет. Его нет. В горле пересохло. Он сглотнул слюну. Не помогло. На ещё один глоток слюны уже не было. Ропотов стал облизывать иней со стекла, скоблить его ногтями, жадно подставляя открытый рот под сыплющиеся снежинки. Стал ещё сильнее протирать стекло руками и локтем. Потом опять стал всматриваться туда же. Но «Солярис» за это время так и не появился.

Ропотов, не проронив ни звука и стараясь не разбудить Лену, бросился к двери. Впопыхах в коридоре он споткнулся о ближайший пакет, и чуть было не упал. Громким шепотом выругался. Как мог, быстро вскочил в сапоги и прямо так, не закрывая на них молнию, выбежал на лестничную клетку.

Пока он сбегал по лестнице вниз, в голове его отщелкивало: «Нет. Нет. Нет. Его там нет. Нет. Нет. Нет. А где? Где? Где? Угнали. Угнали! Не может быть. Не может быть! Да нет же, надо смотреть лучше. Он там. Там. Там. Там!»

Выскочив на улицу, Ропотов сначала пробежал немного, а потом вдруг остановился, как вкопанный. Перед ним – на том месте, где все эти дни стоял его «Солярис», где недав-

но он его заводил, сидел в нём, – ничего, кроме свежих следов от колес и насыпи снега вокруг большого прямоугольного контура, не было. Теперь ему уже было очевидно, что машины здесь нет.

Внутри у него всё оборвалось и опустилось. Опустились и руки, до этого собравшие в себе всю возможную потенциальную энергию. В висках стучали молоточки, а волосы на непокрытой голове шевелил легкий ветерок. Он стоял и смотрел в центр этого прямоугольника, в его углы, на его стороны. В эти свежепроложенные, поворачивающие и теряющиеся дальше параллельные колеи, в эти аккуратные следы от рельефа шин, в эти кучи грязного черного снега из-под крыльев и брызговиков «Соляриса», неммым укором смотрящие теперь на него.

В голове его, сменяя друг друга, быстро пронеслись: лицо Лены, соглашающейся на поездку после долгих раздумий и уговоров; затемнённый от падающего ему в лицо света силуэт тёщи, провожавшей его, когда он был у неё в последний раз; лучезарный и что-то говорящий ему Кирсанов, сбегаящий с дачного крыльца в одном свитере и шапке набекрень и протягивающий ему свои объятия; несущиеся наперегонки из-за его спины навстречу Кирсанову Саша и Паша; горячая печка в доме Кирсанова с приоткрытой дверцей и языками пламени за ней и его собственные руки, тянущиеся и прижимающиеся к печной кладке; шеренга банок с соленьями и вареньями в погребе – пронеслись и быстро исчезли, как

будто растворившись в этом снеге. И только белый с черными кучами прямоугольник, ставший для него приговором, никуда не хотел исчезать.

«Угнали», – сделал он уже окончательный и бесповоротный вывод.

Его «Соляриса» у него больше нет. Нет, конечно же, он есть, существует и, вероятно, сейчас едет где-то по дороге, а из-под колес его вылетают брызги только что растопленного снега. Но это уже не его «Солярис». И тот, кто сейчас сидит на его месте, сидит и посмеивается над ним, этот... убийца! разом лишивший их всех надежды на спасение, грубо обкорнавший ему крылья... Как же хотелось ему сейчас вернуть время назад, броситься за ним, уезжающим отсюда, с этого самого места, вцепиться в ручку двери, остановить, выволочь эту гниду из двери, а лучше из окна, выволочь на снег и там бить, бить, бить руками, ногами, по морде, по голове, по туловищу, монтировкой, огнетушителем, самым большим гаечным ключом, запаской... До кровавых его соплей, до рвоты, до слёз, до мольбы о пощаде.

Ропотов яростно сжимал и разжимал кулаки, на щеках его играли желваки, звучно скрипели зубы. Но что было толку от того? И какой толк сейчас был в том, чтобы беречь следы, искать свидетелей, обращаться в полицию? Всё переменилось, и привычный уклад жизни сменился на новый: неизвестный ему ранее, дикий, животный. И как выжить в этом новом мире и сохранить в себе человека – ещё только пред-

стояло познать.

«Довольно. Сил нет больше его бить. Руки уже не слушаются. Как взаправду. Чёрт с ним. Пусть катится... Проваливай, ты, сволочь! Ворюга проклятый, убийца!» – Ропотов повернулся и, едва волоча ноги, поплёлся назад, домой. Немигающие глаза его заволокло дымкой от проступивших в них слёз, губы дрожали, вместо слов вырывались какие-то бессмысленные звуки. А голове было так холодно, что на миг ему даже показалось, что волосы на ней разом поседели.

Глава XXIII

После потери «Соляриса» у Ропотовых ещё оставалась старая «Мицубиси Паджеро Спорт» – вторая их машина, которую они держали на охраняемой стоянке в пяти минутах от дома и пользовались ею на выходных или от случая к случаю. Но толку от неё сейчас никакого не было – в баке «Паджеры» оставалось не больше пары литров. Соответствующая сигнальная лампочка на приборной панели уже давно горела, а заправиться перед «концом света» Ропотов так и не успел. Конечно, для зимней поездки за город «Паджера», будучи полноприводным рамным внедорожником, хотя и весьма прожорливым, сто очков вперёд давала «Солярису». Но без топлива она была грудой железа, не больше. А где его сейчас найдешь, это топливо?!

– Не будем отчаиваться, что-нибудь придумаем, – успока-

ивала Лена своего мужа, когда он, совсем бледный с мокрыми от снега, но так и не поседевшими волосами, вернулся домой и случайно разбудил её. Внутри же у неё самой всё кипело, клокотало.

– Значит, так надо было, – продолжала она успокаивать мужа и себя саму. – Может, это Бог нас отвёл от поездки сегодня.

– Ты знаешь, я подумал, это мне... за те продукты, которые я, чего там говорить, украл в «Пятёрке». За всё в жизни надо платить. Я украл – вот, пожалуйста, теперь у меня украли. Долг платежом красен.

– Ну, что ты говоришь?! Перестань! Не сравнивай это! Да и не украл ты, выбрось это из головы. Мы бы умерли с голоду, если бы не ты... это был единственный выход в такой ситуации. Ты взял на себя, если хочешь, функции государства в ситуации, когда оно самоустранилось. Они ведь так и не приехали сюда, не стали людям раздавать ни продукты, ни воду, ни надежду... И потом ты взял ровно столько, сколько нам было нужно, чтобы не умереть с голода. Не для продажи и обогащения, а для выживания, элементарного выживания, для меня, для детей, в конце концов. Ты просто исполнил свой долг! Долг отца и мужа. И я... я горжусь тобой!.. И это... это выше, чем... понимаешь...

– Но тогда и тот... что угнал наш «Солярис», – перебил жену Алексей, – получается, тоже, наверное, долг свой исполнял? Перед женой, детьми своими, так? Он тоже, навер-

ное, угнал его, потому что машина наша там стояла без надобности, во дворе под окнами. Угнал, чтобы спасти, увезти своих из этого ада – так у тебя получается?

– Да! Именно. Так и получается. Если он угнал, чтобы спасти своих детей, Бог ему судья, Бог его простит, прости и ты. А если нет, если он просто воспользовался ситуацией, если угоняет машины сейчас, чтобы продать их потом, то нет ему прощения! Гореть ему в аду!

– Понятно... Получил по левой щеке – подставь правую... Может, ещё и «Паджеру» им подогнуть? Пусть забирают! Так?

– Нет! Не так. Ты не понял... Мы сами возьмём «Паджеру» и сами на ней уедем отсюда. Понимаешь? Сами! Никому не отдадим больше.

– Лена... ну куда мы на ней уедем... она пустая, ты понимаешь? Пустая! Бензина в ней нет. Из Щукино мы даже не выедем. Встанет она, и всё.

– Ну, вот ты и думай, где взять бензин. Думай, Лёша!

– И где же я его сейчас, по-твоему, возьму? Может, покажешь?

– Где? Где?.. Не знаю, где. Ты – мужчина, ты – водитель, ты думать должен, где. Слей, в конце концов, с другой.

– То есть укради? Опять укради. Как этот, что уехал сегодня ночью на «Солярисе», – Алексей обхватил голову руками и, сидя на краю Сашиной кровати, стал раскачиваться взад-вперед. – А кто-то потом меня проклинать также будет.

А поймает за руку – ведь убьёт, и прав будет тысячу раз. Я бы тоже убил.

– Хочешь, давай вместе пойдём.

– Вместе... Эх, знать бы чьи это машины под окнами стоят, где их владельцы живут, я бы по дому, по квартирам бы пошёл узнать, живы ли они. А если нет, если не откроют, слил бы, и совесть моя была бы чиста. Только ведь никого мы знаем вокруг. Никто и нас не знает. Никто никого вокруг не знает! Соседи по лестничной клетке даже не знают друг друга. Как в лесу живём, ей-богу, а ещё людьми зовёмся... Господи! Послал ты кару нам за грехи наши.

– Алёша... помню, я когда-то в детстве фильм один смотрела. Старый. Итальянский, кажется. Там в нищете все жили, после войны. Ни у кого ничего лишнего не было, жили впроголодь, работы не было. И вдруг главному герою предложили работу: расклеивать рекламные плакаты по городу. Но при условии, что он будет работать на своём велосипеде. У него был велосипед, но они отдали в залог. Жена ему всё бельё постельное из приданого собрала, на каких они спали. Бельё отнесли, а на вырученные гроши выкупили назад велосипед. И вот он поехал на нём в свой первый рабочий день. Счастливый, довольный, расклеивает. В униформе новой, которую ему выдали. Гордый такой весь. И, представляешь, у него, пока он там клеил, этот велосипед угнали. Только отвернулся и всё! Он побежал, но не догнал. А нет велосипеда – нет и работы. Снова нищета, снова голод.

– Всё, конец?

– Да нет же, постой! Этот герой, он со своим сыном, мальчишкой, как наш Саша – такого же возраста, – они все ноги стоптали, даже нашли того парня, который угнал. Полицейского позвали. Но велосипеда у вора этого уже не было. Видно, его успели разобрать и продать на запчасти. И доказать, что этот парень украл, они тоже не могут. Тот всё отрицает, свидетелей нет, велосипеда нет. И этот герой, не зная, что теперь ему делать, он тогда берёт... и угоняет чужой велосипед. Первый же, который попадается ему на глаза. Всё ходил, ходил возле него, мучился, руки себе заламывал... и угнал.

– И снова пошёл клеить плакаты? Всё? Хэппи энд?

– Нет... Он и ста метров проехать не успел. Хозяин сразу же увидел, закричал, а люди вокруг сбежались, погнались за ним, схватили, надавали ему оплеух и тумаков. А сынишка подбежал к нему, за полу куртки схватил, плачет. А толпа кричит: «В полицию его тащи!» – И чего, потащили?

– Нет. Хозяин свой велосипед взял, посмотрел на этого горе-угонщика, на сына его в слезах, понял, что это нужда его толкнула, что не настоящий он вор, и говорит другим: «Отпустите его, у него и так всё плохо». И отпустили. И пошли они с сыном домой пешком, опустив головы. Такая вот история... Я потом долго забыть не могла фильм этот. Всё думала: какие мы счастливые, раз нам не нужно красть, чтобы с голоду не умереть.

– Да уж. Вот и мы дожили до этого. Жили-жили, и на тебе

– дожили.

Глава XXIV

Ухватившись за идею с бензином, Ропотов для начала решил сходить и проверить, а стоит ли вообще их «Паджера» на том месте, где он её когда-то оставил. А то, может, как «Солярис», уже и не стоит.

Пока он шёл к стоянке, редкие одинокие прохожие встречались ему на пути. Были и машины. Немного, но были. Видимо, так же, как и Ропотовы, их хозяева решили не ждать манны небесной от кого-либо, а собираться и уезжать прочь из этого города, разоренного голодом, холодом и, что самое страшное, полным отсутствием управления.

На некоторых соседних жилых домах виднелись следы недавних пожаров: чёрные закопченные стены, зияющие чёрной пустотой разбитые окна внизу – в эпицентре пожара, и такие же, как и стены, закопченные окна выше, и выше, и выше – где-то вплоть до самого верха. Жуткое зрелище – вымерший, страшный город. Город-призрак. И это – наша Москва! Для полноты картины не хватало только следов бомбёжки.

Свернув к стоянке, Ропотов услышал какие-то странные звуки. Они усиливались по мере его приближения к ней.

Вот, наконец, и машины, точнее, большие белые сугробы, их полностью скрывающие. Много, больше половины от всех

мест было занято. Расчищенных от снега машин не оказалось вообще. Где-то под одним из этих сугробов стоит и его «Паджера».

«Где-то тут», – Ропотов стал искать глазами закрепленное за ним место, разглядывая из-за забора простиравшуюся белую целину.

«О-па! Да это же собаки. Вот откуда звуки эти», – догадался он, когда из непонятного шума выделились сначала лай, а потом и звуки яростной грызни.

За будкой охраны, возле самого шлагбаума он увидел несколько собак, шесть-семь, может, восемь, сгрудившихся над чем-то на снегу, и отдельно от них – ещё три-четыре собаки, сцепившиеся в единый клубок. Этот клубок, сверкая и лязгая зубами, разбрызгивая во все стороны слюну, кровь и клочья шерсти, постоянно вертелся тут же до тех пор, пока из него не вырвалась и не помчалась прочь одна собака, истошно скуля от нестерпимой боли или от страха перед ней. За собакой бросилась ещё одна, значительно уступавшая первой в размерах. Оставшиеся же две быстро присоединились к основной группе. Догонявшая собака, поняв, что две другие её не поддержали, сразу же развернулась в сторону всей своры. Покусанная же псина, крупный черный кобель неопределенной породы, всё также продолжая дико скулить, поджал хвост и, озираясь назад, уже на трёх лапах отбежал чуть поодаль, а, убедившись в том, что его наконец оставили в покое, бухнулся в снег и стал энергично зализы-

вать свои раны.

Ропотов остановился, не на шутку испугавшись. Пожалуй, продолжать дальше движение было опасно. Первой же его мыслью было вооружиться чем-то. Он стал оглядываться вокруг, нет ли рядом какой палки. Увы, но всё вокруг было занесено снегом, и ничего подобного не оказалось на виду. Оставалось только затаиться, не привлекать к себя внимания и наблюдать.

И тут Ропотов, взглядевшись, с ужасом обнаружил, что все эти собаки столпились над... человеческим телом – они его... ели! Собаки ели человека. Убили, а теперь доедали. Загрызли до смерти, а потом – и до самых костей.

Его рот непроизвольно открылся, последовал звучный вдох, а волосы – он даже почувствовал это – зашевелились под шапкой. В глазах потемнело. Ноги подкосились; он закатил глаза и, опуская голову, машинально поднес правую руку к лицу, левой же своей рукой – схватился за сетку забора, иначе бы не удержался на ногах. Его чуть не вырвало: несколько подряд позывов на рвоту оказались без пищи, один только воздух. Сплюнул слюну. Отдышался немного. Снова поднял глаза на это кровавое пиршество.

Внутри и вокруг кровавой кучи валялись обрывки одежды: куски ткани, шапка, ботинок. Передние лапы и морды собак до самых ушей тоже стали мокрыми и буро-чёрными от крови. Они жадно, растопырив в стороны задние свои лапы и расталкивая друг друга крупами и бёдрами, пытались

урвать кусок побольше. Периодически между ними вспыхивали мелкие стычки, но желание не упустить еду всё-таки побеждало в них жажду мести за полученную боль от укусов.

«Сейчас они его доедят и примутся за меня – вон их сколько, на всех ведь не хватит», – подумал Ропотов.

Бежать прочь сейчас – значит навлечь на себя погоню, в которой у него не было ни единого шанса. На забор ему не залезть – по рабице, да ещё почти без сил, он точно не поднимется. Да даже если бы смог... Голодные псы всей сворой навалятся на забор, и тот, чего доброго, падёт. За забором тоже нет спасения: они его обегут под шлагбаумом и «снова – здрасьте». А сидеть на заборе и взирать на них сверху, как Маугли на рыжих псов, он сможет лишь до тех пор, пока, обессиливший от постоянного напряжения, не упадёт им прямо в раскрытые пасти.

Чувство страха, видимо, стало передаваться от Ропотова этим одичавшим тварям. Да и звуки, что он издавал, сколь негромкими они ни были, тоже скрыть от них не удалось. Одна из этих тварей – бывший когда-то миленьким, но всё равно грозным питбулем или стаффордом, оставшийся теперь без хозяев и пропитания и вконец одичавший пёс, неожиданно для Ропотова поднял свою морду, повернулся и устремил на него свой холодный взгляд. Злые голодные глаза собаки быстро пробежались по Ропотову, смерили его с ног до головы, и миллионы мурашек в тот же миг обрушились на его кожу под одеждой.

Эта почти безухая свирепая тварь, не знающая боли, глухо зарычала и, переваливаясь на своих коротких кривых лапах, бросилась в его сторону. Молча, без лая, со свисающей из широкой пасти кровавой слюной и клокочущей глоткой – прямо на него. Ещё мгновенье, и она будет здесь.

Всё, что он успел сделать, – это встать спиной к забору, согнуть и выставить вперёд остриё левого локтя, за которое собака в прыжке его и ухватила. Второй своей рукой – правой – он покрепче ухватился за сетку забора. Опустившись на землю задними лапами и увлекая за собой Ропотова, собака стала рывками тащить его локоть на себя, резко теребя его из стороны в сторону. Толстая одежда и широкая кость локтя не дали собаке возможности нанести максимальный урон. Боли пока было – только напряжение в ногах, сдерживание напора и страх. Угрожающе хрипя, это свирепое чудовище продолжало сдавливать локоть зубами и искать в нём наиболее уязвимое место для перехвата.

Собрав все силы и подтянув себя второй рукой к забору, Ропотов выровнял спину. Затем, расставив пошире ноги и слегка согнув их в коленях для устойчивости, он поднял собаку на себя. Не отпуская хватки и так же яростно продолжая сжимать зубами локоть, теперь уже всем своим весом она повисла на нём. Короткими, но резкими движениями она продолжала мотать головой, заодно мотая и локоть, и самого Ропотова. Вот и боль – острая, резко нарастающая. Ещё немного, и силы, а раньше, наверное, сознание его покинут. Если

что-то и можно сделать, то нужно делать сейчас.

Глаза их встретились: прирождённого убийцы и случайной жертвы. В тот же миг Ропотов отпустил забор и кулаком освободившейся руки со всей силы нанёс короткий удар. В широком чёрном пёсьем носу что-то хрустнуло. Собака почти сразу разжала зубы, громко взвизгнула и грузно рухнула наземь. Кровь обильно полилась из её рта и носа; собака, продолжая истошно визжать, захрипела и стала захлёбываться собственной кровью. Жадно лоя открытой пастью воздух и пытаясь проглатывать кровь и языком лизать разбитый, весь в пузырях, нос, правыми своими лапами она стала беспорядочно размахивать в воздухе. Потом закрутилась юлой на одном месте, отталкиваясь от земли другой парой лап и отбрасывая ими снег. Вскоре её стали сотрясать конвульсии, и через пару минут она совсем затихла.

Всё это время опустошенный схваткой, обессиливший Ропотов смотрел на умирающую собаку. Его ноги и руки тряслись от напряжения. Грозная псина, только что трепавшая его локоть в надежде повалить на снег и ухватить за горло, неподвижно лежала у его ног в луже собственной крови. Один удачный удар – и всё. Как же сказочно ему повезло! А если бы он промахнулся? А если удар был бы недостаточной силы? Второй такой возможности питбуль бы ему не дал. И уже он, а не пёс, сейчас бы лежал на этом месте, и свора собак рвала бы его мясо и дралась за оторванные конечности. Никто бы даже и не смог его опознать потом. Просто нечего

было бы опознавать.

Последние взвизги питбуля возымели своё действие. Видимо, вместе с ними пёс посылал остальным какой-то тревожный сигнал. Сигнал смертельный опасности, который способна понять только другая собака. И стая свирепых псов, уже изрядно подкрепившихся, встрепенулась, ощети-нилась и стала откатываться от места своего пиршества. Собаки встали в полукруг и принялись лаять на Ропотова, но не угрожающе, а как-то трусливо, с нотками тревоги в голосах. Одни сначала выпрыгивали на полкорпуса вперёд, продолжая рычать и лаять, и тут же забегали назад, выпуская на своё место кого-то другого. Шерсть на их загривках и спинах поднялась. Это зрительно увеличивало их в размерах, и, очевидно, должно было испугать противника. Но не Ропотова. По крайней мере, не сейчас.

Алексей понял, что преимущество сейчас на его стороне. Видимо, этот питбуль, как самый сильный из всех, был вожаком, и, потеряв вожака, стая сразу стала слабее, несмотря на численное превосходство. Поняв это, Ропотов пошёл на наступление – прямо на них. Другого выхода у него не было. Ведь если бы он ничего не делал или отступил – они бы сразу осмелели, бросились на него всей стаей и растерзали.

Ах, если бы в руках что-нибудь было: палка, камень, да хоть портфель – страх собаки всегда усиливается от этого. Сделав первый угрожающий шаг в сторону стаи, Ропотова как осенило: он поднял за хвост только что убитую им соба-

ку, взялся покрепче за её заднюю лапу, поднял высоко – почти на всю руку и, продолжая переть вперёд на свору, стал раскручивать труп собаки у себя над головой. Своей рукой он почувствовал хруст ломающихся собачьих суставов. Из уст Ропотова несся бессвязный поток громких звуков, переходящих один в другой, и отдаленно напоминающий не то собачий лай, не то: «У, пошли отсюда».

Стая, захлебываясь от лая и продолжая изрыгать в его адрес проклятья и угрозы, вернее, жалкое их подобие, стала пятиться назад, шаг за шагом сдавая территорию. В этот момент Ропотов, который уже не мог дальше удерживать в руке тяжёлого дохлого кобеля, что было мочи швырнул его в самую середину стаи и уже бегом бросился в ту же сторону, раздавая пинки кому попало. Собаки, визжа, с прижатыми к голове ушами, а головами – к земле, поджали хвосты, у кого они были, и рванули наутёк, кто куда.

Последним место битвы покидал тот самый чёрный покусанный кобель, которому досталось от своих собратьев в самом начале. Солидаризируясь с остальными в чувстве коллективного страха перед грозной неведомой силой, запрыгал он на своих трёх лапах прочь, поворачивая то и дело свою голову на Ропотова и останавливаясь лишь только для того, чтобы удостовериться, что никто за ним не гонится, да и гавкнуть, вероятно, о том, что никого он не боится, а, будь он на четырёх лапах, точно бы показал Ропотову, где раки зимуют.

Глава XXV

Ропотов вернулся к угловому столбу забора и, опершись на него спиной, медленно стал сползать вниз. Сердце яростно билось в груди, стук его отдавал в висках. Только сейчас он обнаружил, что его левый локоть – тот самый, на котором повис питбуль, ни на шутку разболелся и был весь в крови, правда, пока непонятно, в чьей, а от куртки, толстого свитера и рубахи в этом месте остались одни прорехи да ошмётки.

Минут десять сидел он так, зажав пострадавшую руку другой своей рукой и стараясь отдышаться, пока силы вновь не вернулись к нему. Ропотов хотел уже уходить, как неожиданно ему пришла мысль, которая затем его же и привела в ужас:

«А что, если забрать этого кобеля домой. Разделать, сварить и съесть. Ещё и не на один раз останется».

Его опять чуть не вытошнило. Только что эта тварь жрала человека. В её желудке, кишках и крови – кровь и плоть человека. Как же это можно есть, как можно скормить это детям, Лене?

«Что кошку, что собаку, что голубя или крысу я никогда бы не смог съесть, – подумал он, – да, это всё так, конечно, но это – раньше. Это пока голод не пронял меня по-настоящему, пока Лена с голодухи не сошла с ума, и дети не стали пухнуть и умирать по очереди. В осажденных, охваченных голодом городах люди первым делом съедали всех лошадей,

кошек и собак, а потом и крыс, и кожаные ремни, и сбрую, и обувь, и траву. Так же и в Ленинграде было, в блокаду. А в Беслане несчастные дети под дулами автоматов от жажды вообще свою мочу пили. Обезумевшие от голода люди вообще способны других людей есть. Без ножа и вилки. Одними зубами и руками. Всё дело только в степени голода. И тому масса примеров в истории и литературе».

Подумав ещё немного, он решил всё же взять этого кобеля и оттащить к своей машине, положить в багажник, а там, кто его знает, может, придется возвращаться сюда с ножом и кастрюлей и варить его прямо здесь. Хотя можно себе представить, что будет, когда запах варёного мяса распространится на всю округу. Да уж. Ну, ладно, пусть пока полежит в багажнике. В нём он, как в холодильнике; да и никто забрать не сможет: ни собаки, ни люди.

Когда он поднялся и пошёл в сторону лежащего в снегу питбуля, ему нужно было опять пройти мимо того места, где ещё недавно свора собак доедала человека. В этот момент из-под его ноги вылетел какой-то предмет. Он пригляделся: это были ключи от машины: большой брелок сигнализации со сложенным ключом зажигания.

Ропотов нагнулся и поднял их, стряхнул снег.

«Фольксваген», – без труда определил он символ на брелке.

«Скорее всего, этот человек так же, как и я, шёл на стоянку к своей машине. Но, увы, не дошёл. Не судьба, видно...

Кем он был? Как его звали? Ждут ли его дома?» – задумался Ропотов.

С еле сдерживаемой брезгливостью и всё с теми же ложными позовами на рвоту осмотрел он место гибели этого несчастного и его останки, от которых ещё шёл пар, – может, сумка или документы тоже были где-то здесь. Но, увы, ничего такого на глаза ему не попало.

Тогда Ропотов подошёл к убитой им собаке, опять взял её за заднюю переломанную лапу и поволок в сторону шлагбаума и пустой будки сторожа. Зайдя на пустынную территорию стоянки, он продолжил путь к своей машине, ища на заборе табличку с номером «17» – место его «Паджеры». В свободной руке он держал найденные ключи и периодически нажимал на кнопку брелока.

Вдруг впереди, из-под одного из сугробов, как оказалось позже, – под табличкой «13», он услышал приглушенный звук: «Клик-клак». Покрытая хорошим слоем снега машина узнала сигнал брелока своего хозяина и послушно откликнулась, подав в ответ свой голос. Тут же из-под снега еле заметными вспышками Ропотову дважды моргнули её габаритные огни.

«А номер-то и впрямь у тебя несчастливый оказался», – подойдя к машине и обращаясь к неизвестному ему уже неживому её владельцу, Ропотов произнес про себя.

Алексей подошел поближе и наконец оставил свою тяжёлую ношу возле сугроба с «Фольксвагеном», сам же прошел

ещё дальше – к своей «Паджере». Убедившись в том, что она никуда не делась, он снова вернулся к «Фольксвагену» и открыл водительскую дверь.

Это был «Тигуан» – небольшой, но надёжный паркетник известного всем немецкого автоконцерна.

«Да, хорошая машина от него осталась. Судя по всему, ей лет пять всего», – прикинул Ропотов.

Удобное, почти новое сидение, и настраивать ничего не надо – хозяин, видимо, такого же роста был, как и Ропотов. Обнаружив рядом с рулём кнопку зажигания, он нажал её и немного подержал. «Тигуан» сразу же завелся. Мотор ровно и чётко забурчал под капотом; характерного для дизеля тархтения не было.

«Слава Богу, бензиновый», – успокоился Ропотов.

Он включил габариты. Вместе с ними загорелась и сигнальная панель с приборами. Ага, бак был полон где-то на три четверти.

«Отлично! Бензин есть... Всё – в исправном состоянии. По пробегу – почти сотня тысяч «кэмэ», 94 319, если быть точным, – неторопливо рассматривал он приборы, – можно прямо сейчас садиться и ехать, были бы документы. А без них первый же патруль нас высадит... Поэтому только бензин. Вот только как слить его?»

Пока двигатель работал, а включенный им обогрев салона и водительского сидения возвращал Ропотова к жизни, он, принюхиваясь к новому для себя запаху чужой машины,

перебирал в голове все возможные варианты: какую пользу можно извлечь из всего этого. Ни там, на месте гибели хозяина «Тигуана», ни здесь – в бардачке и в ящике подлокотника никаких документов на машину или других зацепок не было. Поэтому искать родственников погибшего и отдавать им ключи тоже никакой возможности не было, а обращаться в полицию – вообще просто смешно. Но и ехать куда-то на «Тигуане» им самим было нельзя. Оставалось только воспользоваться ситуацией и слить с него весь бензин.

Никакого сливного шланга у Ропотова ни дома, ни в «Паджере» не было. Можно, конечно же, поискать его в багажнике «Тигуана», но кто сейчас возит с собой шланг? К тому же, наверняка в этой машине установлена какая-нибудь решётка, препятствующая сливу топлива. Это раз. Отмечается.

Выкачать бензин, как, он слышал, это делают другие, бензонасосом, он не умеет. А спросить кого, посмотреть где или почитать – сейчас уже не получится. Два. Тоже не пойдет.

Можно было попробовать снять заднее сидение, поискать там крышку и выкрутить сам бензонасос с топливным фильтром, а потом вычерпать бензин. Нужен половник или какое-то другое приспособление. Но это сколько же нужно черпать? За это время задохнуться можно от паров бензина в салоне – на голодный-то желудок он легко потеряет сознание. Да и не факт, что получится много вычерпать из него, вдруг там какие-нибудь внутренние изгибы. Нет, и третий вариант с вычерпыванием тоже не подходит.

Оставалось только расковырять чем-нибудь бензобак снизу, как по-варварски делают это некоторые воры, – сливщики топлива, уроды конченные. В любом случае нужна какая-то тара, чтобы принять стекающий бензин, и воронка или другая ёмкость, чтобы потом перелить его в горловину бака на «Паджере».

«Три четверти бака, три четверти... а полный он литров на шестьдесят, наверное, – это будет... три на пятнадцать... сорок пять», – начал вслух считать Ропотов. Пар из его рта большими белыми облачками быстро стал заполнять всё пространство перед лобовым стеклом, и подгоняемый струями едва тёплого воздуха из вентиляционных щелей, постепенно растворяться.

«Сорок пять литров, ага, сорок пять, – также вслух продолжал он, – это почти девять баклажек пятилитровых... Наверняка ещё несколько литров мимо прольётся, что-то ещё по дороге расплескаю... Да, ещё таз нужен, куда бензин стекать будет. Угу... Так, таз дома есть, литров на семь, баклажка одна тоже есть. Воронку из бутылки сделаю – бутылка тоже дома есть... Чёрт! Нужен ещё один таз. Первый, полный, вытаскиваю, второй – на его место ставлю. Пока второй наполняется, здесь же переливаю из первого через воронку в баклажку, вместе с воронкой бегу двадцать метров до «Паджеры», вставляю воронку, переливаю из баклажки, бегу назад... А второй таз уже полный наверняка будет. Вот зараза! Половина всего бензина потеряю. Чёрт!.. Нужны ещё ба-

кладки или ведра. Без них – никак. Всё сначала в них солью, а потом, не спеша, из них перелью в «Паджеру». Потеряю немного – литров пять всего, семь, не больше».

Последовательный алгоритм действий, сложившийся у него в голове, успокоил его. Он закрыл глаза, стал ровно дышать. Тепло от сидения и от вентилятора печки расслабили его. Левая рука продолжала ныть от тупой боли. Если кобель был бешеный или ещё какой заразный, и слюна попала в рану, ему уже не спастись, это точно.

«Приду домой, обработаю рану коньяком. Если обойдется, и завтра я не умру или окончательно не свалюсь, значит, завтра тогда и буду сливать бензин. Только нужны ещё таз, пять баклажек или три ведра. Или что-то в этом роде. Может, у Спиридонова поискать. Да, так и сделаю. Завтра. А сейчас пора уходить: Лена, наверное, уже извилась, места себе не находит», – решил он.

Ропотов с трудом, а, вернее, с явным нежеланием открыл глаза и выключил двигатель. Вылезая из машины, он обогнул её, подойдя к задней двери. Нащупав в толще снега ручку, он аккуратно открыл дверь. Багажное отделение машины было почти пустым. Так, небольшой беспорядок. Какая-то бумажная упаковка раскидана, пустые полиэтиленовые пакеты здесь же, лопата снеговая. Ещё широкий пластиковый ящик с инструментами и всякой мелочью... Ну, да, так и есть, ни шланга, ни воронки здесь, конечно же, нет... Вот сумка-упаковка с огнетушителем, знаком аварийной остановки и ап-

течкой. А это что за ней такое?.. Ба, да это бита бейсбольная, укороченная. И ручка какая удобная, гладкая! Ропотов стал крепко сжимать, прокручивать битку в руке, пока не усмехнулся: «Вот тебе и палка от собак!.. Да, её хозяину очень бы она пригодилась».

Он выложил на снег битку, потом сходил за питбулем, уже с трудом поднял и запихнул его внутрь. Торчащий тонкий хвост собаки не помещался в багажнике. Ему пришлось приподнять её и подсунуть хвост под заднюю ногу. Вроде всё. Какой же он тяжёлый! А ведь еще совсем недавно он вертел его над головой. И откуда только силы взялись?

Ропотов осторожно и без шума опустил дверь, привалившись на неё своим телом до самого щелчка замочной щекотки. Снег на двери почти весь остался, осыпалось совсем немного. Так будет лучше. Не нужно, чтобы машина сильно выделялась на фоне остальных. Он оглянулся по сторонам: никого не было. Битку, на всякий случай, решил засунуть за пазуху куртки: и к ней тоже не хотелось привлекать внимание. Но прежде он опустил на снег и заглянул под машину.

Слева из-под заднего колеса на него выглядывал черный пластмассовый бензобак «Тигуана».

«Действительно, пластмассовый», – убедился он, дотянувшись до бака и постучав по нему костяшками пальцев.

Это означало, что бак легко можно было просверлить тонким сверлом с помощью шуруповёрта, зарядки которого, наверное, должно было хватить. Осталось только убедиться в

этом, когда он придёт домой. Тонкое сверло решало многое: чем тоньше оно будет, тем меньше дополнительной тары потребуется. Ну, а если шуруповёрт откажет, можно вдавить гвоздь домкратом и вытащить его уже плоскогубцами. Кстати, гвоздём можно и как пробкой потом пользоваться: слил – впихнул в отверстие – вернулся – снова слил.

Он поднялся и отряхнул снег с одежды. Нажав на кнопку брелока и услышав щелчок закрытия дверей, уставший вконец Ропотов, чуть дыша, побрёл в сторону дома. Никаких сил ни на что другое у него уже не осталось. В свою «Паджеру» он даже не стал садиться и уж тем более заводить её. И так бензина в ней почти не было.

«Всё остальное – уже завтра. На сегодня дел и приключений достаточно. Дойти бы теперь до дома, съесть чего-нибудь, как следует рассмотреть и обработать рану и лечь спать», – твёрдо решил он.

Глава XXVI

Вернувшись домой, Ропотов, прежде всего, утолил голод сухарём с водой. Затем он поведал Лене историю с собаками и «Тигуаном». Когда он стал снимать с себя изорванную в клочья на локте куртку, Лена помогала ему. Чтобы не оголять и не простужать мужа, она предложила ему засучить рукава свитера и рубашки, тоже изрядно порванные. Взяв основную работу на себя, Лена очень скоро вынесла кряхтя-

щему от досаждавшей его боли Алексею свой вердикт: жить он будет.

Локоть оказался сильно распухшим, на цвет иссиня-красным, но зато целым. Никаких открытых ран на нём не было. Только ушиб с внутренней гематомой, быть может, трещина, но никак не перелом. Кровь же на одежде в местах её повреждения принадлежала, очевидно, собаке или её жертве – хозяину «Тигуана». От осознания этого Лена поморщилась, и её даже передёрнуло, когда она прикоснулась пальцами к пропитавшим ткань пятнам.

– Вот и здорово! А то я, пока шёл домой, уже представлял, как буду скоро корчиться от боли, а потом, через какое-то время окончательно сбесившись, брошусь на вас и загрызу, – взбодрился от радостной для него новости Алексей.

– Мама, а та собачка не может прийти к нам домой? Она не найдёт нас по папиным следам? – дрожавшим от подкачивших к горлу слёз голосом спросил Саша, показавшийся из-под кучи одежды на диване.

Оттуда же – из-под одежды – раздался громкий, но приглушённый плач пока незримого Паши:

– Мама, я боюсь, собачка съест нас, как того дяденьку. А-а, а-а...

Оказывается, дети не спали всё это время и всё слышали.

– Алёша! Перестань пугать детей! Мне и самой после твоих рассказов не по себе... Пашенька, мальчик мой, не плачь! Собачка не придёт к нам: папа её убил. Она умерла, её боль-

ше нет. Не плачь! Саша, и ты не бойся! Никто к нам не придёт.

Ропотов неловко оправдывался:

– Да я и не думал никого пугать... Я думал, они спят и ничего не слышат.

– А другие собачки? А-а-а-а, – никак не унимался Паша.

– А другие собачки все испугались нашего папы и убежали в лес, в другой город, куда-то ещё и потерялись там... Ну всё, всё, не надо плакать, – Лена полезла руками под тряпичную кучу и извлекла оттуда бедного Павлика. Своими крохотными ручками он растирал по щекам слёзы. Лена прижала его к груди, и его сильные от простуды всхлипы, останавливаемые только во время снова появившегося кашля, постепенно стали тонуть в складках её одежды.

Саша, первым справившийся со своим страхом и едва удержавшийся от слёз, полез обратно в кучу. По пути он бросил Лене:

– Мама, ну, когда мы уже уедем туда, где тепло и много всякой еды и водички?

– Завтра, Сашенька, завтра, мой хороший. Вот только папа починит нашу машину, заправит её бензином, а мы погрузим в неё все наши вещи, вот тогда и поедем.

Вдруг в этот момент в дверь постучали.

Громкий стук, донёсшийся из коридора, в одно мгновение разрушил только что установившийся покой в доме Ропотовых. Дети в два горла снова залились плачем. У Паши

началась истерика. Лена, как могла, пыталась их успокоить, но куда там!

Не на шутку обеспокоенный Ропотов встал и, как был, с засученным левым рукавом, вышел в коридор. По дороге он случайно уронил взгляд на бейсбольную биту. На всякий случай поднял её и крепко сжал своей здоровой правой рукой. Хотя света нигде не было, и вечерние сумерки уже окутали и коридор в их квартире, и лестницу в подъезде, он по привычке посмотрел в глазок.

Удивительно, но непонятно откуда вдруг взявшаяся короткая вспышка света промелькнула перед ним, и в глазу всё вдруг опять потемнело. Решительно ничего не увидев, он прислонил к двери ухо.

«Что это, интересно, было?» – промелькнуло у него в голове.

Там, за дверью, было тихо. Один лишь ветер тревожно стонал, пытаясь втиснуть хоть часть себя в щели дверного проёма. Ропотов не двигался, продолжая вслушиваться в тишину, нарушаемую лишь детским плачем и настойчивыми уговорами его жены из комнаты.

Через несколько секунд за дверью послышался шорох, потом шум переставляемых с места на место ног, какое-то бряканье, а затем и вовсе – чужое хриплое дыхание и шуршание совсем рядом – возле самого его уха.

Ропотов сразу догадался, что кто-то так же, как и он сам, приложился сейчас ухом к их двери и пытается понять, что

происходит в квартире. Он даже почувствовал резкий чужой запах, запах алкоголя и табака. От этого он как-то даже поёжился.

Вдруг за дверью раздался чей-то неприятный мужской голос:

– Ну, что там, Гасэн? Есть кто?

– Дети плачут, и баба их успокаивает. Больше, вроде, никого.

– Она стука не услышала, что ли? Давай ещё попробуй, посильнее.

– Кто там? – серьёзным голосом громко спросил Ропотов, немного отпрянув от двери и тут же снова прильнув к ней ухом.

Стучать в дверь в этот раз не стали. За дверью опять всё смолкло.

Ропотов стал жадно ловить каждый шорох. К шуму ветра теперь прибавился участвовавший стук его собственного сердца.

– Мужик, сука, там. Уходим. Давай в соседний, там ещё пошмонаем, – на той стороне перешли на шёпот.

– Что вам надо? – тем же громким уверенным голосом напомнил о себе Ропотов, крепче сжимая рукоятку биты.

И снова жадно прижался к двери.

Послышались быстрые удаляющиеся, а потом и вовсе сбегające вниз по лестнице шаги, приглушённые мужские голоса, дополнявшиеся всё время каким-то перезвоном.

Ропотов ещё раз посмотрел в глазок. Слабые, быстро уменьшающиеся тени в стремительно тускнущем отблеске фонарика в пространстве лестничной клетки – и больше ничего. А потом уже снова крошечная темнота в глазке, и всё стихающие, стихающие до полного умолкания шаги где-то внизу. Еле слышимый глухой стук закрывшейся подъездной двери довершил палитру звуков. И тишина.

Оставив в покое входную дверь, он быстро проследовал мимо Лены к окну в комнате. Стал энергично скоблить линейкой свежий иней и протирать рукавом свитера новую полыню на поверхности стекла. Всё его внимание сейчас было устремлено только вниз.

– Кто там был, Алёша? – спросила обеспокоенная Лена. Она сидела с ногами на диване, подогнув их под себя и обеими руками обнимая прижавшихся к ней с обеих сторон детей. Они уже не плакали в голос, но стыдливо прятали свои мокрые глаза на материнской груди.

– Да так, ошиблись..., – не поворачиваясь в её сторону, коротко ответил Алексей, – ушли уже, не беспокойся. В его голосе отчётливо слышалось волнение.

Догадавшись, что всё обстоит совсем иначе, нежели ей только что сказал муж, Лена сделала вид, что приняла его ответ.

– Хорошо, потом скажешь.

Она начала покачиваться на месте, увлекая в своем ритме детей, и тихим, ласковым голосом, как может делать это

только мать, запела:

– Баю-баюшки-баю, не ложися на краю, а ложись у стеночки, на мягонькой постелечке. Баю-баюшки-баю, не ложися на краю, придёт... нет-нет, никто не придёт, мои ребяташки-козлятушки, мама и папа дома, зайньки мои... зайньки баиньки сейчас будут... спите, мои хорошие, а завтра утром встанем и будем собираться в дорогу.

Она тихонько оторвала от себя почти заснувшего Павлика. От этого он встрепенулся и сам полез на своё место, а, расположившись там, сразу же затих. Саша последовал за ним.

Ропотов продолжал внимательно всматриваться в темноту опускающейся на город ночи. Да так, что аж в глазах пересохло. Из щёлки в окне был едва виден козырёк над их подъездом.

«В какую же сторону они пойдут? Если вправо, тогда я смогу хоть что-то разглядеть!» – забеспокоился он.

Внизу всё ещё никого не было. Время тянулось медленно, заставляя его нервничать: «А что если они сейчас вернутся?»

«Прошли, наверное», – решил всё-таки он, собираясь уже покинуть свой наблюдательный пункт. Как вдруг внизу в темноте показались две фигуры. Те самые два мужика, определённо.

Эти двое, озираясь вокруг и нисколько не торопясь, выходили из подъезда. Один из них шёл медленнее, отставая от

другого, – на своё плечо он взвалил какой-то мешок. Первый остановился и обернулся, чтобы подождать второго. Тот подошел к товарищу, снял с плеча мешок и поставил его рядом с собой. Они заговорили. Потом второй, тот, что поставил мешок, достал что-то из кармана, стал возиться... сунул что-то себе в рот и протянул первому. Затем вспышка – закурил сам, а потом поднёс спичку и второму.

На эти пару секунд, пока огонь освещал лицо того, другого, Ропотов успел хорошенько его разглядеть с высоты своего окна на третьем этаже. Сказать, что оно, это лицо, было неприятным, было бы ничего не сказать. Лицо было отталкивающим, даже страшным. Оно было обезображено огромным шрамом, пересекающим всю левую его половину. Лицо неопределенной национальности. Типичное лицо уголовника, причем разбойника и убийцы, того, про кого говорят: «Убьёт и глазом не моргнёт». Такого если встретишь в лесу, на глухом пустыре или в ночной подворотне, сам всё ему отдашь, лишь бы только жизнь оставил.

Эти двое стояли друг напротив друга и о чем-то негромко разговаривали. Вдруг один из них, тот, лица которого Ропотов не видел, поднял голову и стал смотреть по окнам, словно почувствовав на себе чей-то взгляд, – взгляд Алексея, должно быть. В тот момент, когда он пробежал глазами по их окну, Ропотов машинально отшатнулся от щели, тем не менее, краем глаза он не терял из вида происходящего внизу.

Глава XXVII

«Кажется, не заметил», – решил Ропотов, потому что эти двое снова стали смотреть друг на друга, продолжая свой разговор, периодически жестикулируя. Покуриив, они пошли дальше, только мешок уже потащил другой. Не спеша, подошли они к соседнему подъезду, открыли дверь и, также озираясь по сторонам, вошли внутрь.

Ропотов ещё немного постоял у окна. Тёмная зловещая ночь опускалась на город. Над соседним домом в сторону центра один за одним пролетели четыре вертолёта. Они летели высоко, поэтому звуки их пропеллеров раздались уже после того, как последний вертолёт скрылся за верхушками деревьев в их дворе. Приглядевшись немного в ту сторону, куда полетели вертолёты, Ропотов увидел игру света на ночном небосклоне: почти такую, каким описывают в книгах полярное сияние. Вот только сейчас здесь, на московском небе, преобладали всё больше оранжевые краски. К игре света ещё добавился и едва различимый гул: такой, словно где-то далеко разыгралась гроза – вспышки молнии видны, а раскаты грома тонут в тишине ночи.

«Какая может быть гроза в феврале?! Это взрывы. Взрывы и зарево пожаров. Обычные и будничные теперь и такие невероятные ещё совсем недавно», – подумалось ему.

Дальше смотреть было нечего: Ропотов отошел от окна. В задумчивости он сел на диван рядом с Леной.

«Скоро они уже не будут ничего и никого бояться: просто выломают дверь и возьмут, что им надо. А его самого и его семью перед этим убьют, даже не вынимая сигарет из своих кривых ртов с гнилыми зубами. У них наверняка и оружие имеется: сейчас его, поди, несложно раздобыть», – вспомнил он пересказанную Спиридоновым историю недавнего разгрома ближайшего к ним отделения полиции, пока Лена, уложив наконец детей, не прошептала ему в ухо:

– Ну, кто там был? Говори.

– Мародеры... пошли по квартирам. Те двое, что сейчас стучали, – явные уголовники. У них на лицах всё написано. Наверное, вскрывают двери и забирают всё ценное, если им никто не открывает. Слабых, думаю, приканчивают. А меня вот, голоса моего – испугались. С мужиками, видно, пока бояться связываться... Сейчас вот в соседний подъезд пошли, ублюдки.

– О, Господи, этого ещё не хватало! Алёша, нужно уезжать поскорее! Мне страшно... Боже мой, мамочка, как она там? – теперь уже Лена, как только что её дети, залилась слезами, уткнулась в плечо сидящему рядом с ней Алексею и стала беззвучно плакать. Её голова соскользнула ему на грудь, а с неё – на колени.

Ропотов положил руку на голову жены и стал гладить её поверх шапки, успокаивая:

– Ну, что ты, мы завтра же уедем отсюда, не бойся. Заберём маму, все обойдётся, поверь мне.

Потом он аккуратно снял с Лены шапку и стал уже гладить по волосам.

Есть что-то магическое в женских волосах, завораживающее. Не зря в стародавние времена на Руси и потом позже, в царской России, девушки держали волосы всегда прибранными, скрывали их от посторонних глаз до самой свадьбы, распуская во всей их красе только на брачном ложе, словно павлиний хвост. Вот и сейчас эти, казалось бы, давно немые волосы Лены захватили всё внимание Алексея. Он гладил их, и огрубевшей коже его руки было приятно ощущать их, сминать, ворошить, поднимать и понемногу выпускать, пропуская между пальцев. Волосы струились, спадали с его ладони каскадом, до последнего, после чего он вновь зачерпывал её пряди и так же без остатка выпускал.

Лена продолжала плакать, но уже не так, как сначала; по всему было видно, что его шебуршание у неё в голове несколько не мешало ей, наоборот, было в этом что-то и приятное для неё.

Попеременно вздрагивающая от плача голова её расположилась у него прямо в области паха. Внезапно он почувствовал лёгкое возбуждение. Горячее её дыхание стало проникать к его промежности, а кровь – усиленно приливать к низу живота и органам малого таза. Его влечение к плачущей жене стало усиливаться от ощущения её абсолютной беспомощности и, наоборот, от проснувшегося чувства его собственной силы над ней. Сейчас она была вся в его власти.

Фантазии и страсти Ропотова разыгрались не на шутку.

В этот момент он неожиданно для себя представил, как те два уголовника врываются сюда завтра вскоре, как он уйдёт на стоянку. Выбивают дверь и вваливаются в эту самую комнату. Дети в испуге вскакивают, начинают плакать, Лена бросается на их защиту, кричит. Один из злоумышленников бьёт её наотмашь по лицу, толкает на кровать и начинает срывать с неё одежду, продолжая наносить пощёчины. Лена пытается сопротивляться, прикрыть лицо, плачет, умоляет оставить их в покое, немедленно уйти, грозит мужем, полицией. Дети плачут ещё сильнее; второй же злодей легко удерживает их в стороне за руки, не давая соединиться с матерью. Его очень забавляет происходящее перед ним, он смеётся своим кривым ртом, то и дело сплевывая слюну прямо на пол. Предвкушение зрелища и пиршества насилия заводит его не меньше того, со шрамом, раздевающего сейчас Лену и осыпающую её ударами вперемешку с грязными ругательствами.

Лена кричит, защищается, молит о пощаде, но слова её тонут в плаче, и сил сопротивляться уже нет. Её одежда изодрана и частично сорвана с неё, одной рукой она пытается прикрыть свою обнажённую грудь, второй – неловко и безуспешно отталкивает лезущую к ней мерзкую, заросшую щетиной морду и смердящую куревом, водкой, луком и гнилыми зубами слюнявую пасть второго насильника.

«Не на-до! Пожа-луйста... Дети, не смотрите!» – только и

успеваает прокричать она из последних сил, уступая превосходящей силе и тяжести навалившейся на неё туши здорового мужика. Свободной рукой он уже расстегнул ремень и спустил брюки. Второй же рукой держит Лену за подбородок, сдавливая и грубо теребя из стороны в сторону её лицо. Резким движением своего туловища он раздвигает Ленины ноги и сходу входит в неё своим громадным членом. От его частых ритмичных движений её тело содрогается, а рот широко открывается в беззвучном плаче, диван громко скрипит и стучит своей дальней ножкой. От бессилия, стыда и нестерпимой боли там, внизу живота, она не знает, что делать, куда повернуть голову, как спрятать лицо от своих насильников, от детей, от самой себя, куда провалиться...

Почувствовав, как наполнившаяся до краев плоть её мужа, его эрегированный член через одежду уперся ей в самое её лицо, моментом осознав это, Лена резко прекратила плакать, отпрянула от его коленей и, заглядывая Алексею прямо в глаза, вскрикнула:

– Ты что-о?

Внезапная реакция жены смутила Ропотова, он тут же пришел в себя, а эрекция немедленно стала спадать. Он вскочил с края кровати, отшатнулся. Стал подбирать слова в своё оправдание.

– Извини... Я что-то устал сегодня... Надо отдохнуть... Я, пожалуй, сейчас лягу, что-то спать хочется, – несвязно проямлил он заплетающимся языком.

– Лена молча и недоуменно смотрела на него, надевая на голову свою шапку. Потом, немного успокоившись, произнесла:

– Нашёл, тоже, время!

Ропотов быстро лёг в чём был, на край Сашиной кровати, накрылся с головой покрывалом и отвернулся в сторону прохода, стараясь ни в коем случае – даже под покрывалом, даже с закрытыми глазами – не смотреть на Лену.

Ему было ужасно стыдно за себя перед ней. Эх, знала бы ещё она, что именно его так возбудило.

«Ужас! Бред какой-то... Боже, как стыдно», – вертелось у него в голове.

С другой стороны (он успокаивал себя), у него была нормальная для мужчины эрекция. И это хорошо, что даже в такой экстремальной ситуации, в состоянии голода, в холоде она у него случилась. Да, грязь кругом, да, вонь, и Лена, как и он сам, давно не мылась, духами не пользовалась, ажурного белья с колготками не надевала. Но ведь и свиньи в хлеву, и куры в курятнике, и кролики в клетке – ничего же, привыкают к грязи и вони, и трахают друг друга, только дай им волю. А чем хуже человек? Такое же животное, только социальное.

«Решил же кто-то из древних это дурацкое словосочетание «социальное животное» к человеку применять», – думал Ропотов, постепенно забывающий о стыде и укрепляющий себя во мнении, что ничего такого плохого он не совершил, а всё, что естественно, того стесняться нечего.

Глава XXVIII

Тема секса в семье Ропотовых занимала важное, но далеко не первостепенное место. Познакомившись ещё в институте, первое время Алексей и Лена то и дело занимались любовью. И при первой же возможности. Своего жилья у них ещё не было и жили они врозь, поэтому приходилось довольствоваться, в основном, комнатами друзей в общежитии, а то и вовсе – общественным туалетом, незапертой подсобкой, кустами в лесопарке.

До того, как Ропотовы купили в ипотеку на вторичке двухкомнатную квартиру в Щукино, они жили у родителей Лены, в Люблино. Её родители сразу же после свадьбы дочери отдали молодым свою спальню, а сами переселились в гостиную. Наконец-то молодожёны могли без всяких стеснений предаваться любовным утехам и забавам. Они занимались любовью утром и вечером, днём по выходным и в любое время ночи. Теперь у них была своя комната, их личное пространство, и никто уже не мог их там побеспокоить, застигнуть врасплох, ограничить во времени.

Конечно же, все всё понимали: и Ленины родители, и сами Лена с Алексеем, но виду никто из них не показывал. И когда в очередной раз среди ночи кровать в спальне молодых вдруг начинала долго и однообразно скрипеть, а в конце этого скрипичного концерта Ленино сопрано по нараста-

ющей брало верхние ноты, уже неспящие, но делающие вид, что они спят, её родители – каждый про себя думал: «Ну, вот и замечательно, и, слава Богу». А подумавши так, вспоминали свою золотую молодость, свои собственные победы и неудачи в постели, вспоминали и умиротворённо в тишине засыпали.

Там же, в Люблино, родился Сашенька. С появлением в семье ребёнка секс стал всё меньше приносить радость молодым супругам, всё реже и всё короче стали их интимные встречи. И виновной в этом была всё-таки Лена. Лену как подменили. Наедине с мужем она стала капризной и раздражительной. Прежде практикуемые ими ласки и игры её уже не возбуждали. Всё чаще у неё начинала не вовремя болеть голова, особенно в те дни, о которых они заранее договаривались заняться сексом. А иной раз вечером Алексей приходил в спальню из душа, рассчитывая на скорою, обещанную ему близость, но как бы не так: Лена, не дождавшись его, уже спит. Или делает вид, что спит. Ну, не проверять же? Не будить, в самом деле? Она ведь и правда устала за день. Всё с маленьким да маленьким...

Ропотов, как это часто бывает у зятьев, скоро нашёл причину такой холодности жены в... её матери. Тёща, которая принялась активно помогать дочери в уходе за внуком, стала всё больше раздражать Ропотова. Как ни придёт он домой вечером, а в их с Леной комнате сидит тёща, тут же и Саша, вечно болеющий и вечно плачущий. Что ни скажи Алексей,

как ни возьми на руки сына, – тёща тут как тут со своими никчёмными замечаниями и дурацкими советами. А Лена всегда её поддержит, ещё и на мужа прикрикнет. Лена всегда слушала мать и делала так, как та ей советовала. И Ропотов это чувствовал. Во всех словах и поступках жены, идущих в разрез с его мнением, он видел Ларису Вячеславовну.

Периодически между зятем и тёщей вспыхивали небольшие стычки, причем, совершенно по разным, даже пустяковым поводам, будь то кулинария или политика. И если Лариса Вячеславовна всегда сдерживалась, старалась Алексея не обидеть, а, знай себе, крутила свою менторскую шарманку, то у Алексея терпения спорить не хватало. Не закончив разговора, он выскакивал из комнаты или из кухни, и последние слова Ларисы Вячеславовны, такие же монотонные, как и в начале, дослушивали уже только стены.

Тесть Алексея, Александр Наумович, в честь которого и назвали Ропотовы своего первенца, в такие моменты обычно занимал нейтральную позицию. Чаще всего он и вовсе уходил подальше от эпицентра беспокойства: то бывало с газетой выйдет, то с чашечкой чая, но неизменно с ухмылкой и бормоча что-то неразборчивое себе в усы.

Как мужчина, он понимал и принимал логику и аргументы зятя, но открыто его поддерживать Александру Наумовичу мешала вспыльчивость Ропотова, его неумение вести себя в споре и неуважительная манера по отношению к оппоненту, в данном случае, к Ларисе Вячеславовне. Не хотелось отцу

Лены делать своему зятю замечания – наверное, из боязни, что тот на него обидится и будет до конца дней считать своим врагом. Спорить же с Ларисой Вячеславовной Александр Наумович считал пустым, потому как те же самые аргументы на неё уже не действовали, а ругаться с женой из-за кого-то, пусть даже из-за зятя или дочки, он, будучи человеком мягким и бесконфликтным, с тонкой душевной организацией, желания ну совсем не имел.

Так и прожил он свою жизнь, избегая ссор и конфликтов, пока однажды не поругался-таки со своим молодым и заносчивым коллегой на работе. А придя домой, всё переживал, переживал, лёг спать и... уже не проснулся. Вскрытие показало у Александра Наумовича острый инфаркт миокарда.

Вот благодатная смерть, подумает читатель. Так-то оно так, но как же близкие усопшего? Им вот так вот, что называется, на ровном месте потерять родного, ещё полного сил, хоть и не молодого уже человека – страшное горе. Столько планов, надежд и радостей связывали они с покойным. А он взял и умер. А планы – рухнули. Так пусть каждый, мечтая о собственной скоропостижной смерти, без боли и мучений, прежде подумает о своих родных. Ведь муки, которых он избежит, полной чашей придётся испытать им. И чем слаще собственная смерть, тем горче это питьё будет для других.

Но когда ещё скорбь не пришла в их общий дом, а морщин на глазах Ларисы Вячеславовна было гораздо меньше, Ропотов всерьёз рассчитывал, что с переездом в их собственную

с Леной новую квартиру, где им уже не будет мешать тёща, любовная гармония между молодожёнами снова вернётся и обретёт новое, будоражившее его сексуальные фантазии развитие.

Ан нет. Не возникла. И совсем даже не обрела.

Когда Лена была беременна уже Пашей, они переехали в Щукино, неподалёку от прежнего ещё места работы Алексея. Когда же Пашенька, наконец, родился, Лариса Вячеславовна, только что овдовевшая, ушла на пенсию и стала чуть ли не каждый день приезжать к ним домой в Щукино.

Она так и говорила всем своим знакомым и бывшим сослуживцам:

«У меня теперь новая работа – бабушки. С десяти утра до пяти вечера, без выходных. Оплата – «агушами», грязными пелёнками и сопливыми носами».

Удивительная женщина, редкость в наши дни. Но, как это часто случается, обязательно найдется человек, который не оценит то добро, которое для него же и делают.

Если в будние дни Ропотов тёщу не видел, так как приезжал с работы всегда после того, как Лариса Вячеславовна отправлялась восвояси, то в выходные он имел «удовольствие» видеть её до тех пор, пока сам не уходил из дома: или с детьми на прогулку, или в магазин за провизией. Иногда же, где-то раз в месяц, все эти дела совмещались разом в одно: в поездку в Люблино в гости к бабушке с непременно заездом в супермаркет.

Но вот секс никак не улучшался. Лене по-прежнему было не до секса. Особенно после рождения их второго сына. А если и происходили их успешные с Алексеем быстрые случки, делала она уже всё без былого удовольствия, без фантазии и огонька. И Ропотову такой секс тоже перестал приносить удовлетворение. Он дулся на жену, замыкался в себе. Вот тут-то и возникла первая трещина в их отношениях.

Сублимировать своё либидо Ропотов попытался в работе. Он стал гораздо чаще задерживаться, находить себе дела, придумывать задачи. С одной стороны, это благотворно сказалось на его зарплате. Денег стало больше, ипотека сокращалась, и пару раз они даже съездили все на море, в Турцию, – впятером, конечно же, куда ж без тёщи-то.

Но вот только лучше от денег, от моря, от более дорогих и качественных вещей и продуктов они с Леной жить не стали. А Ропотову нужно было чего-то большего. Больше секса: хорошего и разного. Больше самоутверждения.

Именно тогда Ропотов изменил своему прежнему отношению к другим женщинам. Если раньше он их и в упор не замечал, то теперь же просто взял и «открыл глаза». Теперь он стал подолгу засматриваться на молоденьких красивых девушек, на их ножки, попки и волосы, обращать внимание на следящих за собой роскошных «чуть в годах» женщин, на их дорогие наряды и машины, научился улыбаться и делать комплименты привлекательным сослуживицам, продавщицам и официанткам, шутить и заигрывать с девушками

за соседними столиками во время дружеских пивных мальчишников. А такие штуки обычно до добра не доводят.

Ну, а потом уже к ним на фирму устроилась Ольга. И случилось то, что принято называть супружеской изменой, банальным адюльтером. Причем, сам юридический факт измены произошел уже после измены, совершенной в голове Ропотова. Он изменил Лене с Ольгой еще только тогда, когда допустил возможным сам этот факт. Допустил... и не испугался, а целенаправленно стал двигаться к физической измене с Ольгой. Нет, не назло Лене, конечно же. А из удовольствия, из потребности, из интереса, в конце концов.

Да-да, как и каждый изменщик, в начале Ропотов даже не помышлял о том, что заиграется и однажды может оказаться без жены и детей. Связь с Ольгой, как по спирали, увлекала его всё дальше и дальше от исходной точки, всё круче и быстрее стали на ней виражи, всё выше скорость. Пока Лена, с головой ушедшая в детей, не замечала изменений в муже, пока тревожные подозрения не терзали её по ночам, Ропотов отрывался. Получал удовольствие и ни о чём не беспокоился. Подумаешь, увлётся на стороне. Не он первый, не он последний. И это же несерьёзно. И ненадолго. Так, чисто развлечься, утолить сексуальный голод, нерастраченный запал. Он же всё равно останется с детьми, с Леной. Куда он денется от них, и куда – они от него?

Потом уже стал врать; не бросать, где попадая, свой телефон; удалять сообщения и фотографии из любовной пе-

реписки. Ну, а после Лена всё поняла. И даже узнала, кто её соперница. Увидела на фотографии. Причем, не из телефона мужа, а от его друга, Кирсанова. Случайно как-то, в гостях. Увидев на групповой фотографии с очередного дня рождения на фирме новенькую невысокого роста большеглазую брюнетку с короткой прической, и, на миг заглянув той в глаза, она сразу всё поняла. Ведь женщину не проведешь: – она, как известно, сердцем видит.

Осторожно спросила тогда Диму:

– А это кто?

– Где?

– Вот эта... тёмненькая. Не узнаю её что-то...

– А-а, да это Оля, новая сотрудница в моём отделе. Хорошая девчушка, толковая такая, всё не нарадуюсь ей, – искренне выпалил ей в ответ Кирсанов.

И тут же осёкся. Уж он-то знал, как никто другой, что муж Лены неровно дышит к Ольге.

–

Толковая... – повторила за Кирсановым Лена, устремляясь глубоко в свои мысли, переживания и страхи.

А дальше: после почти полугода тайных встреч и бурного разнообразного секса с Ольгой Ропотову пришлось выбирать. Лена тогда пригрозила разводом и отлучением его от детей. Переехать обратно в Люблино, в полупустую после смерти отца квартиру ей труда не составляло. К тому же, она давно собиралась выйти на работу – без дела пылящийся ин-

ститутский диплом и собственная прогрессирующая деквалификация всё время не давали ей покоя. Их же с Ропотовым квартира в случае развода подлежала размену, и оставшиеся платежи по ипотеке повисли бы на нём.

В общем, перед Алексеем Ропотовым впервые замаячила нерадостная перспектива: потерять почти всё и начать жизнь с начала. С чистого листа. И всё это ради чего, спрашивается?

И Ропотов довольно быстро сделал свой выбор. Он стал всё отрицать, клялся, божился, что любит только Лену, что никого другого у него и в помине нет. Ведь никаких доказательств измены мужа на руках у Лены не было. Одни только подозрения, да и только.

Ропотов хорошо помнил произнесённые когда-то давно слова давнего своего товарища, известного в кругу его друзей бабника:

«Старик! Никогда не признавайся в измене. Даже если жена вас застукает голыми в постели, говори, что ничего не было. Ври напропалую, придумывай какие угодно невероятные истории, но ни в коем случае не признавайся. Глядишь, жена поверит. Если ей дорог ваш брак, если есть дети, если никто кроме неё ещё ни о чём не узнал, она скорее убедит себя, что действительно ничего не было, как бы глупо это не казалось со стороны. Потом замолишь прощение, задаришь подарками... Но в дальнейшем будь осторожен: второй раз может не проканать».

Ропотов вынужден был прекратить близкие отношения с Ольгой, хотя далось ему это очень тяжело. Ведь к тому моменту его связывал с ней не только секс. Он по-настоящему привязался к ней. С ней ему было хорошо. Никаких забот и обязательств. С Ольгой он отдыхал душой и телом. Её черты лица, завораживающий голос, мягкая кошачья походка, заразительный смех – всё это нравилось ему в ней и стало по-настоящему дорого. И Ольга, в отличие от Лены, почти во всём с ним соглашалась. Ольга всегда подолгу выслушивала его, какую бы чушь он при этом не говорил. Вот так, бывало, подопрёт голову рукой, устремит на него томный пронзительный взгляд и смотрит, смотрит ему в глаза, ласково улыбаясь. А он всё говорит, говорит, а что – ей и неважно, она и не слушает. Только пожирает его глазами и никак не может поверить своему женскому счастью.

А потом он сказал ей, что между ними всё кончено. Что он больше не может быть с ней. Хочет, но не может. Просил понять его. Говорил о своих детях. О долге моральном и долге материальном: об ипотеке. О будущем. Точнее, о том, что у них с ней его, этого будущего, нет, да и не было никогда, в сущности. Когда он это говорил, то всё время запинаясь, обрывал предложения, ежеминутно подкашливал, вытирал пот, но самое главное: старался на неё не смотреть, особенно в глаза. А она в это время плакала. Так же, как прежде, смотрела на него и сквозь него и плакала. Не говоря ни слова и не вытирая слёз. И как прежде, не вслушивалась в его

слова: слушала, но не слышала. Только улыбка её сказочная куда-то пропала. Надолго пропала.

После того разговора Ропотов стал избегать личного общения с Ольгой: одни только рабочие вопросы, и то, в самом крайнем случае. Всё так же не смотрел ей в глаза. Потому что понимал, что поступил с ней, как... последняя скотина. Сначала запудрил девчонке мозги, «поматросил», а после бросил.

Разрыв с Ольгой не прошел незамеченным для Лены. Видя резкие перемены в своём муже, она постепенно успокоилась. Всё плохое стало забываться. Вернулся и семейный секс. Попрыгав туда-сюда, сделав переоценку ценностей и, по сути, заглянув в самую пропасть, в жерло вулкана, Ропотов стал по-иному относиться к своей жизни и к своей семье. Хорошие отношения с Леной стали для него теперь много важнее, чем хороший секс.

А вот Ольга сразу «как потерялась». Стала приходиться на работу с красными от слёз глазами, подолгу не отвечала на задаваемые ей вопросы, всё «витала в облаках» и больше никогда уже не задерживалась на работе. Потом она сказала Кирсанову, своему непосредственному начальнику, что ищет другую работу, поближе к дому и с бОльшей зарплатой. И вообще, что ей здесь перестало нравиться, и больше она не видит для себя перспектив в фирме Кольцова.

Кирсанов не хотел расставаться с Ольгой, потому как искренне считал её ценным работником. Он принялся всяче-

ски идти ей на встречу: стал подбрасывать премии, перестал журить за опоздания и за мелкие ошибки в работе, отпуская пораньше и даже обещал поговорить с Кольцовым о её повышении или переводе на другое место. Именно в тот момент Ольга сошлась с Арпениной. Надежда Викентьевна, всё прекрасно понимая, взяла Ольгу под свою опеку. Как женщина, она осуждала Ропотова, хоть и приходился он ей прямым начальником, ну, а как мать жалела брошенную им девочку.

Так бы и ушла Ольга из фирмы Кольцова, но найти подходящую работу она так и не смогла: ни возле дома, ни где-либо ещё в Москве. В стране давно свирепствовал экономический кризис, несмотря на все бравурные завиральные заявления властей. Новые компании больше не создавались, а старые постепенно закрывались. Работники же обанкротившихся фирм уходили «в никуда», снижая объемы совокупного потребления и ещё сильнее раскручивая, тем самым, циклический моховик кризиса.

Вот так Ольга и осталась на фирме. Жизнь для неё продолжалась. Жестокая травма, нанесённая Ропотовым, постепенно стала забываться. У неё появились новые увлечения, новые кавалеры и любовники. Страницу же с Ропотовым она перевернула. По крайней мере, так она тогда решила. А уроки, преподанные ей Алексеем, Ольга выучила наизусть: «Никогда больше не встречаться с женатиками» и «Никаких служебных романов» – отныне стали её жизненными принципами.

Глава XXIX

На следующий день, как только стало светать, Ропотов, вооружившись шуруповёртом, парой самых тонких свёрл и, на всякий случай, несколькими разнокалиберными гвоздями и захватив с собой пластмассовый таз и две пустые пятилитровые баклажки, отправился на автостоянку. Но прежде он решил заглянуть в квартиру Спиридонова: ему всё ещё не хватало тары под бензин.

Он поднялся на шестой этаж и удостоверился в том, что дверь в квартиру Спиридонова была закрыта. Но когда он нагнулся, чтобы достать из-под коврика ключ, боковым зрением он увидел, что дверь в соседнюю квартиру была не заперта. Судя по небольшой щели между ней и дверной коробкой, та дверь была только прикрыта. Следов взлома при этом не наблюдалось.

Оставив ключ на его месте под ковриком, Ропотов вытянулся во весь рост, посмотрел по сторонам и осторожно потянул соседскую дверь пальцем на себя, взявшись за выступающее металлическое полотно, обтянутое засаленной искусственной кожей рыжего цвета. Дверь послушно поддалась, а петли слегка закрипели, некстати подав голос. Он ещё раз оглянулся вокруг, и только после этого просунул голову внутрь. В коридоре квартиры было темно, и решительно никого и ничего не видно. Тогда Ропотов постучал по от-

крытой двери. Тишина. Он постучал сильнее. Никто не отзывался. Дурное предчувствие подсказывало ему, что ничего хорошего за этой дверью его не ждёт. Он постоял ещё немного, не решаясь заходить.

Любопытство всё же пересилило. Он тихо зашёл в коридор. Паркетины под его ногами дружно затрещали.

– Есть кто-нибудь? – спросил он достаточно громко.

Никто опять не ответил ему. Он обернулся: позади тоже ничего не изменилось. Он, как и прежде, был здесь совершенно один.

Тогда он, порывшись в кармане, извлёк из него свой фонарик, включил его и осветил вперёд.

Метрах в трёх впереди от него на полу кто-то лежал посреди тёмного пятна. Ну, вот: то, чего он и опасался, – труп. Матершина сама невольно сорвалась с его языка.

Ропотов всё так же осторожно подошел поближе и осветил на тело. Судя по лицу и фигуре, это была грузная пожилая женщина. Она лежала у стены на животе, правая рука её была откинута чуть вверх и в сторону, а левая скрывалась под телом. Женщина была одета в тёплую куртку-пуховик с капюшоном, толстые от нескольких слоев одежды ноги покрывали шерстяные носки. Её средней длины распущенные и спутанные седые волосы, торчавшие из-под тёмной вязаной шапочки, вмёрзлись в уже застывшую лужу крови. Рот и глаза женщины, точнее, тот глаз, что был виден Ропотову, были слегка приоткрыты. Видимых ран и следов поврежде-

ний на теле женщины не было.

«Ножом в сердце», – подумал Ропотов, обратив внимание, что центр лужи приходился в области верхней части туловища.

Следов какой-то борьбы от двери до трупa тоже не наблюдалось. Вероятно, в дверь постучали, и женщина сама её открыла. Это мог быть или кто-то хорошо ей знакомый или...

«Те самые мужики... Гасэн... так, кажется, звали одного из них, – подумал Ропотов, вспомнив неприятный ему вчерашний вечер, – скорее всего, они её обманули. Наверное, представились кем-то там типа еду разносят – вот она им и открыла. Впустила, ну, а они её – ножом. Вот и кровь с тех пор застыла... даже замёрзла», – он дотронулся ногой до почти затвердевшего края лужи.

Ропотов не стал проходить дальше в квартиру убитой соседки, иначе ему пришлось бы полностью наступать в кровь, всё ещё липкую местами. Он направил фонарик вперед: дальше в коридор и в открывающийся в проёме вид на комнату, и окинул всё внимательным взглядом.

То, что он увидел, утвердило его в мысли, что соседку убили из корысти. В коридоре был раскрыт шкаф-купе. Обувь, в основном, туфли, а также лёгкая одежда, полотенца и постельное бельё: всё это валялось вместе с раскрытыми обувными коробками на полу. В комнате было тоже всё перевернуто и беспорядочно разбросано. Сервант и шифоньер стояли распахнутыми настежь, одежда, посуда и книги из них

были сброшены на пол. Посуда была преимущественно разбита. Пустые перевёрнутые ящики из шкафов лежали тут же, на куче рассыпанных листов бумаги, фотографий, тряпок, какой-то фурнитуры и пуговиц. Здесь же на полу беспорядочно лежали несколько открытых пустых шкатулок и коробок, крышки от них, какая-то ещё мелочёвка.

«Искали всё ценное: драгоценности, украшения, деньги, – решил Ропотов. – Бедная женщина. И зачем её им нужно было убивать? Неужели она бы им сама всё не отдала? Вот ведь душегубы проклятые».

Он развернулся и поспешно вышел прочь из квартиры. Постоял немного на лестничной клетке, вытер рукавом пот со лба, поправил на голове шапку. Руки немного дрожали. Он вдохнул побольше воздуха в грудь, ненадолго задержал дыхание и медленно выдохнул перед собой. Белые пары тёплого воздуха, завораживающе переливаясь клубами и расширяясь в объеме, устремились вперёд и вверх. За какие-то несколько секунд, пока они не исчезли совсем, Ропотов смотрел на них, наслаждаясь незамысловатой красотой обычного природного явления, участником, вернее даже, источником которого он был. Потом повторил всё ещё и ещё раз.

«Как скоротечен момент. Только что это было настоящее облако. Всего лишь миг – и от него не осталось и следа... Вот и ещё вчера за этой дверью жила женщина. А уже сегодня она лежит в своей же крови на полу. А пару дней назад у

неё за стенкой жил сосед Спиридонов, книжки читал. Хоп – и его не стало. А каких-то три-четыре недели назад я сам сидел на работе за компьютером и строил планы на жизнь... Теперь всё это – прошлое. Только воспоминания как глупое растаявшее облако пара».

Он вдруг вспомнил суровые шерстяные носки на ногах соседки. Они не были тронуты кровью, и было, право, глупо оставлять их здесь. Ей они уже больше не пригодятся, то ли дело – Лене. Лена постоянно все эти дни жаловалась ему на свои холодные, никак не желавшие согреться ноги. Что, если забрать, вернее, снять их с мёртвой женщины и отдать Лене? Ей и говорить он об этом не будет. Скажет, что в квартире Спиридонова нашёл.

Ропотов вернулся в квартиру, пока никто сюда не заявился. Склонился над женским трупом. Быстро снять носки не получилось. Замёрзшие руки предательски дрожали. Когда он почти стянул первый носок, ему вдруг показалось, что женщина ожила и сейчас повернётся на него и закричит. От этой неожиданной мысли, а также от скопившегося напряжения в своих руках и ногах он не удержался на корточках и упал колесом на спину. Носок отлетел куда-то в сторону.

Поднявшись, покряхтев немного и разыскав первый носок, он взялся за другой. В сторону головы мёртвой женщины он уже не смотрел. Второй носок ему дался значительно быстрее.

Затворив до упора за собой дверь так аккуратно, чтобы,

на всякий случай, не оставить отпечатков пальцев, Ропотов повернулся к соседней двери: уже хорошо знакомой ему двери Никитича. Новые шерстяные носки между тем надёжно расположились у него за пазухой.

Вот и коридор Никитича. Здесь на полу они сидели вдвоём, обсуждали последние новости. Ропотов проследовал дальше в пустую тёмную квартиру. Заглянул в ванную комнату, затем на кухню. То, что ему было нужно: пластмассовый бельевой таз и большую кастрюлю – не пришлось долго искать. Глубокий и широкий круглый таз располагался на самом дне акриловой ванны, а кастрюля сразу же показала ему, как только он открыл нижний шкафчик на кухне. Здесь же, в соседнем от первого шкафчика Ропотов обнаружил большой полиэтиленовый пакет, заботливо сложенный хозяином аж в три раза.

Положив в пакет таз, а уже в него кастрюлю, Ропотов поспешил поскорее покинуть квартиру Спиридонова. Ему предстояло ещё одно важное дело: перелить бензин из одной машины в другую.

Глава XXX

Оглядывая ещё раз коридор, Ропотов машинально открыл за ручку входную дверь квартиры, сделал шаг вперёд на лестничную клетку и только потом повернул вперёд голову.

Сразу же за дверью стоял и смотрел прямо на него ка-

кой-то мужчина, видимо, в эту же минуту сюда подошедший. От неожиданности Ропотов чуть не вскрикнул и отскочил немного назад. Ноги его подкосились, а сердце учащенно забилось.

– Вы кто? – беззвучно из-за пересохшего внезапно горла произнёс Ропотов.

– Да это я тябя хотел спросить: кто ты такой и чяго тут делаешь?

Изо рта незнакомца резко пахнуло луком. Он прямо весь ощетинился, на его скулах заиграли желваки, а кулаки сжались. Того и гляди, он готов был броситься на Ропотова.

– Я... я – сосед Никитича, – Ропотов сделал усилие над собой, сглотнул слюну. – Я тут живу, на третьем, внизу.

Незнакомец с южнорусским говором немного расслабился и внимательно оглядел Ропотова сверху вниз.

– Ну, допустим... А здесь тада чяго колготишьси², а? Заблудилси малёк?

– Я... зашёл вот... к Никитичу: он мне ключ свой оставил, – с этими словами Ропотов протянул в сторону незнакомца ключ от квартиры Спиридонова, как бы предлагая тому убедиться в подтверждении своих слов.

Ропотов прекрасно понимал всю дурацкость своего положения. Вышел из чужой квартиры, с чужими вещами и ключом от двери. Хозяин квартиры лежит мёртвый на кровати. Друг друга знали они без году неделю, свидетелей их знаком-

---

² Колготиться – суетиться.

ства вообще нет, никто и не подтвердит. А тут ещё вдобавок в соседней квартире – убитая женщина в крови на полу лежит, а носки с её ног – у него за пазухой. Вот ведь засада! Чёрт дёрнул их с неё снять... И кто вообще этот тип напротив, который сейчас задаёт ему вопросы, явно подозревая в чём-то недобром?

Сердце его продолжало яростно колотиться в груди.

«Может, он из полиции? – Ропотов стал теряться в догадках. – Да нет, не похож, вроде... А может, бандит, один из тех?»

Перед ним стоял худой, долговязый, чуть сутулый мужчина, на вид лет сорока-сорока пяти, одетый в тёмно-синий с оранжевыми вставками ватник и такого же цвета штаны. Из карманов ватника торчали наспех заткнутые туда толстые рукавицы. Голова его была покрыта шапкой-ушанкой с не до конца опущенными на затылок, но продолжавшими оставаться связанными между собой ушами. Из-под шапки выглядывали тёмные с проседью курчавые волосы. На ногах незнакомца были огромного размера дешёвые кожаные почти чёрного цвета сапоги грубого покроя. Серое лицо его покрывала частая чёрная щетина. Большие грубые руки, такие же простоватые черты лица и тяжёлый, но какой-то пустой, бессмысленный взгляд выдавали в нём работника явно не умственного труда, а запавшие глаза и проступившие складки пожелтевшей кожи свидетельствовали о физическом истощении и недоедании.

– А ручки-та у тебя дрожать... сосед, – незнакомец как-то недобро ухмыльнулся, продолжая сверлить Ропотова своим взглядом.

Ропотов взглянул на протянутую им в сторону мужчины свою руку – она действительно дрожала – и тут же стыдливо убрал её за спину.

– А-а... Я, кажется, понимаю. Вы, наверное, из ЖЭКа? Сергей, так ведь? Сварщик? – внезапно Ропотова осенило. – Никитич мне о Вас рассказывал.

– Ну да... он самый, – незнакомец недоумённо посмотрел на Ропотова, лицо его вытянулось, и что-то как будто отлегло у него на душе. – Тык я, это... проведать Някитича пришёл. Жавой он там? – лицо его ожило, и на нем проступила некое подобие улыбки. Сергей быстро заглянул позади Ропотова в тёмную мглу коридора, голова его при этом чуть сдвинулась в сторону и, не обнаружив там ничего, кроме темноты, вернула глаза, а заодно и себя саму обратно, прямо на Ропотова.

– Сергей... знаете... Никитич... он... умер. Два дня как, – скорбным и уже почти успокоившимся голосом произнёс Ропотов, опустив глаза в пол. – Вот ключ от двери мне оставил, сказал, что я могу брать его вещи. Ну, я сейчас и взял, что мне нужно было: таз вот и кастрюлю, – продолжал он, уже поднимая глаза на Сергея.

Сварщик Серёга, как называл его Спиридонов, посмотрел вниз на пакет у ног Ропотова, в котором просматривались очертания большого круглого таза, а потом – оценивающе –

в глаза Алексея. Ему показалось, что тот говорит правду.

– Опоздалси, значиться, – промолвил он с досадой. – Да, хороший мужик Някитич был. Жалко яго, – Серёга сделал шаг назад и, крикнув, стал опускаться на бетонную ступеньку лестничного марша. По всему было видно, что весть о смерти Спиридонова его сильно огорчила.

– Хотите посмотреть? – спросил Ропотов. – Он в своей комнате лежит, я ему глаза закрыл и накрыл покрывалом. Могу проводить.

– Да не, зачем? Чяго там смотреть-то? Я уж, ядрён-ть, на-смотрелся на мяртвяков этих, на всю оставшуюся жизнь на-смотрелси... Слышь, сосед, а могить, у тебя и курить есть? – с надеждой в голосе обратился к Ропотову Серёга.

Ропотов пожал плечами:

– Откуда? Да и не курю я.

– Ну, да, – в задумчивости произнёс Серёга. – Эх, Някитьч, Някитьч!

Полностью оправившись от страха, Ропотов даже обрадовался сейчас: ему теперь хотя бы есть с кем поговорить, да и вообще, похоже, что на этого Серёгу можно рассчитывать в случае чего.

– Послушайте... может, мы тогда на «ты»? – обратился к собеседнику Ропотов.

– А? – Серёга встрепенулся, выходя из задумчивости. – Валяй! Мы – люди ня гордые, – снисходительно качнул он головой.

– Сергей, слушай... Ты это... Как ты выживаешь-то сейчас? Чем питаешься?.. У меня вот дети – двое – и жена. Мы еле-еле тянем. Без еды, без тепла. Того и гляди... коньки отбросим.

– А ты самого-то как зовут, сосед?

– Алексей.

– Ха! Лёха, значить... Эх Лёх, Лёха... мне тоже... – тут Серёга выдал сложную комбинацию нецензурных слов впере-мешку со связывающими их предлогами и союзами, пытаюсь тем самым подобрать правильный синоним к слову «плохо», в свою очередь, рифмуящемуся с упрощенной им так за-просто формой имени собеседника. По легкомысленному за-мыслу Серёги, комбинация эта должна была свидетельство-вать о его собственном неблагополучном положении в на-стоящий момент. Ропотову же из всего этого стало понят-но также и то, что духом Серёга ещё окончательно не упал, несмотря ни на что.

– А живёшь ты где?

– Где, где, мля... в Караганде, ёпть, – ответив так, Серёга подумал, что он опять очень удачно сострил.

Поставленный в тупик Ропотов даже не и знал, как ему поступить в свою очередь. Этот хамоватый, всё время гёка-ющий, якающий и без усталости матерящийся тип не оставлял ему никакого другого выхода, кроме как ожидать, когда то-му, наконец, надоест куражиться.

По первому выводу Ропотова, Серёга явно относился к

той категории неуверенных в себе людей низкого социально-го слоя, которые, при знакомстве с людьми, бывшими выше их по культурному или материальному положению, эту разницу в уровне старались сразу же преодолеть. От чего и вели себя так по-хамски, панибратски. Эта была их, своего рода, природная защитная реакция. Всё равно, что пёстрая раскраска бабочки «Павлиний глаз» или устрашающая поза жабы или богомола. В действительности, стоило только поближе с ними познакомиться, как оказывалось, это были вполне себе обычные люди, со своими страхами и комплексами.

За время этой короткой паузы Серёга и сам понял, что он несколько переборщил с шутками и рифмами:

– В подвале я кантуюси. Чярез два дому отсюдава.

– Это там, где наш ЖЭК, что ли? – сразу же вернулся к разговору Ропотов.

– Ага. Тамась.

– В подвале-то, наверное, теплее?

– Тю! – оживился лицом Серёга. – С каких это хренов собачевых тама тяплее? – уставился он на Ропотова.

Алексей опять впал в ступор, не зная, как и чем тому ответить.

– Колотун такой же, как и вязде, на, – продолжал Серёга. Кабы не я, совсем помёрли бы с холодуги.

– А зачем тогда в подвале?

– Ха! А кто ж это мне, милый, квартиру-то выдать? Это вам, москвичам, тута хорошо. Вы у сябя дому, чай. А

я сюда из голодного волчьего края, мля, два году уж как приехалси. На заработки, ядрён-ть. За деньгой за длинною.

– Это откуда же... из волчьего?

– Даляко, от сюды не видать, ёпть... Тамбов, милый... Тамошня мы. Моршанский район, на, посёлок Большая Кашма... слышал такая? – произнёс Серёга.

Была в этих его словах, хоть и гордо, хоть и громко и чётко произнесённых, не то тоска по своей малой Родине, не то стыд за неё. Да и что удивляться: все, кому говорил он здесь о своём родном посёлке, не то что бы не слышали никогда о нём, но, напротив, название тех мест пробуждало у них только смех, глупые шутки-прибаутки да сочувствие. А у него – у Серёги – потом долго после этого во рту стояла одна только горечь.

– Не слышал, – вполне себе серьёзно ответил Ропотов, и произнёс следом, – так ты, тамбовский волк, получается?

– Хе-хе, да уж, волк... только волкам тамбовским жрать уже давно там нечяго, вот и подалиси эти волки, кто куда. Кто – в соседнюю Воронежу, кто – в Бялгородчину, кто – на Кубань – тама, шо ни говори, тяпло, тама и до морю рукой подати. Полно наших у Питер едут, ну а в основном усе, как я, вот, сюда, в Москву. Москва – она большая, мля, места усем здесь до хрена!

– Так ты в ЖЭКе и работаешь? Сварщиком?

– Угу. Сварщиком, мля! Сварить супу только сячас сябе ня могу – не из чяго. – Серёга запрокинул вверх голову и с

шумом выпустил воздух из лёгких, отчего получилось что-то наподобие глухого смеха да клубы расходящегося в стороны пара.

Он продолжал:

– Нас там четверо в коморке, в подвале у этом сяйчас живётъ: я и ещё троё... чурбанов узкоглазых... Они ничяго не умеють, мля, кроме как на рогачах³ быть, токась лопатыми да ломáми махати. И по-нашему почти не гутарять, мля... Спати ложуси, сука, и не знам, проснуси я завтра, аль зарежутъ мяня ночью.

– Да ты чё?

– Чё-чё, через плечо, ёпть... Они ж, сука, заодно все, их трое, а я один... Мне как сварщику дяньгов больше полагаси, и халтура завсягдась есть. А этим – так, грóши одни платять, да и то – вяртай потом взад половину. Вот и завидовались они мне всегда, суки. Лопочуться, мля, по-своёму, лыбяться, а я-то понимаю, шо про меня худая говорить, ёпть... А сяйчас – вона как – волчье время пряшло. Кажный на другого волком глядить. Кто первым моргнётъ, того – хопá – и слопають... Эх, сяйчас бы домой, у посёлок наш. У домý-то у нас печка тёпла... Да у нас и с голодухи ты ня по-мрётъ ня в раз. Жратвы завсягда до хрянищи! Картохи одной, почятай, двадцать мяшков на зúму. И это тока сябе, на прокорм и в землю садить... А ящё морква, свекла, репа, капуста... Всё мне дом родной сниться да мамка моя у нём...

---

³ На рогачах – делать чёрную работу.

Эх, Лёх, Лёха!

– Так, может, давай я тебе ключ от Никитича квартиры отдам, и живи здесь, пока всё не успокоится, – предложил Ропотов.

– Ключ?.. Ну, давай ключ, – быстро согласился Серёга, интуитивно следуя пословице из его детства: «Бьют – беги, дают – бери».

Ропотов протянул ключ. Серёга также быстро убрал его в карман брюк.

– А семья что? У тебя там осталась, в Тамбове?

– В Тамбове-то? Да, осталась. Мамка старья, больная, да сяструха с двумя чикунами⁴ – они там усе вместе и живут, в одном дому́.

– А жена, дети? Есть?

– Жана... жана, мля, быласи, да сплыласи. Пока я тама в сязо на шконке парилси, она, сука, со мной развеласи, мля, и к другому сбёгла. И дочку с собой забрала. Двенадцать Нюрке моей ужо... Не! Двенадцать это давеча было́. Тринадцать, значиться, уже, о! В октябре, значить, сполнилось, Нюрке-то моей, да... В Краснодаре сяйчас они. Тама живут тяперича с новым папкою, мля. А мужик тот... пидр залётный... я ягó даже не вядал ня разу. А повядал бы, убил, суку... И когда она, тварь, тока успела-то с им?

– Так ты сидел?

Серёга пристально посмотрел на Ропотова:

---

⁴ Чикун – племянник.

– А чё... зассалси? – он при этом прищурился, слегка выставил вперёд нижнюю челюсть и немного оскалил зубы. И тут же заржал во весь голос, как конь. – Не бойсь, ёпть, Лёха, не сядел я, мля. Соскочилси... Да просто не было у них на Клёпова Сярёгу нячяго! – он широко развёл руки. – Паровозом пошёлси, на. За коряшом⁵ своим. А коряш мой – вместе с им в школе училиси – да я ягó делов вообще не касалси. Мне насрать! Бухали мы с ним тока вместе, да и то редко в посленне время... Его Лёхой, кстати, как тябя, звали-то. Ха! Зашибись, мля... Ну, вязуха мне на Лёх!.. А Лёха мой – красава, ёпть, он ларёк, слышь, грабанул и мне, сучара, потом товар на хазу притаринил, прикинь, да? Подстава, на, реальна подстава! Типа, пуся у тябя тута поляжить. Туды-сюды, мямлить, сука, стал что-то про бабу про евойную, шо она, типа, если найдётъ, на, то яму, могить, потом хана буить. Ну, я, дурак, и оставил, на, у сябя. Ключ яму, прякинь, от сараю сваго дал. Сам. Слышь? Ваще!.. А он тудысь усё это барахло краденая и запхал, мля, тока бяз мяня уже. Мне бы... мне бы тадысь голову-то включить свою, а я, дурак, спяшил кудысь тама, уж и ня помню кудысь... Ну а посля пряшли... эти... до мяня... На следующий день и пряшли, взяли под бёлы рúчяньки. Тут-то я и просёк, что Лёха... подстава, сука! Ну, и – в сязо мяня, мля... Мамка слягласи сразу... а Маринка, баба моя, сука – та с возу сразу геть... Это ящё хорошо, что Лёха им на мяня расколотьси не успел. Раскололси бы!

---

⁵ Кореш – друг.

Верняк, что раскололи б они его, суки... Но менты ягó, там видать, это, перяжали, мля, вот он и того – откинулси раньше времени... в дрявянный, ядрён-ть, ящик, ха!.. А я чяго, мля? Я – в отказ, на. В нязознанку, ёпть. Да так оно и былó! Я ваще ня при дялах! А у них, этих пидров, на мяня нячяго больше и не было. Не бы-ло! А у мяня чо? У мяня алиби, ёптя. Святетели там, усё пучком, усё, как полагаяться, чин чинарём!.. Вот они усё на няго и повесяли, на Лёху-то ма-во. А мяня, ёпть, – на свободу, с чистой, как гутарять, совестью... Вот такóва им, мля! Не хотели? – с этими словами Серёга соорил страшную рожу и сделал двумя руками резкий неприличный локтевой жест.

«Да, тот ещё тип», – подумал Ропотов.

– Ну и сколько же ты в СИЗО пробыл?

– В прядварилоуке-то?.. Да, почятай с полгода колготилси я тама, – он слегка откинул назад спину и широко улыбнулся, так, что Ропотов успел разглядеть, что у Серёги во рту не хватает нескольких зубов. – Народец тама, я тябе скажу... ха! Кого, мля, тама тока нету, будьте нате! Всякие сядять, на. Кто – под дурика, как я, кто – как Лёха мой, хапужники-ворюжники, а кто – конкретныя живодёры-душегубцы. Но ты не поверяшь – някто, някто из их сябе виновным не щятал. Усе божаться, клянуться, пяткою в грудь сябя быють, шо ни при дялах, на. Шо это усё злой начальник, на, сука, им срок шьёти, а сябе – звёздочку на погону. Ха!

– А чем ты питаешься сейчас? – резко перевёл тему Ропо-

тов, не желая углубляться в глубоко презираемую им бластную романтику.

– Да чем питаюси? Да тем, шо Бог пошлёт, Лёха, тем и питаюси. Я ж с последней своей ходки с домú прывёз мяшок картохи да сетку большу луку, килограммов на двадцать так с гаком. Аккурат перед жопой этой усей со светом тута. Вот этим всем и питаюси... Чурбаны мои... они кошек и собак всех в округе пярэловили, пяркинй... На моей картохе плов из их и дялають, ха! Вот это и ядим. Ты знашь, они, азияты эти местные, они, как тараканы, ей Богу: усе кругом сдохнуть, а они выживуть. И мороз им ня по чём, и голодуха... Слышь, – Серёга перешёл на шепот, – а дней десять назад они начальника нашего поряшили. Зарезали, пяркинй, да? Один из них мне тут как-то чутка сгутарил про то... Зуб даю!

– Как зарезали?

Серёга посмотрел на Ропотова, как на дурака:

– Алиментарно, Ватсон! Ножом по горлу, – Серёга показал рукой на себе – ёпть, как барана, как кошку, мля. Им, чуркам, это как два пальца обоссать, ёпть. Как нам – курьцу аль кóчета⁶... Вспомнили тока они ямú перед этим, как он грóшами их заставлял с им дялиться, как в пургу и дождь работать гнал без перерыву, как на даче яго за спасибу они тама вкальвали. Как мянтами он им грозил, депортанцией, чуть вякнут есля. Сначала они дяньгú получали по дóговору, по ведомости, все дела... а посля ямú же половину и отдава-

---

⁶ Кóчет – петух.

ли... Поиздывались они над ним всласть, помучили, а потом юшку-то⁷ из няго и выпустили... И по делом яму, жлобяре, крохобору. Даром, шо наш, русский был, а так – совсем и ня жалко ягó. И шо толку, Лёха, шо он русский? Ежали ты совсем ссучилси, оскотинилси, ежали для тябя тока деньги, деньги, тока дай, дай... а людёв ты за мусор считаешь, то ты уже и ня русский никакой, ты уже – говно. Ну, так и пропадай же, сука, проподом, гнида подлая!

На лестничной клетке воцарилась тишина.

Переведя дух, Ропотов, наконец, продолжил:

– Серёга, так они и тебя так же зарезать могут. Как его. Да, просто, чтоб едой с тобой не делиться.

– Да то-то и оно, шо могут. Знаю... Они и мяня на плов пустить могут, с них станетьси... Что я есть тока буду, Лёха, тады, кады уйду от них? Лук ведь и картоху мою они мне вот так просто не дадут забрать. Да и мясу, не хай собачатину аль кошатину, мне уже не пожрать бяз них.

А в мясе – сила, Лёха.

– Ну так жизнь же дороже, – не унимался Ропотов.

– Да какая же это жизнь, без жратвы, братуха? Я же сдохну, мля, без жрачки и буду тут с Някитчем рядком ляжати. Ты чяго, Лёх? Не-е...

Ропотов задумался. С трудом он выдавил из себя:

– Ну, хорошо, давай тогда вместе с тобой ходим, пускай они отдают тебе хотя бы твою долю лука и картошки.

---

⁷ Юшка – кровь.

Двоих они, может, и не тронут, побоятся?

Серёга уставился на Ропотова. Он явно такого не ожидал от этого рафинированного московского интеллигента, который только сегодня первый раз увидел его самого и услышал про его родную Большую Кашму.

– Да ладно! Ты? Со мною?.. И не засышьси?.. – Серёга вытянулся в лице и приоткрыл рот от удивления.

– Я же сказал... Вот только вещи свои здесь оставлю.

– На хренаси тока тябе это, ня пойму я... Ну ты, мля, даёшь, кóряш, – Серёга рассмеялся. – Вязёт же мне на Лёх, ядрён-ть!

– Ты только потом помоги мне, ладно?

– Да уж за мной-то не заржавеать... Но смори тока, Лё-ха, ня подставь мяня. Я в тюрягу больше не ходок. И под пулю тоже не шибко жаланья имею.

– Не бойся, не подставлю. Просто я уехать хочу отсюда и своих забрать. Думаю, без помощи я не справлюсь, – произнёс Ропотов, не зная до конца, может ли он доверять этому типу. Открыться, что у него на стоянке машина, а то даже и две, а дома, кроме этого, продуктов на полнедели, это было бы слишком. Пока не следовало Серёге знать всё об этом. Но, с другой стороны, как ты умолчишь? Сказавши «а», будь готов произнести и «б».

Серёга сразу как-то изменился в лице, покачал головой и, прищёлкнув языком, спросил:

– Так у тя, чё, Лёха, и тачка имеаться?

Ропотов кивнул, не спуская с Серёги глаз. Если он в нём ошибся, то выражение лица, первые слова, интонация Серёги могли бы выдать в нём коварство. Именно этот момент – момент истины – был так важен для Ропотова.

– Тачка.., – Серёга снова качнул головой, а губы сложил уточкой. – Усё-то у вас есть, у москвичёв... Эх, была б у мяня тачка, я бы тут ня сидел сидьям, давно бы домой ходью⁸ дал... Да вот тока, мля, я и не водил-та никадася. Ня машины, ня прав у мяня и не было. Прякинь, да? Тридцать семь годóв прожилси, а водить так и ня научилси... Помню, на соседском запоре – у дядь Миши в саду стоялси, ушастый такой, хе! – как-то раз попробовалси, так чуть не угробил ягó. В яблоню въехалси, прякинь? Фару яму усю на хрен снёс... ха... Дядь Миша тадысь мяня, пацана зялёного, молокососа криворукого чуть не убил... Да чё там, денегов никогда на тачку не было. Батя мой, он тоже не водил, но деньги у няго были, а на тачку – ня давал. Сколько я ягó просил: бать, давай купим, а? А он – ни в какую: кудысь на ней ездить-та? Да и зачем она нам усраласи... Тябе бы тока девок бесстыжных на нею катати. Не дам, говорить, и усё... А потом помер он быстро... Бухлом левым, палёнкой грёбаной отравилси и помер. Их трое тады пилó, мужиков-то, – усе и помярлú. Даа, молодой ящё совсем был, батя-то мой. Я тадысь с армии хоронить яго приезжалси. Эх, а мамка-то как убиваласи по яму... Ну, а сяйчас она вообще сляглась. Как вот за мной

---

⁸ Хóдью – пешком; быстро; ходом.

тадысь пришлиси, так она и сляглась.

Серёга сложил ладони в замок, а локти опустил себе на колени для упора и стал беспрерывно покачивать верхней частью туловища: вперёд-назад, вперёд-назад. Пустые увлажнившиеся его глаза при этом смотрели куда-то сквозь кафельный пол на лестничной клетке.

– Отец у тебя, наверное, метиловым спиртом отравился, он на вкус – не отличишь от обычного, этилового. Если его совсем мало выпить, то жив ещё останешься, а вот зрение совсем потеряешь, ослепнешь, – заключил Ропотов.

Серёга продолжал качаться, с силой выдувая воздух.

Потом он потрянул головой и продолжил:

– Ну, а кадысь я апосля армии на «Химмаш» работать пошёл, тадысь тока деньгá у меня завеласи, – он широко улыбнулся всеми оставшимися у него во рту зубами и искоса посмотрел на Ропотова взглядом довольного жизнью человека. – Но недолго, мля, я шикавалси, – радость на лице Сёреги быстро сменилась задумчивой грустью. – Я всё думал, сыйчас на тачку скоплюси – тыщёв сто хватило бы. Я даже прясмотрел сябе одну: аудюха такая зачётная была, всяго-то шестнадцать годóв ей былó. Сотка. Бочка. Движок – двушка, тока апосля капремонту, считай, как новыя. А с тяперешнями тачками – не сравнить даже, тю! – Серёга скривил физиономию. – Это сыйчас одно говно делают. А та была – вещь! Сносу ей нету... Я даже с хозяином стрячалси, гутарили мы с им, сторговал у няго пятнаху. Ну, не пятнаху, там, десят-

ку. Прякинть... Но куды тама, мля! Как с Маринкою своей закрутил, всё бабло на неё стало уходить... Да-а... Аудюха! Зачётная была тачка. – Серёга прищелкнул языком и поморщился. – Сярябристая, цвет мяталлик, тонированья стёклы, спортивный руль, салон – кожа, и этот, как ягó... гидросилитель руля, о! Вот взял бы её тадысь, а потома бы уже права справил... А тут она Нюркой забяремянела, Маринка-то моя. Аборт делать не захотела, да и я, знашь, тоже протів этих делов-то. Не полюдски это как-то, грешно... Ну, а потом пошло-поехало: давай поженимси, свадьбу хочу, шоб у ляльки батька был, шоб у нас как людёв, туды-сюды, усё было, усех позовём, столовку сымим, девки усе с зависти поддохнуть... Ну, я, дурак, долгов-то и набралси под самую под завязку. Поди, ещё три году апосля свадьбы этой, будь она неладна, пацанам своим отдавал, ёпть. Рублёв под сто, так и вышло, прикинть, ну, в смысле, тыщев... Вот табе и тачка лыбнуласи мне. Всеми фарами сваймя... А тама, слышь, одних тока ейных родственников – сорок с лишним душ понаехало. Свалилиси, мля, на мою голову, не запылилися. Прикинть, моих – пятнадцать всяго, а её – сорок пять или, там, сорок семь, уже и ня помню, ядрён-ть!.. Это скока?.. Это получается, в три разá больше, ё-моё!.. Ну, а потом: кровать-хяратка, пялёнки-распашонки, подгузники-уюзьники эти... коляска-уяска, мяникюр-пядикюр, мля, по-ля-тела! А ведь ни дня же, сука, сама не работала... И почём она, копечка трудовая, – ей до трынды до ягипетской... Эх, и дурак

же я был!.. А она чё? Она молодец, ёпть: рябёночка высрала, села, мля, мне на шею, ножки свесяла и болтат ими. Ну, а посла, сука, и вовсе – арагатила меня и свалила с кренделем своим. Мамка моя, это... ляжить, никакая, мне, ёпть, срок нехилый светить, мля, я, ёпть, там на нарах парюси, а ей, сука, насрать: усем привет, мля, чао!.. Все они, Лёха, бабы, одинаковыя. Нет подлее существа, чем баба, я так считаю... А ты-то чё думаешь? У самого, нябось, баба такаже? – Серёга залился глупым, дегенеративным смехом: таким, каким обычно смеются человеческие существа с одной извилиной в мозгу. А когда смеются, то от этого заводятся ещё больше, потому как собственный смех – одни только звуки его доставляют им неопишуемую радость.

Ропотов молча смотрел на Серёгу, «переваривал».

– Ладно, харэ с этой лирикой, погутарили, – ни с того ни с сего вдруг решил закончить свои откровения Серёга.

Он встал и полез в карман брюк:

– Ну, чё, пошли, кóряш, ёпть, если не перядумал. На, вот ты ключ, сам замыкай ягó, апосля как-нить отдашь.

Ропотов быстро закрыл дверь и убрал ключ. Шуруповёрт и тара под бензин остались там, за дверью.

«Вот ведь экземпляр попался. Редкий. Фолиант... И всё-таки придётся мне ему довериться. Вроде, как ни крути, он честный малый», – окончательно определился с выбором Ропотов.

Они вместе спустились по лестнице и вышли на улицу.

Проходя третий этаж мимо двери своей квартиры, Ропотов тоскливо посмотрел на неё и подумал:

«Доведётся ли вернуться мне сюда живым? И не знаю даже».

Глава XXXI

Вход в подвал был основательно заметён снегом. Снег слежался и сделался почти как камень. Посреди него узкой петляющей полоской вниз по ступенькам шла протоптанная кем-то дорожка.

Первым по ней стал спускаться Серёга. Поскользнувшись и пролетев пару-тройку ступенек, он едва удержался на ногах. Затем громко выругался и, нащупав твердую площадку, немедленно обернулся назад в пол-оборота, поднял вверх голову на Ропотова и попросил того быть осторожным.

Чтобы не задеть головой о низкий свод проёма, Серёга привычно нагнулся и плечом толкнул массивную железную дверь, ведущую в подвал. Дверь оказалась незапертой и, несмотря на всю свою видимую массивность, легко подалась вперёд. Ропотов, оглянувшись назад и убедившись в том, что позади их никого не было, с осторожностью завершил спуск и последовал в подвал следом за Серёгой. Не обратив внимания на низко расположенный вход и не пригнувшись как следует, он здорово саданулся головой. От несильного, но в то же время неожиданного удара у Ропотова соскочила и

упала наземь шапка, в глазах на миг потемнело, и перед ним явственно замелькали звёздочки.

– Ай... твою мать! – Ропотов схватился за ушибленный лоб рукой и сильно зажмурился, от чего звёздочки не пропали, но, напротив, стали ярче и их стало заметно больше.

– Ты чяго, стуканулси? – спросил Серёга из темноты. – Я тут по пярвости тоже лоб сябе бил полно раз. Теперь, ха, учёный стал, ёпть, нагибаюси всегдась.

«Ну вот, ещё и лоб расшиб, – подумал Ропотов, потом поднёс ладонь от лба к глазам, – хоть крови нет, и то ладно».

Ещё когда они только шли вдвоём по пустынным заснеженным дворам, Ропотов всё думал, правильно ли он поступил, что связался с этим совсем незнакомым и совершенно несимпатичным ему человеком, предложил ему свою помощь, раскрыл перед ним карты.

«Да, хорошо было выступить: давай вместе пойдём. Храбрец, нечего сказать, – размышлял про себя Ропотов. – а что, если это ловушка, и этот Серёга заодно с теми, другими? Вот сейчас он меня заманит в подвал, а потом они там всю душу из меня и вытрясут».

«Да нет, не может быть! – успокаивал он себя. – Никитич бы его не подпустил к себе, ежели Серёга подлым человеком был. Уж Никитич бы не дал себя одурачить».

«Ну, хорошо, пусть он не враг мне, но зачем мне это нужно: рисковать ради него? Их же там трое ещё, он говорит. И они все сильные, двужильные, несмотря на то, что наверня-

ка хилые на вид, как все эти дворники. Сейчас вот зайдём с ним в подвал и уже оттуда не выйдем... Ещё и на плов нас определяют. И ради чего, спрашивается? Что я сам, не справился бы с этим бензином и с погрузкой вещей в машину? И Лена бы помогла, она же сказала», – терзался он в своих сомнениях.

– Скажи, Сергей... а ты правда в центре был, на Тверской, когда там людей расстреливали? Мне Никитич сказал», – спросил он ещё до подвала на ходу Серёгу, когда неожиданно вспомнил свой последний со Спиридоновым разговор.

– Лёха, пипец! Я оттудава еле ноги унёс. Мля, это жесть была! Ты сябе не прядставляешь. Я с армии стока пальбы не слышал. Народ побяжал, меня подхватиласи. Усе оруть кругом, визжать, мля. Шум этот от машин этих, мля, это вообще шо-то с щем-то, это как будто тябе уши дрэлюю высвярливают. А ещё вспышки эти – таки яркия, аж глаза на лоб лезуть. Закрываешь их, а всё равно светло, как днём. Открываешь – наоборот, ничяго уже не видишь, ёпть. Осляпило, понял, да? Конкретно так осляпило. Моргаю, моргаю, а хрен тябе: в глазах всё бяло́, как будто мордою в снег по пьяни... Кругом стряльба, мля, крики, стоны. Трассирующими, суки, лупили по людям, по толпе. Шоб, значить, страшнее, мля, понял... Все оруть. Кругом меня па́дати стали: кто со страху, кто с пули. Пипец!.. Я сам упал на когой-то, а поверхь на меня ещё навалилиси. Ну, думаю, усё, кранты, ща задавать вусмерть. А сам пошявелиться боюси и голову́ высунуть тож:

пули святятъ повсюду, о землю рякошетятъ, ух, ё-о!.. Мля, Лёха, стыдно признаться даже, но я, ты прякинь, я со страху сябе в штаны напустил. Опысалси, мля, как рябёнок малой, твою мать! – Серёга засмеялся своим дегенеративным смехом. – Мля-а, вот так вот мокрый там и ляжал, в грязу и в собственном ссанье. Ляжал, пока не стихласи усё кругом и совсем не стямнело. Час, наверно, так ляжал... Ну а посла выбиратьси стал. Тама ещё со мною такú же былú. Ёпть, это жеть, Лёха, это – жеть!.. Хорошо, я ещё нямного в штаны-то нассалси, а так бы пропали бы они, штанишки-то мои, да ещё и отморозил бы хрен бы свой с яйками, на хрен соусем, – он снова заржал лошадью, но на этот раз переходящей в ишака.

– А как тебя вообще туда угораздило попасть? Это ж километров с 10 отсюда, а то и больше.

– Эх... Решил я, Лёха, отсюда дёру дать, из ентной грёбанной Москвы. Взял с собою на пару луковиц и пару картох варёных... они сладкия таки, знашь, после морозов-то этих... С луком – самое то! – он опять засмеялся. – Это мож так и сахару в чай не лóжить... Ну, это, вышел я на шасё, – Серёга стал показывать рукой, – идуь, значить, ходью по этой по шасё, смякаюси, что ну хоть об забор⁹ до Бялорусского дойду, а тама, можа, на тяпловоз какой и сяду. Всё равно, куды ехати, Лёха, лишь бы от сих... Ну, идуь так, шибко идуь. А холод, собака, ещё шибче пробирати стал, так и бярёть за

---

⁹ Об забор – по направлению.

нутро, сука, так и бярётъ. И ветер ещё, падла, такой холодный, аж лядяной, мля, аж бяда, могутов нету¹⁰. Ну, думаю, не дойду я, наверна, окочурюси прямо тута, прямо на дороге. А святло, знашь, я ж утром рванулси-то. Это ж как, думаю, обиднать, бялым днём посередя шасэ и замёрзнути. А сойти с няё, с шосэ с этой – и ня знаю, куды. Кто ж меня ждётъ-то тут? Кому я тут нужён? Да и нет никого, людей-то кругом.

Ропотов перебил его:

– А машины? Машины по Ленинградке ехали, когда ты шёл?

– Ну да, ехали, ня много их, но были. И грузовыя, и лягковушки. Но нябыстро, знашь, дорога-то под снегом ляжить. Его ж ня убираетъ никто ни хера, мля... Я ещё шёл и думку смякал, ну сяйчас в этом снягу как налятитъ на меня кто-нить, и всё, кранты мне, отколупывай потом Сярёгу Клёпова с рашетки... И тут, главное, слышу это: сзади, прямки на мяня едятъ шо-то большая такая. Мотор громко так стал гудети, всё громчей и громчей. Ну, думаю, усё! Аж зажмурилси. А это, прякинъ ты, автобус был. Он рядом совсем со мною проязжаять, тормозяеть и впереди так станавливаться. Дверь криваяться, и оттудава хлопец молодой такой ко мне, значит, бягить. Давай, крячить, до автобусу... Ну, я чо? Я и рад, а то, знашь, уже молитвы читать начал. Помог он мне, значит, хлопчик-то этот в автобус залезться, ну мы и поехались. А он мне, уж в том в автобусе, в ухо крячить: мы

---

¹⁰ Могутов нет – мочи нет.

– на Твярскую, к мэрии. Будем, эта, власть к ответу призыватьсьи. Мол, с нами ещё люди, многу людёв. И ещё тама машины, автобусы тоже сзади едутъ... сюды, значить, на Твярску. Давай и ты с нами, значить. Ну, я, эта, молчу, лежу тамась в проходе, отогреваюси трошки. И, это, лыблюси тока яму и головою качаю, типа согласный я. Мне уже и правда, Лёха, по херу, кудаь ехать-то, тока лишь бы, сука, с автобусу сразу не сса́жили. Вот так я и казалси тама, ядрён-ть.

– А обратно как оттуда?

– Ох, да уж... Выбиралиься мы оттудава, из этого аду кро-мешного, впятеромыч. Я, значитьсья, мужик тама и три ба-бы ещё. Две бабы старые, лет по шестьдесятъ, на, и дьявчон-ка молода, студентка с институтов. Мужик этот – он на ма-шине тудаь приехал. Она у няго во дворе тама где-то сто-ялась. Вот он нас всех до няё и вывел, посадил в няё и по-вёз. Спросилси ещё, помню, кто из нас где живётъ. А я тол-ком и ня понял, чяго он это спрашиваетъ-то. Спросилси и спросилси. Ну, я и ответилси, как есть, мол, на Шукинской. А потом вообще уже и ня помню ничяго, отрубивси я. Как сел в машину, так и отрубивси. А очнулси, тока кадысь он меня, водила-то этот, трясётъ, будить, значить. Эй, говорить, мужик, приехали, слазь. Я, говорить, дальше не поедусь. Вы-ходь здесья, на Со́колу. Мне типа ещё остальных вязти. Ну я, чяго? Я и вышелси. А от Соколу я уже знама, куды идтись. Дорога-то знакома мне. Вот и опять я, получаються, до вок-залу не попал. Ха! Возверталси, получаються, откудаь сбя-

жать хотел. Пипец, ё-моё!

Глава XXXII

Подвал встретил их кромешной темнотой.

Серёга первым зажёл фонарик, пока Ропотов только полез в карман за своим. Они пробирались вперёд по узкому проходу. С обеих сторон от них неровными рядами тянулись толстые, обмотанные какой-то древней полуистлевшей материей, давно уже остывшие трубы отопления и такие же холодные тонкие, ничем не утепленные водопроводные трубы. Периодически ряды труб то с одной, то с другой стороны резко поворачивали вверх, освобождая для прохода какие-то маленькие закутки и длинные, теряющиеся в темноте коридоры, а потом снова также резко опускались вниз. Под ногами было достаточно чисто и сухо. Иногда только им нет-нет да попадался какой-то строительный мусор: то это были куски штукатурки и части разбитых силикатных кирпичей, то отрезки старых, совсем проржавевших чугунных канализационных труб да обрывки изоляционной оплётки. Кое-где были видны большие, уходящие вглубь побочных проходов лужи воды, очевидно вылившейся когда-то из лопнувших труб и потом здесь же и замёрзшей.

Они молча свернули направо в один из боковых коридоров, затем налево, и метров через десять дорога снова повернула направо, а потом дважды налево.

«Да, один я точно уже не выйду обратно», – пронеслось в голове у Ропотова.

Неожиданно они упёрлись в ещё одну дверь, на этот раз какую-то хлипкую и явно сделанную «из того, что было». Серёга остановился перед ней, нащупал слева ручку-скобу и потянул на себя. Дверь затряслась всей своей геометрией и с видимой лёгкостью открылась настежь.

Тусклый свет и спёртый, но непривычно тёплый, с запахом дыма, воздух сначала вместе ударили им в лицо, а потом плотно обволокли со всех сторон. Помимо дыма и запаха давно не мытых тел и грязной, пропахшей этими телами одежды, сырой постели и промоченных не одним поколением москвичей тюфяков, в воздухе отчетливо ощущались грубые нотки непонятного происхождения мяса и гораздо более привычные и приятные носу ароматы свежееотваренного картофеля.

– Туратбек, бул сиз ал жерде?¹¹ – тотчас послышалось из глубины помещения.

– Я это, – выпалил в сторону голоса Серёга, заходя внутрь.

– А-а, Сырог, ти?.. Ну, что, братан, что тама на улица выдила? – донеслось в ответ.

Ропотов, поморщив лицо, покашлял негромко и, издав едва слышимые звуки отвращения, зашёл следом за Серёгой и расположился у него за спиной.

– Эй, Сырог, закырывай двэр, шайтан... Кыто ито с та-бои

---

¹¹ Туратбек, это вы там? (кирг.)

тама? – спросил Серёгу звонкий восточный голос.

Тут только из-за Серёгиной спины Ропотов увидел молодого шуплого азиата лет двадцати, копошившегося у импровизированного стола в углу этого небольшого помещения. Сам же стол при первом рассмотрении оказался старой межкомнатной оргалитовой дверью, очевидно давно кем-то выброшенной за ненадобностью на помойку. Парень этот только что ловко срезал с костей мясо, от которого шёл сильный пар. Сейчас же, при виде явно непрошенных гостей он выпрямился в полный рост, и в его глазах промелькнуло едва заметное беспокойство.

– Да это коряш мой, Лёха...

Ропотов выглянул из-за Серёги и кивнул головой азиату в знак приветствия.

Серёга продолжал:

– Слышь, эта... Жопсанбай или как тама тябя...

– Жаркынбай правильна, братан, хе-хе, – поправил его молодой азиат и тут же добродушно засмеялся. Он был одет в лёгкий, местами порванный свитер с горлышком и тёмные ватные штаны. Трикотажная его шапка стояла на голове смешным колпаком, прикрывая одну только макушку, и, того и гляди, норвила совсем свалиться под ноги на грунтовый пол.

– Ну, да, эта... Жар-сын-бай... мля, не выговоришь, ёпть, как тя звать-вяличать... Ё-моё, слышь... ты эта... А где эти... Турабек и этот, тоже как его, мыть, забыл...

– А-а, – Жаркынбай закачал головой, не убирая с лица улыбки, – Туратбек и Нурданбек, они ходыт за собака пошёл, поймай, убиват, суда нести. Сырог, мяса нам большди жок¹², – как смог, на чужом для себя языке объяснил он причину отсутствия двоих своих соплеменников.

– Это... а давно они ушлись-то?

– Не, тока-тока ходыт. Не скор ишо тут буда.

– Вот и ладно, – Серёга повернулся к Ропотову и, подмигнув ему, уже чуть тише добавил, – нам-то оно и лучше, забярём бяз лишняго шуму. Кудысь он деяться-то протів нас двоих?

– Сырог, чо казала, братан? Моя не слышат?

– Не, не, ничяго... Это я Лёхе сваму гутарю, ня тябе.

Гутарю яму, шо усё путём...

Азиат кивнул, всё также продолжая улыбаться.

– Слышь, Жапсамбай, – продолжал Серёга, – мы с Лёхой ряшили валити отсюдава, из Москвы то бишь. Домой мы, это, валим, ходью. На хаус, понял?

– Ага, ага, – закивал улыбающийся Жаркынбай. – Туратбек и Нурданбек ходыт суда скор, ага, собак тока поймай и ходыт. Жакында бар болобуз¹³. Карашо, братан, карашо.

– Не, ты мяня ня понял, мля... Ну, каже тябе объяснить-то, няхристю... Я гутарю, – Серёга повысил голос, – мы с Лёхой, – он развернулся в пол-оборота и стал тыкать паль-

---

¹² Нет (кирг.)

¹³ Скоро будем жрать (кирг.)

цем в грудь Ропотова, – вот он – Лёха-то мой... вот мы с им ва-лим отсель. Понял, чукча? Картоху тока и лук заберём с собою. Половину, больше нам ня надь, а половина ваша остаиться, усёк ты?.. Валим домой мы с им, понял, не?

– Ага, ага, Сырог, поныл, поныл. Карашо, братан. Лука и картох уже готова, жакында барабыз бардык айтканда бирге¹⁴, – продолжал всё также глупо улыбаться Жаркынбай.

– Ёптить, да ты тупой штоля, паря? – уже почти на крик перешёл Серёга. – Я ж тебе, баранья твоя башка, русским языком абясняю: валим мы, на. Мою половину картохи и лука гони сюда, сука. Не надь мне бардыз-бармыз. Не расстраивай дядю, шкет ты косой, а ня то и осярчать м’оужу.

– Ага, ага, Сырог, люк и картошка ужа гатов. Ждай немног, карашо? – Жаркынбай перестал улыбаться, потому что понял, что что-то пошло не так, но что именно, он никак не мог взять в толк.

Серёга почти закипел. Он что-то ещё хотел сказать, но это что-то, видно, застряло у него где-то по пути в ротоглотку и никак не могло вырваться наружу. От этого то и дело попеременно открывающий и закрывающийся его рот делал Серёгу похожим на только что пойманную рыбу, эдакого белого амура или толстолобика.

Тут уже не стерпел и решил вмешаться в разговор Ропотов. Он решительно отодвинул в сторону Серёгу и выступил вперёд к Жаркынбаю.

---

¹⁴ Скоро будем все вместе есть (кирг.)

– Послушай, где у вас лук и картошка? Мешок с картошкой и с луком. Где? Серёгин мешок. Понимаешь меня?

– А, мишокэ. Кап¹⁵, кап? – догадался, наконец, парень, снова заулыбавшись. – Тама кап, тама мишокэ. Тама картошка, тама лук, тама, – он стал показывать рукой и глазами на противоположный от него угол.

Ропотов и Серёга, не сговариваясь, вместе повернули свои головы в ту сторону, куда показал Жаркынбай. Никакого мешка в общепринятом понимании этого слова там и в помине не было. Один лишь несчастный, наполовину пустой полиэтиленовый пакет сиротливо выглядывал из-за чьих-то грязных сапог. Ничего другого рядом не наблюдалось.

Серёга аж побелел. С трудом сдерживая себя, чтобы не бросить чем-нибудь подручным в Жаркынбая, он выдавил из себя:

– И гдя ты тут мяшок видишь?.. Лёх, погляди тудысь, можа это я сляпой стал, ась? Глянь-ка, – ткнул он пальцем в сторону пакета.

Ропотов молчал: пакет и есть пакет. Никакого мешка.

Серёга снова повернулся к азиату, палец же его оставался указывать на пакет.

– И это ты мяшком называешь, овечий ты трахаль, это, по-твоему, моя картоха с луком? Так получаться? Ну, ты у мяня сячас сам носом своим кап-кап будяшь, юшкой на пол кап-кап будяшь, турка ты завоёванный.

---

¹⁵ Мешок (кирг.)

Жаркынбай больше не улыбался. Он осознал всю серьезность этой минуты и незавидное своё теперешнее положение. От тех продуктов, которые месяц назад привёз из дома Серёга, почти ничего не осталось. Они все вчетвером каждый день ели понемногу, и картошка, и лук были основой их рациона, поэтому неудивительно, что и то, и другое в конце концов почти закончилось. Час назад он взял оттуда четыре картошины и одну луковицу. Картофель он отварил, луковицу разрезал на четыре части и посолил. Таким образом всем четверым досталось бы поровну. И ещё мясо. Ведь именно об этом они условились в самом начале конца света: добычей, запасом и разделкой мяса, поиском другой пищи занимались два его товарища, Серёгин был гарнир, а Жаркынбай как самый младший в их компании готовил, топил и убирал в доме. Что же сейчас так возмущается Серёга? Да у него и не было больше никаких обязанностей. Как печку сделал, теперь только шляется вечно где-то, а сюда только поесть-поспать-погреться приходит.

– Сырог, ты чаво мен сердыся? Мы все куш одинака. Картошка, пияз¹⁶ дээрлик¹⁷ кончилс. Бардык бул оставалс кара капта, мен пересыпл андан пакетке¹⁸.

Серёга ничего из сказанного ровным счетом не понял: все слова: русские, киргизские – пролетели мимо его ушей, от-

---

¹⁶ Лук (кирг.)

¹⁷ Почти (кирг.)

¹⁸ Все что оставалось в мешке, я пересыпал в пакет (кирг.)

зываясь эхом. От того оставались у него какой-то шум в ушах да ощущение, что мальчишка держит его за дурака. Глаза Серёги налились кровью, ладони сжались в кулаки. Набычив голову, он попёр на Жаркынбая.

Киргизёнок отскочил назад и сразу же упёрся спиной в стену. Миска, которую он задел, упала на пол, мясо и кости разлетелись в стороны, оказавшись в грязи под ногами. В руке у Жаркынбая был нож, которым он до этого разделявал мясо. Вспомнив про нож, он выставил его вперед и стал кричать идущему на него Серёге и Ропотову, который и не думал трогаться с места:

– Не падхады, не падхады.

Серёга, увидев перед собой нож, сразу же остановился, сдал чуть назад, расставил пошире ноги и выставил перед собой руки. Всем своим видом он показывал, что готов к схватке. Брызгая слюной, он тихо процедил сквозь зубы:

– Ну, давай, щянок, ща я тебе покажу, как дядю ножичком пугати.

– Серёга, остановись! Что ты делаешь, дурак? – прокричал Ропотов.

– Не лезь, коряш, то моё с им, – не глядя в сторону Ропотова, процедил сквозь зубы Серёга, сосредоточивая всё своё внимание на кончике ножа.

– Перестань! Уйдём! Возьмём, что осталось и уйдём. Слышишь? – не унимался Ропотов, боясь сдвинуться с места, чтобы ненароком не навредить никому.

– Обожди чутка. Чернявого сопляка этого токась поучу и сразу апосля уйдём, – не слушал и не смотрел на него Серёга.

Неожиданно Жаркынбай сделал выпад ножом в сторону Серёги. Тот отскочил в сторону, а нож просвистел у него под рукой, ничего не задев. Проведя холостой удар, но показав свои самые серьёзные намерения, парень снова занял оборону в углу.

– Нэ падхады, Сырог, убью, шайтан, – почти плача, проговорил Жаркынбай.

– Ну, давай, сучара, яще разок попробуй, ня промахнись тока – я промашков ня прощаю, – стал подзуживать его Серёга, провоцируя на новый выпад. Он снова стал двигать туда-сюда своими широко расставленными и длинными, как жердями, руками, периодически подводя их почти к самому ножу и резко хлопая друг о друга.

Жаркынбай внимательно следил за руками Серёги, не забывая также поглядывать на его ноги и корпус. Краем глаза он также держал и Ропотова, не зная, что от того следует ожидать. Потом неожиданно снова сделал шаг вперед и провёл колющее движение в сторону Серёгиной груди. На этот раз его противник пропустил момент атаки и не успел начать вовремя убирать руку. Нож, прогнувшись, с треском вошёл в рукав куртки под самый правый локоть, и, не задев плоти, увяз в утеплителе.

Серёга резко ушёл влево, пропуская застрявший в рукаве нож дальше назад и увлекая за собой, этим же правым лок-

тем продавил вниз руку киргиза, и тут же свободной левой, всем её предплечьем нанёс рубящий удар в область плеча мальчишки.

Жаркынбай с криком рухнул наземь, выпустив из руки нож. Как только киргиз оказался на полу, Серёга бросился бить упавшего ногами. Один удар – левой – пришёлся вскользь по корпусу, другой – правой – чётко в лицо. Кровь тут же брызнула из разбитого носа мальчишки. Он закричал ещё громче и обхватил голову руками, ожидая ещё удары. Но их не последовало: как раз не выдержал и вмешался Ропотов. Он бросился на Серёгу, обвив своими руками его руки и увлекая того в сторону.

– Пусти, Лёха, я ямү покажу... я ямү покажу, сучонку, как с ножом бросаться. Куртку мне, сука, порезал, чуть мяня самого не проткнул, на.

– Успокойся, Серёга, успокойся, всё кончено. Всё, ты победил. Всё! Всё! Не дури! Он больше не будет. Оставь его, дурака.

Жаркынбай, как был в той самой позе на полу, так и продолжал в ней оставаться, боясь даже показать из-под рук своё окровавленное лицо. Бедняга плакал по своему разбитому носу, по ноющему от боли плечу, но ещё больше он плакал от страха, что его всё ещё могут убить. Его и так только что чуть не убили. Вот так вот – ни за что, ни про что.

И почему русские так к ним относятся? Как к людям третьего сорта. Как к собакам, как к грязи. За что так ненавидят,

презирают? Что они, киргизы, им плохого сделали? Что он им, Жаркынбай, плохого сделал? Как будто он сюда от хорошей жизни приехал, как будто он здесь не работает, как проклятый, не убирает за ними их дерьмо, которое они повсюду разбрасывают, и этот проклятый снег, который всё падает, падает и падает. «Чурка», «чурбан», «чебурек», «чукча», «узкоглазый», «тупорылый», «мудила» – только это и слышал он в свой адрес всё то время, как сюда приехал почти год назад. Никогда с ним не здоровались, не благодарили, никогда не называли его по имени и даже не пытались узнать его имя. А если и называли – те немногие, кто спрашивал, – коверкали, как хотели, и всегда над его именем смеялись. А что смешного в его имени? Имя как имя, обыкновенное киргизское имя. Между прочим, означает «светлый повелитель». Над чем же здесь смеяться?

А то, что на его родине, где почти круглый год тепло, где растут вкуснейшие фрукты и овощи, а в горах пасутся стада овец и коз, там, где остались вместе с матерью семеро его братьев и сестер, нет для него никакой работы, и всё это вкусное великолепие его семье недоступно, никто здесь и понять не хотел. Почему простые, почему бедные люди, пусть и говорящие на разных языках, разучились друг друга понимать и уважать, разучились помогать друг другу? Ведь не он же, в конце концов, отнимает у местных русских их работу и их хлеб: это делают их начальники, это они отказывают русским, а берут таких, как он, на самую грязную работу, а

потом обманывают и недоплачивают. Не он же выбирал их, этих начальников, ведь он даже пожаловаться никому на них не может и отказать им хоть в чём-то, сославшись на закон и свои попираемые каждый день права, тоже не может.

Разве этого он хотел, разве о такой жизни мечтал, когда десятилетним мальчишкой в первый раз самостоятельно взобрался на вершину Сулейманки и, глядя с высоты на свой родной Ош, с поднятыми над головой руками кричал: «Весь мир лежит у моих ног!»

Глава XXXIII

Серёга почти успокоился и присел отдышаться на ближайший к нему топчан. В каморке было всего четыре топчана, каждый из которых представлял собой тюфяк и грудку тряпок, наваленных все вместе на каркасную рухлядь из старой мебели. Два из четырех таких лежаков-топчанов когда-то были диванами. В каморке даже был свой телевизор: старый громоздкий кинескопный ящик. Была и жестяная эмалированная раковина с помойным ведром под ним и примитивным пластмассовым ручкомойником на стене выше. Чтобы из него полилась вода, нужно была ударить снизу по торчащему стержню-затычке, но не сильно, иначе затычка могла выскочить и не вернуться обратно в отверстие. Ищи его потом на самом дне ёмкости, промачивая рукава, в то время как вода бесцельно утекает прочь.

Но всё же главной достопримечательностью подвальной каморки была печка. Под маленьким вентиляционным окошком, располагавшимся под самым потолком, стояла металлическая штампованная бочка литров на двести. Бочка стояла дном вверх. Дно это было прорезано несколькими одинаковыми пересекающимися в центре прямыми линиями так, что лепестки образовавшегося отверстия были отогнуты вверх под прямым углом наружу. А вот уже на эти лепестки была надета старая, когда-то оцинкованная водосточная труба. Ближе к окошку труба имела колено, после которого её продолжение под сорок пять градусов подходило к самому окошку и после следующего такого же поворота выходило на улицу. Сама же бочка, изрядно почерневшая и приобретшая оттенок рыжей окалины, в своей нижней, точнее, верхней части, перевернутой вниз, имела большой вырезанный проём с отогнутым над ним козырьком. Проём был плотно закрыт дверцей, которую прижимал козырёк сверху и отрезок ржавого уголка спереди. Дверцу – окружный кусок листового металла – сделали, видимо, из крышки от этой же самой бочки, только сложили с двух сторон конвертом и изогнули по форме бочки.

От самого пола вокруг бочки постельной плоскостью были прислонены к ней около полутора десятков тёплых красных кирпичей – так, что верхние кирпичи стояли ложками вверх нижних, обеспечивая максимально большую площадь соприкосновения с поверхностью бочки. Очевидно,

что здесь были сложены все красные кирпичи, которые обитателям каморки удалось собрать со всех окрестных мест. Иначе их было бы гораздо больше.

Огня в печке в этот момент не было, но зола под её дверцей и ещё неостывший воздух в помещении свидетельствовали, что печкой пользовались совсем недавно. На дне бочки, ставшем теперь поверхностью печки, стояло такое же, как и всё этой в каморке, далеко не новое ведро, почти на две трети наполненное водой. От воды в ведре даже шёл пар.

Было очевидно, что все прорези и соединения, включая саму бочку и трубу, наспех сделаны при помощи газосварки.

– Ты печку, что ли, делал? – спросил Серёгу Ропотов, кивая в сторону бочки.

– А кто же ящѐ-то? Не этя же, – лениво ответил Серёга, качнув головой в сторону Жаркынбая.

– Ну, тогда какого ж хрена тебе здесь не живѐтся? Да вы здесь так устроились, что любой сейчас позавидует.

Серёг, ты дурак, что ли, совсем?

– А чо?

– Да ничо. У меня просто слов нет, Серёга... Да я бы сам сюда пришѐл жить, кабы было место для меня и для моих... Ну ты даѐшь!.. Ещѐ и мальчишку избил. Спровоцировал его и избил... Ну, ты дурак совсем! И не лечишься... Как же ты ему и тем двоим теперь в глаза смотреть-то будешь? Ты же в соседний – в наш дом – перебраться хотел. Ты что думаешь, ты теперь их не встретишь, что ли, никогда? Не пересечешь-

ся больше с ними?

– А чяго он на мяня с ножом бросялси? Я ж яму русским языком гутарю, куды дявал картоху, сучонок, – стал оправдываться Серёга.

– Да ты и русского-то языка толком не знаешь, – резко перебил его Ропотов. – И бросился на него ты, а не он на тебя. Видно же было, что он тебя не понимает.

На полу негромко всхлипывал Жаркынбай, бубня себе что-то по-киргизски. Он уже поднял голову и пытался остановить кровотечение, зажимая нос пальцами одной руки. Другой своей рукой он отчаянно пытался вытереть слёзы, но это у него никак не получалось: новые слёзы сочились с прежней силой, а старые, вперемешку с кровью и грунтом с пола, будучи растертыми по всему его широкому, детскому ещё лицу, только больше его пачкали. Кровь же с носа и с пальцев всё ещё продолжала капать в образовавшееся на полу тёмное пятно.

Видно, вняв доводам Ропотова и осознав, что он сам всё-таки был неправ, Серёга нехотя обратился к Жаркынбаю:

– Ты это, как тябя... Жапсанбай, ты это, звиняй, штоля, мяня. Слышь, чо? Ну погорячилси, с кем ня бываять-то... мля. Ты тоже, это... сам виноват, значит... зачем сразу ножом-то было мне грозить. Любой бы на моём месте осярчал, ядрёнь... Лёх, аль ня прав я?

Ропотов только молчал и ухмылялся.

– Дай яму тряпку, шоль, какú. Вишь, кровяка совсем ня

унямаяться... а, Лёх? – забеспокоился Серёга.

Ропотов огляделся по сторонам, и, обнаружив среди тряпья на ближайшем к нему лежаке самую негрязную материю, взял её в руку и подошёл к киргизу.

– На вот, вытри. Только не переставай сжимать пальцами нос. Минут пятнадцать так держи, пока совсем течь не перестанет. И попробуй определить, из какой ноздри кровь течёт. Та, из которой не течет, – ею тогда и дыши. А другую пока плотно держи. Понял?

Жаркынбай, всё это время не сводивший с Ропотова глаз, кивнул головой и потянулся рукой за тряпицей.

Похоже было, что он действительно понял Ропотова, потому что сделал всё в точности, как тот сказал.

Глава XXXIV

Лену разбудили дети. Саша проснулся первым и стал кашлять. От этого проснулся и стал ворочаться Паша. Он начал громко причмокивать и бормотать что-то бессвязное себе под нос. Лена, которая лежала, соприкасаясь с Пашей, открыла глаза и стала соображать, который сейчас час, и что происходит вокруг неё.

Она вспомнила, что Алексей собирался встать сегодня пораньше и, не будя никого, пойти на стоянку готовить «Паджеру» к отъезду. Ну, да, его сейчас и нет на его спальном месте: у холодной стенки. И в квартире тихо, а это значит, что

он уже ушёл. Точно, они же с ним договорились ещё вчера, когда он только вернулся домой и рассказал ей о своей смертельной схватке со сворой собак, что сходит к машине, пригонит её, если у него всё получится, и уже тогда они вдвоём начнут спускаться вниз приготовленные в дорогу вещи.

Ну, а раз его нет, значит, он ещё не приехал, и ей можно немного полежать в тепле, под одеялами. Но совсем недолго, чуть-чуть. Нехорошо, если он придёт, а она ещё лежит. Им же предстоит сегодня долгая, может быть, до самой темноты дорога в неизвестность. Дорога, которая так сильно её тревожила.

«Господи, как здорово бы было, если б мама оказалась жива, и мы бы забрали её с собой!» – думала Лена.

Она посмотрела сквозь полумрак утра на висевшие на стене часы. Было около десяти. В щёлке за окном уже рассвело. Да, действительно пора вставать. Но как же этого не хотелось делать сейчас!

Она ещё раз посмотрела на своих мальчиков. Дети лежали в кровати с закрытыми глазами и ничего не просили. С одной стороны, это было хорошо. Можно было ещё потянуть какое-то время, экономя оставшийся мизер продуктов. С другой же, и Лена это понимала отчетливо, недостаточное питание с удвоенной, даже утроенной скоростью убавляло её детям жизнь. Всё ещё продолжающееся их отчаянное положение уже даже не медленно, а стремительно убивало их. И никакой надежды на улучшение. Одна только неопределён-

ность. В их детских организмах уже происходят необратимые явления с самыми тяжёлыми последствиями, и даже если сейчас вдруг и случится чудо: зажжется свет, начнут наполняться водой и нагреваться трубы, откроются магазины – почти месяц конца света в Москве навсегда наложит на них свой роковой отпечаток, поделит их жизнь и здоровье на до и после. И как бы хорошо и удачно не складывались потом для них обстоятельства, психическая травма и убитый напрочь иммунитет, вызванные этими окаянными днями, ещё дадут о себе знать. Что в таком случае ждёт их впереди? Частые и тяжёлые, переходящие в хроническое состояние болезни, семейные неурядицы, проблемы на работе. А смогут ли они произвести на свет своё потомство, вырастить и воспитать собственных детей, увидеть внуков?

«Боже мой, несчастные мои сыночки, капельки мои! Как сложится ваша дальнейшая жизнь, если сейчас и повезёт вам выжить? Неужели вам уже не дано будет постичь этот мир хотя бы в той степени, как смогли постичь его мы, ваши родители? Узнать, открыть для себя столько всего нового, испытать любовь и дружбу, признание окружающих, радость отцовства, увидеть мир во всем его многообразии и сделать или хотя бы попытаться сделать его лучше?» – терзалась вопросами бедная мать.

«Нет, решительно нужно заставить себя встать. Нужно во что бы то ни стало что-нибудь съесть самой и попробовать накормить детей, как бы уже не было притуплено чувство

голода.

В этот момент послышался стук как будто бы в их дверь. Лена не сразу поняла это, потому что стук был негромким.

«Вероятно, послышалось», – подумала она, тем не менее, замерев и стараясь дышать как можно реже и тише.

Прошло несколько секунд, прежде чем она ясно услышала новый, такой же негромкий, но хорошо различимый стук.

Лена быстро скинула с себя одеяла и также быстро опустила ноги на пол, переводя всё своё тело в положение сидя. Она тут же постаралась перестать создавать какой-либо шум и стала вслушиваться. От напряжения у неё даже приоткрылся рот. Но слышала она только дыхание детей, механическое движение шестерёнок часов да стук собственного сердца. Причём стук сердца заметно превалировал. И никаких посторонних звуков.

«Неужели это к нам? Но кто? Зачем? Что им понадобилось?» – вопросы стали одолевать её один за другим. Не находя на них ответов, она стала терять самообладание.

Лена опять перевела свой взгляд на лежащих рядом детей. Мальчики ничего не слышали и продолжали лежать в полудрёме с закрытыми глазами. Нет, они не могли стучать, это исключено.

В этот момент Паша громко вздохнул и стал поворачиваться на месте. Лена машинально схватила его за коленку поверх одеяла.

«Тише, Пашенька, замри... ну, не вертись пока, пожалуй-

ста, потерпи немного», – так и хотелось сказать Лене.

«Кто же это может быть? – Алёша не может, у него с собой должны быть ключи. Может быть, кто из соседей? А может, это и не нам стучат вовсе? Может, это им, соседям? Поэтому и негромко так».

И вдруг опять постучали. Теперь сильнее и настойчивей. Теперь уже точно в их дверь.

«А вдруг... вдруг это те, о которых вчера говорил Алёша? Те, кого он наблюдал через окно. Те... уголовники. Нет! Только не они! Только не они! Пожалуйста!.. Господи, пожалуйста, помоги! Господи, защити! Только не они!»

Лена обхватила голову и уши руками, опустила грудь на колени и стала читать молитвы: те, что знала, что помнила с детства.

«Господи, Отче наш, иже еси на небеси, да светится имя Твое, да приидет царствие Твое, да будет воля Твоя на земли яко на небеси...», – Лена прервала молитву, ослабила руки и снова стала вслушиваться, интуитивно, даже на каком-то высшем уровне сознания, надеясь, что Господь её услышал и сделал так, как она больше всего сейчас хотела, – заставил прекратиться стук и убрал источник его происхождения.

Тишина. Наконец! Долгожданная тишина, вожденная. Стук прекратился. Целая минута тишины!

«Господи, спасибо!.. Господь, Вседержитель, благодарю ты, да услышал Ты мя», – на глазах Лены навернулись слёзы, она стала истово креститься.

«Богородица-дева, благодатная Мария, радуйся, Господь с тобою! – Ленины губы стали уже шептать слова вслух, на её лице засияла просветленная улыбка. – Богородица-дева...»

И вдруг! Опять всё тот же стук. Громкий, непрекращающийся, постоянный, сводящий с ума, доводящий до безумия, до умопомрачения. Стук. Стук. Стук. Всё громче и громче, громче и яростней.

«Что же это? Как же это?» – только и успела произнести про себя она, как страх и ужас снова вернулись, подкатили к сердцу, парализовали волю, смешали мысли, сковали руки и ноги, горло, дыхание, ударили в живот. Животом она почувствовала свой позвоночник, весь, до самого копчика. Сфинктер прямой кишки сжался, а пальцы на ногах скрючило так, что ступни стало разворачивать вовнутрь. Руки заломались в локтях и сложились крестом на груди. Дыхание стало громким и беспорядочным. Маятниковыми движениями Лена стала раскачиваться всем своим телом вверх-вниз, к коленям и обратно, по кругу, снова к коленям и обратно, снова по кругу. Глаза и рот сжались так, что брови, казалось, встретились с щеками, а зубы – до скрипа, до самого треска в челюстях. Ещё немного, и она закричит...

И вдруг... голос... Голос привёл Лену в чувство. Чей-то неразличимый, но не её собственный, это точно, и не детей. Голос, почти не слышимый – донёсся до неё. Оттуда, из глубины сознания, из самого её сердца. Донёсся и... успокоил, расслабил все члены и мышцы, как самый сильный нарко-

тик. Она обмякла, остановила движение телом. Руки, как плети, повисли. Нижняя челюсть опустилась, высвобождая выдох наэлектризованного углекислого газа.

Она всё ещё не понимала, чей это был голос: женский или мужской, грубый или ласковый, властный или покорный, настолько стремительно он прозвучал и столь же быстро смолк. Раз – и всё. И нет его больше. Стих. Исчез. И стук в дверь тоже исчез, оборвался.

Лена внезапно вышла из оцепенения. Голос. Да, это голос вывел её из этого состояния. Голос. Голос заставил её подняться и пройти в коридор. Голос. Голос повелел подойти и прижаться ухом к двери. Голос. Голос открыл ей уста и выпустил из них слова.

– Кто там? – робко спросила Лена, подчиняясь невидимой силе голоса, чарующей магии, глубинному инстинкту, – кто там?

– Леночка, открой, девонька моя. Это мама.

– Мама...

В глазах у Лены потемнело, тело больше её не слушалось. Ноги подкосились, сознание и силы покинули её, и Лена рухнула на пол.

– Доченька, доченька моя, это я, мама. Я приехала... ну что же ты не открываешь... это же я, – слова Ларисы Вячеславовны стали тонуть в плаче, захлёбываться в слезах. Теряя силы, она сама сползла на колени, упираясь ладонями и щекой в дверь Ропотовых, и стала рыдать в голос, целовать

и гладить дверь, как если бы она целовала и гладила сейчас Лену.

«Вы живы, вы живы, я нашла вас, я дошла, я смогла... Господи, спасибо тебе, Господи, верую... Ты есть, я знала, я всегда это знала, я верила... Господи... деточки мои родные, живы...», – произносила она сквозь слёзы и всхлипы.

Глава XXXV

Вскоре после того, как кровь перестала течь из носа Жаркынбая, в коморку вернулись два других киргиза. Лицо одного из них, того, что всё время держал свою руку другой рукой, что-то нашёптывая, было неестественно белым.

Эти двое были страшно удручены и раздосадованы, если не сказать больше. Мало того, что им не удалось поймать ни одной собаки и ни одной кошки, так им ещё и самим здорово досталось. Поэтому разбитый нос их товарища, как в прочем, и причина этого, совершенно не привлекли их внимания. Да об этом уже никто и не вспоминал.

Дело в том, что та собака, которую они выследили уже в конце охоты, оказалась на удивление сильней и проворней их двоих. Пока Нурданбек приманивал её костью такого же бобика, держа кость в руке, Туратбек должен был размахнуться и ударить собаку по хребту отрезком дюймовой трубы, которая уже не раз выручала двух охотников-заготовителей. После того, как собака с переломанным позвоночником

должна рухнуть, хрипя слюной, он размозжит ей череп. Ну, а дальше в дело вступит нож Нурданбека.

Но на этот раз всё пошло не так. Собака подошла к Нурданбеку, привычно для того оскалила зубы и зарычала, потом опасливо обнюхала кость и попыталась ухватить её зубами. Туратбек в это время аккуратно вытащил из-за спины трубу. Боковым зрением собака увидела трубу, и когда узнала в ней своего главного исторического врага – палку, что было сил рванула кость на себя. На скользкой дороге ноги Нурданбека не удержали его тело на месте, и он подался вперёд. Ну, а Туратбек, уже опускавший со всей силой трубу, не смог изменить место её встречи с намеченной целью.

В результате правая рука Нурданбека, так и не пожелавшая расстаться с костью и увлекаемая собакой за собой, попала под жесточайший удар куском холодной стали. А дальше: звук ломающихся костей руки, слёзы и искры из глаз и безумные вопли падающего Нурданбека, звон ударившейся о землю и распевно катящейся в сторону трубы, стремглав убегающая с костью прочь собака, причитания проклинающего её и себя Туратбека. Вот и поохотились...

В итоге: открытый перелом лучевой и закрытый перелом локтевой костей правой руки Нурданбека, который уже где-то через час-два, после того как ему окажут первую помощь, и острая боль сменится на тупую и ноющую, начнёт осознавать, что перелом этот, по сути, его отложенная смерть.

Когда уже в подвале место перелома обнажили и с помо-

щью ремня остановили кровотечение, саму рану промыли кипяченой водой, а её края хорошенько обработали зелёной. Потом попытались вправить на место торчавшую из раны кость и выковырять осколки, но тут же пожалели об этом: от внезапной острой боли Нурданбек закричал и потерял сознание.

– Снега, несите больше снега! – крикнул Ропотов.

И вдогонку:

– Снег, лёд – несите всё, что попадётся. В пакет кладите, чтобы на руку положить сверху.

А потом уже себе под нос:

– Иначе от боли он умереть может. Да и кровь снег поможет остановить.

Пока Нурданбек был без чувств, кость кое-как спрятали внутрь раны, а саму её, как смогли, очистили от осколков. Серёга быстро притащил откуда-то из подвала небольшую деревянную рейку и тут же на месте укоротил её о свою коленку. После чего Ропотов аккуратно примотал к рейке сломанную руку узкими полосами разорванной тряпки. Повязка получилась плотной, и рука была надёжно зафиксирована. Теперь её можно было обкладывать пакетом со снегом.

Нурданбека стали приводить в чувство: хлопали по щекам, растирали лицо и виски водой, а потом и снегом. Наконец, он открыл свои ничего не понимающие глаза и громко застонал.

– Нужно приготовить ещё такую же перевязь. Постирайте

её с мылом, а ещё лучше прокипятите. Потом, когда всё высохнет, нужно будет сменить повязку. И сразу же постирайте и прокипятите эту вот тряпку. Понятно? – обратился Ропотов к киргизам и к Серёге, показывая на только что сделанную повязку.

Те закивали.

– И не забудьте через полчаса ослабить и снять жгут, иначе он руку потеряет... Да, и снег надо менять, как будет таять.

Когда Ропотов с Серёгой, наконец, вышли из подвала, Алексей недовольно проворчал:

– Ну, вот, ещё один день пропал... Жена, наверное, там убивается, не зная, что со мной, и где я.

Серёга промолчал, хотя понимал, что и его вина была в этом.

– Ладно, пойду я. Показать хоть надо... – Давай.

– Ну, ты-то сам... всё? Успокоился? Здесь остаёшься ночевать или к Никитичу пойдёшь?

– Здесь, – процедил сквозь зубы Серёга, отводя в сторону от Ропотова глаза.

– Ну, вот и ладно. Правильно решил... Серёг, ты завтра поможешь мне с погрузкой?

– Да-а, об чём базар!

– Спасибо. Я тогда утром зайду за тобой, хорошо? Заодно проведу вашего киргиза. Охотничка... ох!

– Смотри, башку себе опять не расшиби, – Серёга заулы-

бался, обнажив просветы зубов во рту.

– Да уж, постараюсь.

Ропотов побрёл в свою сторону. Уже часов семь он ничего не держал во рту. Сил почти не осталось.

«Как же есть-то хочется, Господи!» – подумал он на ходу, когда Серёга неожиданно окликнул его:

– Погодь, Лёх!

Ропотов остановился и обернулся.

Серёга бежал к нему.

– На вот, – он схватил руку Ропотова, и быстро вложил в неё что-то. И тут же закрыл, сжав его пальцы.

Ропотов опустил глаза, аккуратно разжал руку и увидел в ней картофелину – ту самую, что отварил сегодня киргизёнок.

Его глаза заблестели.

– Ну, зачем ты?.. Не могу я, Серёга! Забери, слышишь, – он протянул картошку.

Но тот уже успел отбежать на несколько метров.

– Не, Лёха, мне не трэба. Да не люблю я таку сладку, – с этими словами он скривил рожу и смачно сплюнул.

– Серёга, подожди, – хотел было пойти в его сторону Ропотов.

– Всё, Лёх, пойду я, некода мне тут с тобою расхолажаться. Прощай! До завтра!

Он повернулся и стал быстро удаляться в сторону подвала.

«Вот чудак-человек», – подумал Ропотов, уже не предпринимая попыток догнать того. Он постоял так немного, глядя то на удаляющийся в окружающей белизне чёрный силуэт, то на серую картофелину в своей руке, потом развернулся и пошёл к своему дому.

Ропотов шёл и периодически подносил картофелину к носу. Она была уже совершенно холодной, но запаха своего ничуть не растеряла. Сладость и вправду присутствовала в нём, но ни с чем не сравнимый картофельный запах манил и очаровывал, будоража все внутренности. В пустом желудке аж заурчало.

«Вот ведь послал Бог искушение», – думал Ропотов, пока шёл, сглатывая изрядно успевшую выделиться слюну во рту.

«Съесть или не съесть – вот в чём вопрос!» – не давал ему покоя этот крахмальный корнеплод.

Ему ужасно хотелось съесть картошку, но он прекрасно понимал, что дома его ждут голодные дети и такая же голодная жена, и они так же, как и он сам, очень давно не ели картошку. А сейчас, наверное, набросились бы на неё и не оставили бы от неё даже кожуры.

Ему вспомнился эпизод из голливудского фильма про гангстеров времён Великой депрессии «Однажды в Америке» – один из самых сильных эпизодов в этом стильном фильме с прекрасной музыкой. Это когда один из героев, самый младший из всей банды, ещё ребёнок, несёт пирожное уже взрослой девчонке из их дома, чтобы расплатиться с ней

за первый в его жизни секс. Девчонка эта – лёгкого поведения, и все вокруг знают, что она даёт, но не бескорыстно. И вот, наконец, на свои первые деньги он покупает пирожное с кремом. Долго выбирает в лавке и покупает там самое большое – за все свои деньги. С кремом и вишенкой сверху.

И вот он уже стоит под дверью и ждёт, когда мать этой юной проститутки позовёт к нему свою дочь. Ждёт в предвкушении пышного голого женского тела и сладостного мига первой интимной близости. Ждёт и посматривает на пирожное, разворачивая бумажную упаковку. Посматривает и ждёт. Потом, не в силах утерпеть, пробует немного.

Только крем. На палец чуть-чуть – и в рот. Потом ещё немного. Потом всё же заворачивает упаковку, как было, и снова ждёт. Девицы всё нет. Но больше нет и терпения. Он ещё раз раскрывает бумагу, смотрит секунду на пирожное и бросается на него, не в силах совладать с собой. Тут выходит девчонка, а пирожного уже почти нет.

– Чего ты хотел?

– Я... я... пожалуй, потом зайду, – говорит мальчишка, пряча за спиной жалкие остатки былой роскоши.

Из двух неудовлетворенных потребностей он выбрал ту, что находится на более низком уровне пирамиды Маслоу. Соблазн сладкого пирожного оказался сильнее соблазна первого сексуального опыта и последующей похвальбы перед товарищами.

«Но он же ребёнок. А я – взрослый мужик, на плечах кото-

рого семья, – окончательно утвердился в мыслях Ропотов и на всякий случай уже больше не предпринимал попыток поднести картофелину к носу. – Даже вон Серёга – и тот удержался, чтобы не съесть, неужели у меня воли меньше?»

Глава XXXVI

Лена не сразу смогла открыть дверь и впустить в дом мать. Виною тому был её муж: уходя, Ропотов из страха перед теми двумя уголовниками закрыл дверь сразу на два замка, чего раньше они с Леной почти никогда не делали. И если ключ от первого замка был у неё на связке, то второй ключ пришлось долго искать, перерывая всё в ящичках шкафа в прихожей.

Наконец, Лариса Вячеславовна смогла войти, и женщины долго не отпускали друг друга из объятий. Вскоре физическая и эмоциональная усталость дали о себе знать и заставили женщин пройти в комнату и сразу упасть в кровать. Слезы не переставали течь из глаз ни у Лены, ни у её матери.

Придя немного в себя, Лариса Вячеславовна обратила своё внимание на внуков. Те всё ещё лежали укутанные под покрывалами, и перемена в комнате, связанная с внезапным появлением в ней бабушки, нисколько не отразилась на них.

Лариса Вячеславовна стала вытаскивать одного за другим своих драгоценных внуков, обнимать и целовать их, приговаривая сквозь слёзы:

«Детоньки мои, дорогие мои, милые! Как же я по вам со-

скучилась! Уж и не чаяла я вас увидеть живыми. Думала, не доживу, думала, что там с вами, моими внучиками? Живы ли вы, деточки мои?»

Дети не сразу признали бабушку, ведь будучи полусонными и изнеможёнными, все их чувства, все воспоминания были притуплены. И недаром – человеческий организм (а детский здесь не является исключением, скорее, наоборот, ярчайшим примером) в подобном состоянии прекращает активное кровоснабжение тела, как бы переводя его в «сэйф мود» – режим ограниченной функциональности. Отсюда и заторможенность, и снижение остроты мышления.

В этом защитном, экономном режиме обеспечение кровью всех органов сокращается, а между снабжением конечностей и внутренних органов организм всегда делает выбор в пользу вторых. Ведь они же важнее, их нужно сохранить в первую очередь. Именно поэтому, например, у альпинистов, попадавших в передряги на заснеженных горных склонах, зачастую нет пальцев рук и ног. Не потому, что они их вовремя не защитили, не спрятали в тепло. Ведь тепла вокруг нет: остался только один его источник – это бьющееся человеческое сердце. А уже от сердца головной мозг – центр управления всем организмом – направляет насыщенные кислородом кровяные потоки к клеткам жизненно важных органов и по мере ухудшения внешних условий постепенно отключает от снабжения всё остальное. Без кислорода и питательных веществ клетки погибают, и происходит постепенное омертв-

ление тканей. Если вовремя не отторгнуть эти ткани, рано или поздно они отравят весь организм, и тогда неминуемо наступит смерть.

Наконец, справившись со своими эмоциями, Лариса Вячеславовна поведала Лене, как она жила все эти дни и как смогла добраться до дома дочери. Но прежде Лариса Вячеславовна... накормила! своих внуков. И даже Лене досталось бабушкиных гостинцев. Сушки и малиновое варенье из банки пришлось кстати. Ай-да бабушка!

Бабушка есть бабушка. Даже в такие, казалось бы, полные личной и общей трагедии моменты, бабушки продолжают думать и заботиться о своих внуках. Когда-нибудь люди поставят памятник, непременно из чистого золота, такой вот обезличенной бабушке-старушке. Обязательно!

И если матери посвящены тонны литературы, сочинены миллионы песен, сложены миллиарды стихов и сняты сотни тысяч километров киноплёнки, то бабушка, незаслуженно забытая всеми мастерами пера и слова, скромно молчит в сторонке, даже и не помышляя хотя бы о частичке этой славы.

Что такое бабушка в жизни каждого из нас? Это мать наших матерей и наших отцов. Казалось бы, уже этого одного достаточно. Она дала жизнь одному из наших родителей, дав возможность тому состояться в родительском качестве, а значит, появиться на свет и нам. И спасибо ей, низкий поклон. Но на этом поклоны только начинаются. Передав сво-

им детям эстафету, бабушка не идёт почивать на лаврах, она не отстраняется от воспитания внуков. Она берёт на себя все тяготы этого важнейшего процесса формирования личности. Боец невидимого фронта – вот кто она.

«Мама, посиди с ним (или с ней)!» – легко говорим мы, скидывая со своих плеч бремя заботы о нашем чаде на какое-то время. И мы абсолютно уверены, что с ребенком всё будет в порядке. Можно смело идти заниматься своими делами. А он будет накормлен, напоен, вовремя уложен спать, будет в чистоте и сухости, ему будет пропета любимая песенка, прочитана любимая сказка, за время нашего отсутствия он не заболеет, не выпадет из окна, не обольётся кипятком, не обрушит на себя гладильную доску вместе с утюгом. Мы в этом уверены! И вдобавок ко всему этому мы не заплатим ни-че-го. Эта наша абсолютная уверенность не будет нам ничего стоить. «Безвозмездно, то есть даром!», – как говорил один мультипликационный персонаж.

И из таких минут и часов «сидения с ним (с ней)» рождаются годы. Годы, проведенные нами один на один с бабушками. Они – бабушки – исподволь, шёпотом, маленькими шажочками, капля за каплей превращают нас в самостоятельного человека, плавно входящего в жизнь, как в воду по полоному дну. А слава при этом вся достаётся мамам и папам. Ну, ещё бы, они же деньги зарабатывают, чтобы было чем нас кормить... нашим бабушкам, чтобы покупать нам одежду и обувь, которую наденут на нас... опять они – бабушки. Зара-

батывают, чтобы отправлять нас на учёбу, куда будут водить или возить нас всё те же наши бабушки, которые же ещё и будут помогать нам с уроками. Для нас наши родители организуют отдых, куда также тащат за собой и бабушек, чтобы этот отдых не стал для нас бесполезной тратой времени. Для нас же родители покупают, строят или арендуют дачи, где наши бабушки денно и нощно будут приглядывать за нами и учить труду и любви к природе. И ещё много чего наши родители делают для нас – всего и не сосчитать.

А потом уже, когда мы вырастем, когда сами обзаведёмся детьми, а бабушка, отдав нам все свои силы, состарится, начнёт ворчать, привередничать и нести всякую старческую чушь, а после – заболеет и сляжет, нам будет очень удобно... забыть о ней. Пореже навещать её, звонить, помогать, просто сидеть с ней рядом, держать за ослабевшую руку и смотреть в потухающие глаза. В конце концов, можно отдать её в дом престарелых или нанять сиделку, переложив на чужого человека бремя забот о родном. А ещё лучше уехать в другой город или другую страну, погрузиться с головой в собственные проблемы и больше о бабушке вообще не вспоминать, ну, до тех пор, пока она тихо не умрёт и не оставит нам, например, квартирку в наследство.

Нам бы о родителях своих позаботиться: уж им-то мы всем обязаны – вон они сколько для нас сделали... Ну, и конечно же наши дети – смысл нашей жизни. Всё им, детям! Всё! Ну, или почти всё. По крайней мере, наше время точно

не им. Наше время слишком дорого, за него на работе деньги платят. А с детьми и наши родители посидеть могут, безвозмездно. Ведь правда?! Что им стоит?!

А вот как бы не так. Теперь уже так не получится, увы. И вот, почему.

Лариса Вячеславовна относилась к той категории бабушек, которые воспитали несколько поколений наших соотечественников, приложив к этому все свои усилия и, прежде всего, потратив своё время. Но, увы, категория эта уходящая. Следующие поколения бабушек, да уже и большая часть нынешнего, совсем другие. У них уже нет столько свободного времени, чтобы тратить на своих внуков. Они вынуждены работать. Работать, пока позволяет здоровье. Работать, потому что в условиях затянувшегося экономического кризиса пенсии с трудом хватает только на самое необходимое: квартплату, еду и лекарства. После же того, как в стране случилась пенсионная реформа, и эти мизерные деньги нужно отрабатывать ещё пять долгих лет. Вот так пенсия, ставшая ничтожно маленькой и такой не скорой, «убила» напроочь институт бабушек в нашей стране.

Глава XXXVII

«Конец света» в Москве Лариса Вячеславовна встретила, как и большинство москвичей, совершенно неожиданно для себя. Он явился для неё, что называется, как снег на голову.

Так же, как и остальные жители города, первое время она всё ждала, когда же уже дадут свет, когда включат воду и газ и когда, наконец, можно будет созвониться с дочерью. Потом ожидания сменились бессильным гневом, а затем – и довольно быстро – депрессией, апатией и обреченностью.

Отсутствие привычной возможности общаться с Леной и связанная с этим неизвестность в отношении неё и членов её семьи, прежде всего, внуков, доставляли Ларисе Вячеславовне даже большее беспокойство и страх, чем погружение её квартиры в тьму и холод, чем каждый день усиливающиеся жажда и голод.

«Как там Леночка?», «Как там мои крошки Сашенька и Пашенька?» – вот вопросы, которые она себе задавала еже-часно, ежеминутно. Несколько раз она даже порывалась поехать к Лене. Но как? Никакой транспорт вокруг не работал. А идти пешком в такой мороз, пройти ногами полгорода – это было невысказано.

Поначалу она ещё активно общалась со своими соседями. То те зайдут к ней, то она – к ним. Что ни говори, а даже такое простое общение помогает людям выжить в чрезвычайных обстоятельствах. Не зря же заключенные, помещённые в одиночные камеры или штрафные изоляторы, быстро начинают сходить с ума, от чего скоро начинают требовать и даже умолять вернуть их в общие, пусть и переполненные закоренелыми преступниками камеры.

Вскоре и такое общение постепенно прекратилось. Сосе-

ди – близкие ей по возрасту женщины в отсутствии тепла, еды, воды и жизненно необходимых лекарств быстро стали слабеть и умирать, одна за другой; другие же не испытывали к Ларисе Вячеславовне сколько-нибудь тёплых чувств, и предпочитали окончательно сделаться затворниками в своих холодных, медленно убивающих их квартирах. Холод, в первую очередь, а с ним темнота, тишина и голод парализовали волю москвичей, стремление находить контакты, объединяться и сообща искать выход из губительного положения. Будь в Москве сейчас лето, всё было бы иначе. Но генерал Мороз на сей раз был против русских. А может быть, всё дело в них, в русских, и было? И они уже перестали быть русскими как по паспорту, из которого исчез тот самый пресловутый пятый пункт, так и по сути своей? Русский народ в погоне за наживой растерял свою русскость, испустил свой непобедимый русский дух, утратил свою соборность и общинность, своё сострадание и сочувствие к ближнему, своё стремление к справедливости, к всепрощению, к Богу, наконец... Вот генерал – а чем не слуга Господа – его и не признал.

Эх, Мороз, Мороз...

Хорошо ещё, что Лариса Вячеславовна, как хорошая хозяйка, имевшая к тому же опыт позднесоветского накопительства, держала в доме добрый запас продуктов. Это и спасало её теперь.

Зять её, Ропотов, тогда ещё посмеивался над ней:

– Ну, что Вы, Лариславна, в самом деле, как с голодного края приехали, всё скупаєте, складываете, а потом всё это портится, и надо выбрасывать? То жучки у Вас заведутся, то червячки. В магазинах теперь никакого дефицита нет. Что хочешь и когда хочешь – приходи и покупай. Были б только деньги. Ну, а с этим-то у нас всё слава Богу...

– Ну, и что ж, Алёша, – тогда отвечала она, – зато я уверена, что, когда уже не смогу в магазин каждый день ходить, у меня всегда под рукой продукты будут: до тех пор, пока вы мне новые не привезёте.

Ну, а самое главное, то, что она не говорила своему зятю, но что жило с ней с самого её рождения, что пропитало её от макушки головы до кончиков пальцев ног, с тех послевоенных голодных лет и последующих постоянных переездов из гарнизона в гарнизон, где служил её отец, с этого вечного дефицита всего-всего-всего, когда все вокруг только и жили слухами: «завезли-не завезли», «выбросили-не выбросили», «ещё не началось-уже кончилось», «кто крайний?», «за мной не занимать». И это возвращенное в ней качество: долго ждать и быстро бежать, пока есть и ещё не кончилось, а, урвав, потом экономить – было в ней неистребимо. Вот уж точно – «хомо советикус» – это про таких, как она, сказано.

Отсюда и вечный мешок картошки, и его постоянный спутник – мешок моркови-свёклы в коридоре. Нескончаемая сетка лука в шкафчике под мойкой рядом с мусорным ведром. И десяток пакетов муки на полках в кладовке, де-

сяток – макарон, десяток – риса, десяток – гречки. А ещё – почти столько же сахара, соли пара килограммов, кули сушек и сухарей – куда ж без них, большая упаковка спичек. И в довершение ко всему: пыльные горлышки разнокалиберных банок с такими же пыльными оцинкованными крышками: с вареньями и соленьями. Зато всегда есть с чем ехать к внукам! Как волшебный рукав платья царевны-лягушки: как не взмахнёт им Лариса Вячеславовна перед внуками, так всякие яства из него вылетают.

И вот настал момент, «звёздный» час для всего этого продовольственного склада. Чутьё советского человека не подвело Ларису Вячеславовну в конце концов. На всём этом хозяйстве она запросто могла протянуть до начала весны. Проблема была только в том, где брать воду и как её согреть. Но зима в Москве – это не только постоянный холод и морозы, это ещё и снег: когда большой, когда не очень. А в эту зиму чего-чего, а снега природа не пожалела.

Ларисе Вячеславовне и на улицу ходить за снегом не приходилось – его вдоволь было на незастекленном балконе. То же ведь есть преимущества даже и у такого недостатка, как открытый, продуваемый всеми ветрами и осыпаемый всеми осадками балкон.

Она наполнила все свободные ёмкости снегом, и сначала ждала, когда он растает. А потом уже, когда поняла, что тепла в остывшем доме не достаточно, плюнула и на это. Когда приходило время поесть, Лариса Вячеславовна просто

обильно ела снег вприкуску то с сухарями, то с гречкой, то просто с мукой, подолгу всё пережевывая. На ура шла квашеная капуста – просто объедение. Замечательно дело обстояло с морковью: достаточно было её как следует протереть от земли, а чистила Лариса Вячеславовна её ножом только в самом начале «конца света», после чего решила, что это слишком расточительно, – и всего одна морковка наполняла желудочно-кишечный тракт на несколько часов спокойной, лишённой чувства голода жизни. А вот сырая свёкла и картошка требовали умеренности в поедании. Тем не менее, и такая богатая витаминами и клетчаткой пища сильно обогащала рацион одинокой, терпящей лишения женщины.

От соседей Лариса Вячеславовна скрывала наличие у неё таких богатых запасов еды. И даже самым своим близким – почти подружкам – соседкам она не открывала эту свою тайну. Убрав предусмотрительно мешки с овощами из коридора, она расположила их в дальней комнате, завалив тряпьем. Так и на глаза никому не попадутся, да и меньше промёрзнут.

Кладовку же она стала закрывать на ключ и вешать его себе на цепочку с крестиком. Так надёжнее, и всегда знаешь, что он под рукой.

И даже когда соседки Ларисы Вячеславовны стали потихоньку слабеть, а слабея, приходиться к ней с жалобами на сильный голод и мольбами помочь с едой, а потом и вовсе – умирать, Лариса Вячеславовна, глядя в их бегающие по

углам её квартиры глаза, продолжала держать оборону: «У меня и у самой ничего нет, голубушка», глубоко при этом вздыхая и стыдливо отводя взгляд в сторону.

И уже потом, закрывая за соседями дверь на замок, она давала волю эмоциям. Уткнувшись крепко лицом в подушку, Лариса Вячеславовна плакала полным голосом, лишь иногда отрывая лицо от подушки, как делают это профессиональные пловцы, чтобы захватить ртом побольше воздуха, прежде чем снова скрыться с головою в воду.

Поплачет-поплачет, поревёт по-бабьи с причитаниями, покорит себя, а потом поднимется, вытрет последние свои слёзы да посмотрит на фотопортрет своего покойного мужа и снова продолжит решать свои простые повседневные задачи по выживанию. Ибо хорошо понимала Лариса Вячеславовна, что сколь бы ни был человек учтивым и порядочным, а вот как припрёт его жизнь к самой что ни на есть распоследней стенке, так и мать родную продать сможет и ребёнка собственного маленького беззащитного с голодухи съесть, не говоря уже о какой-то там соседке, чтоб только самому живым остаться. Ибо человек есть животное в своем первобытном состоянии. И погруженный снова в это первобытное состояние, он в полной мере проявляет своё животное начало.

А ей надо выжить. Выжить, выжить! И совсем не для себя, а для них – для Лены, для внуков: для Пашеньки и Сашеньки. И запас её продуктов – он тоже для них. Потому что она жила тогда и живёт сейчас только ими и только для

них. Они – смысл её жизни. Они вдохновляют её на каждодневную борьбу и выживание, на жестокую ложь и стальную непоколебимость, на чудеса изобретательности. Не будь их – её родных – у неё, не будь надежды, что они живы и скоро с нею встретятся, открыла бы она сейчас же настежь окна, разделась догола и легла на пол, погружая себя в свой последний сон. И пусть сначала будет холодно, пусть зубы ломаются друг о друга, пусть кости трещат в руках и ногах, пусть крики из груди птицей пойманной вырываются, зато потом и очень скоро – покой и безмятежность. Вечный покой, и Саша, Саша, Саша. Опять с ней, как и прежде. Пусть бестелесный, зато абсолютный, всеобъемлющий, растворяющий её всю в себе без остатка. Саша – везде и всюду, и только с ней, с ней.

Она опять посмотрела на портрет на стене, на Сашин прямой рот и его улыбающиеся глаза.

– Ведь ты же меня не осуждаешь, правда?

– Ну, что ты, моя хорошая?! Ты всё правильно делаешь, не кори себя, – ответили ей его глаза.

Она опять пронзительно стала всматриваться в Сашу, в каждую его чётточку, в зрачки глаз, в уголки рта, в морщинки на лбу, в прядку волос на голове, пытаюсь и пытаюсь выдать из себя хоть одно предложение в его адрес. Но слова, облекаемые в мысли, как и мысли – в слова, никак не выходили. Одна мучительная тишина в голове, пустота. Пронзительная тишина, даже слишком громкая. Хочется о чём-то подумать, что-то выдумать, сформулировать, адресовать

– ан нет, пусто. Ничего. Совсем. Как в её квартире сейчас.

А он всё улыбается своими глазами и как бы спрашивает, не то издеваясь, не то умоляя:

– Ну? Ну? Ну, что ты?! Ну, скажи хоть что-нибудь? Ну?

Она перевела взгляд с портрета на окно. Само окно и предметы перед и за ним, их очертания стали размываться от скопившихся в её глазах слезах. Одна из них вдруг оторвалась и упала на внешнюю сторону ладони. Сухая холодная кожа на ладони, едва почувствовав капельку тепла, сразу же отозвалась: рука дёрнулась. Лариса Вячеславовна опустила голову, чтобы рассмотреть свою чудную руку, и тут же из глаз попадали вниз ещё несколько таких же мокрых и тёплых слёз-горошин.

– Ехать! Во что бы то ни стало нужно ехать! Я нужна им там. А здесь я обречена на смерть. На сумасшествие и смерть. Ехать, Саша, да, ехать!

Глава XXXVIII

Когда Ропотов зашел к себе домой, Лена, дети и Лариса Вячеславовна располагались на большом диване-кровати в ставшей единственной жилой комнате в квартире Ропотовых. Тела Лены и её матери – тёщи Алексея – были полностью, с ногами укрыты одеялами, пледами и верхней одеждой. Непокрытыми оставались только их головы, да и то – условно, так как на головах обеих женщин были шапки. Де-

тей же совсем не было видно среди этой большой кучи тел и тряпья. Вместе с тем их детские силуэты можно было различить по двум «холмикам»: одному побольше, другому – поменьше.

– Алёша, радость-то какая, мама приехала! – выпалила Лена, как только из коридора показался её муж, и тут же заревела, глупая.

Пройдя в комнату, Ропотов не сразу заметил прибавление на диване. После дневного уличного света полумрак подъезда, а затем и комнаты не сразу вернул ему остроту зрения.

– Лёшенька, здравствуй, сынок! – промолвила Лариса Вячеславовна, пытаясь приподняться с дивана. Голос её дрожал, она боролась с захватившими её эмоциями, снова разбуженными плачем Лены.

Алексей бросился к тёще, сдерживая её:

– Ну, что Вы, Лариславна, сидите-сидите, Вам ли сейчас... прыгать?

– Да, это уж точно... Фу, – попыталась перевести дух Лариса Вячеславовна, который из-за всех переживаний внезапно куда-то улетучился.

– Как же Вы очутились-то тут, я уж и не чаял... – начал было Ропотов.

– Алёша, маму сосед довёз, до самого нашего дома, представляешь? – перебила его Лена, не дав также слова и матери.

– Да, – едва вторила ей Лариса Вячеславовна.

– Сосед? – удивился Ропотов.

– Да, Алёш, сосед мой с третьего этажа, Толиком звать. Они уезжать собрались на дачу, а я услышала и напросилась, чтобы они меня сюда привезли.

– Да Вам повезло, Ларисславна! Где же это видано, чтобы кто-то кого-то в наше время сейчас подвозил? Ну, просто удача какая-то... нереальная.

– А и не говори. И сама не верю. Бог мне помог! Сущий Бог на Земле.

– Алёш, представляешь, если бы мы сейчас уехали за мамой? Приехали – а её нет. И нас здесь тоже нет! – заговорила Лена. И тут же повернулась к матери:

– Мы ведь только сегодня утром собирались к тебе, мама!

– Господи, хорошо, что ты задержался-то, – опять обратилась Лена к мужу.

– Да, да, – запричитала Лариса Вячеславовна, – как же хорошо-то, Господи!

Лена продолжала:

– Ой, а что с машиной-то, Лёш? Удалось тебе бензин перелить? Я-то глупая, и спросить забыла на радостях, – печать тревоги проступила на Ленином лице, сменив гримасу радости.

Ропотов тяжело вздохнул и медленно стал сползать на пол, пока не сел, обхватив руками колени.

– Завтра я опять пойду, – он снова выдохнул.

– Случилось что-то? – испуганно прошептала Лена, при-

вставая на локтях так, что задела один из «холмов» на диване.

– Папа, на тебя что, опять собачки напали? – откуда-то из глубины послышался голос Паши.

– Нет никаких собак! Я же говорила вам... Паша!.. Папа их прогнал всех. Ну-ка! – громко и грозно проговорила Лена, повернувшись в сторону ближайшего от неё «холма».

– Лен, а что за собаки-то? – шёпотом стала спрашивать Лариса Вячеславовна.

– Ой, мам, потом давай! Видишь, как они на это...

– Да я... я просто не дошёл до машины, – начал отвечать Ропотов, – там... ну... отвлекли меня просто... пришлось идти в одно место, ну там... помогать знакомому одному, – несвязно стал объяснять Ропотов.

– Знакомому? Ну, ладно, ладно... потом. Главное, что всё в порядке с тобой, слава Богу, что не случилось ничего. Ой, а то я уж перепугалась.

– Да нет, всё нормально, – закрыл тему Алексей, тут же возвращая разговор к предыдущей, более интересной ему теме:

– Лариславна, как дорога вам показалась-то? Что там видно было, из окна машины?

– Ой, Алёша... тяжёлая была дорога, долгая. И ехали медленно, и останавливались мы по пути, и нас останавливали несколько раз. Я уж распереживалась вся. Да и не видно особенно было ничего: окно-то моё всё заиндевело. И сиде-

ла я там вся, как комок нервов, глаза закрыла, молитвы всё читала, уж и не чаяла доехать к вам совсем, а Толик этот уже нервничает, ругается, что связался со мной, что крюк такой... Думала, всё: выбросит он меня вон из своей машины, – последние слова Ларисы Вячеславовны стали тонуть в слезах, так что Лене пришлось прервать её и успокаивать:

– Ну, что ты, мама, ну, успокойся, всё же уже позади.

Она обняла мать нежно за плечи и стала гладить её по голове поверх вязаной шапочки.

– Ну, будет, будет.

Лена стала быстро и сбивчиво говорить за маму:

– Алёша... маму, ну, то есть машину их, ну, этого соседа её, как его, этого Толика, – их останавливали несколько раз военные или полиция... поди там их разбери. Представляешь? Проверяли всё, кто едет и что везет. Смотрели, и в саму машину заглядывали, и багажник просили открыть. Оружие, наверное, искали, что там они ещё могли? И документы они тоже смотрели у этого соседа, водителя. А маму вот и жену его, этого Толика, не просили.

– А я ещё паспорт свой не взяла, дура старая, дома его оставила. Ох...

Ропотов не перебивал никого, пытаясь выстроить в голове всю картину событий.

– Мама, ну, что же ты, как можно сейчас-то?!.. Алёш, мамин сосед, он же маму только за продукты повёз к нам, ты представляешь, за так бы и не стал даже. Их дача вообще в

другом месте. Только за продукты сюда маму и повёз!

Вот сволочь какая! Представляешь?

– Я ему четыре пакета муки отдала и... этого... Господи, как его... риса! – тоже два, – Лариса Владиславовна развела руки, – а ему всё мало, всё торговался со мной. Хорошо, что у меня было всё это. Ты же мне ещё всё говорил тогда: зачем, зачем... Вот зачем! И пригодилось, значит.

– Мамочка, ты у нас молодец, ты – умничка, – Лена снова бросилась целовать мать в лицо.

– Ну, и правильно всё сделали, что согласились отдать, – произнёс Ропотов, громко выдохнув.

– А не окажись вас тут, дома, он бы меня обратно не повёз, никуда бы меня уже не повёз – таков уговор наш был. Он даже ожидать меня не стал: высадил и тут же уехал. Пропадай, как знаешь!

В комнате воцарилась полная тишина. Каждый с ужасом представил, что бы было дальше с мамой.

Тут Лариса Вячеславовна её сама же и прервала:

– А я не с пустыми руками к вам приехала. Чтоб не считали, что я вас объедать буду.

– Мама, как ты можешь?! Ты что, разве мы такое подумали бы?

– Лариславна, ну, что Вы, ей-богу! – возмутился зять.

– Нет, нет, не надо, сейчас другое время, сейчас каждый кусок на вес золота, каждый едок сейчас в тягость... Молчите! Молчите. Я знаю, что я говорю... Наденька моя, сосе-

душка, двадцать лет душа в душу... а я ей ничего, ничегошеньки не дала... Деточкам всё своим берегла... О вас думала. Господи, прости меня! Век грех этот на мне одной будет, Господи! – Лариса Вячеславовна окончательно сбилась на плач, закрывая руками лицо и медленно заваливаясь на руки дочери.

Её никто уже не останавливал. И Ропотов, и Лена понимали, как должно быть горько сейчас этой слабой и одновременно такой сильной женщине, сколько всего пришлось выстрадать ей одной, через что пройти.

Наутро Алексей встал раньше всех. Он уступил своё спальное место тёще, потому сам устроился на ночь в кресле. Поутру спина его болела, ноги скрючило, но это неудобство дало и свой ощутимый плюс: Ропотов проснулся раньше всех. Дорог был каждый час: им всем не терпелось поскорее уехать прочь из города.

Совершив свой привычный утренний моцион и позавтракав на скорую руку двумя горстями пшена и стаканом студеной воды, Ропотов положил в карман брюк привезённую его тёщей морковину и вышел из квартиры.

Первым делом он заглянул в квартиру Никитича, захватил подготовленную днём раньше тару. Спустился вниз. На улице едва рассвело. Звуки скрипучего под его ногами снега ритмично вытесняли со двора звенящую тишину утра. Нигде вокруг него никого не было, отчего ему было как-то не по себе. И эти его шаги: раз-два, раз-два, – казалось, только и

делали, что привлекали всеобщее внимание. Наверняка кто-то сейчас наблюдает за ним, украдкой выглядывая из окна. Пока Ропотов торопливо следовал на автостоянку, периодически оглядываясь по сторонам, его не покидала тревожная мысль:

«Ну, вот: мы все в сборе, машина заведена. Тронемся, выедем за МКАД. Поедем к Кирсанову, разыщем его дачу. А что, если его там нет? Там вообще сейчас никого нет. Окей. Будем долго стучать в дверь, колотить, кричать. Но никто не откроет. Что дальше? Уезжать? Но куда?.. Или ломать дверь, разбивать окно, вламываться? На каком праве? Праве гостя, друга, коллеги? Или праве голодного, гонимого судьбою отца семейства? Чтобы пожить там всей гурьбой? Жечь его дрова, есть их припасы? А потом – рано или поздно он придет. Не он, так его жена, отец, тесть или ещё кто-то из его семьи. Да чёрт знает, кто ещё может приехать. Соседи, в конце концов. И что же они там увидят? Сломанный замок, всё съедено подчистую, кровати заняты, чужие люди прижились тут, уступать не хотят. Чем ни «Маша и три медведя»? Да-а, дела... Чем там, кстати, всё кончилось? Уже и не помню...»

Глава XXXIX

Он медленно снял очки. Аккуратно, чтобы ненароком не сломать, сложил душки. Руки немного дрожали. Потом также медленно положил очки на край кровати.

– Вот и всё, – проговорил он негромко вслух.

Никто его не услышал.

Из глаз сами собой проступили и побежали вниз по холодным щекам одна за другой слёзы. Он закрыл глаза, прислушиваясь к себе. Медленно опустил голову, от чего слёзы перестали течь по щекам; едва проступив в уголках глаз, они тут же срывались с ресниц и падали на постель. Вот и нижняя челюсть тоже стала подрагивать. Тяжёлый прерывистый вдох. Такой же громкий, но резкий выдох. Собраться с мыслями никак не получалось. Он сделал над собой усилие и поднёс к лицу руки. Ладони стали растирать мокрые дорожки, заодно массируя воспалённые от бессонницы глаза. Движения ладоней становились всё быстрее и сильнее, пока он не ощутил тупую боль в глазных яблоках.

Он остановился, убрал руки и ещё раз посмотрел на свою Оксану: её стеклянные глаза были устремлены куда-то вверх, под самый потолок. Рот оставался приоткрытым после её последнего вздоха, оголяя края мелких пожелтевших зубов. Одинокая свеча, что стояла на прикроватном столике, едва освещала мёртвое лицо этой совсем ещё молодой и красивой женщины. Свет от свечи как будто отчаянно боролся с темнотой комнаты: то уступая тени своё место на поверхности лица, то прогоняя её, но ненадолго. Игра света и тени: единственное, что оставалось ещё живым на её лице.

За окном буднично завывал ветер.

Оксана умерла. Её больше не было.

Кирсанов протянул свою дрожащую руку к её лицу и закрыл веки. Потом положил руку ей на лицо, перенёс на него вес ладони. Ладонь соскользнула со лба на волосы, спустилась по волосам на подушку. Милые, родные, так хорошо знакомые ему её волосы. Сколько радости доставляло ему гладить их раньше. Сколько чувственных счастливых минут пережил он, когда они касались своими кончиками его груди. Как же вкусно они всегда пахли, дразня его ноздри, будоража воображение. И как же больно ему сейчас от того, что он снова гладит их. Почему нельзя вернуть время назад? Отчего всё так?

Слёзы опять не преминули появиться на его лице. Не в силах справиться с ними, он уронил свою голову на кровать, подгребая одеяла к себе, закрыл руками и... завыл в хор ветру.

Кирсанова разбудила Наташа. Уже было утро. Он встрепенулся, приподнялся на одной руке, медленно оглянулся. Промаргивая глаза, Кирсанов стал всматриваться в дочь: через месяц с небольшим ей должно исполниться шестнадцать лет, а она уже такая красивая, статная, ну прям как её мать-украинка... покойная.

– Пап, пап! Ты что? Ты так и проспал всю ночь? – её рука тербила его плечо.

Кирсанов очнулся от голоса дочери, окончательно пришёл в себя.

Своими коленями он был на полу, а голова и туловище его

только что были на постели, у изголовья Оксаны. Он ещё раз посмотрел на жену и процедил сквозь зубы:

– Мама умерла.

Наташа ничего не сказала. Она оторвала свою руку от плеча отца, распрямилась и подошла к окну.

Неожиданно для Кирсанова Наташа вдруг тихо запела:

– На заре ты её не буди, на заре она сладко так спит, утро дышит у ней на груди...

Кирсанов резко прервал её:

– Наташа! Мама умерла, ты слышишь?! Она умерла!

Наташа не отвечала и не поворачивалась, продолжая всматриваться в узкую полоску света между портьерами.

Потом вдруг промолвила:

– Светает уже... Пойдёмте завтракать, я очень хочу есть.

Папа, буди маму, идём!

Наташа развернулась и быстро вышла из комнаты мимо Кирсанова. Её отрешённый взгляд в пол, который успел перехватить Кирсанов, ужаснул его.

«Неужели она...», – только и пронеслось у него в голове. – Наташа, подожди! Остановись сейчас же! Наташа!

Кирсанов вскочил на ноги и тут же вскрикнул, схватившись за оба колена: за ночь на холодном полу коленные суставы сильно отекли. Спина тоже порядком не разгибалась.

Преодолевая боль, чуть прихрамывая, он поспешил следом за дочерью в кухню, где та уже пыталась разыскать что-нибудь съестное.

Он молча следил за ней, не отводя глаз от Наташиной головы и рук.

– О, сухарик... Папа, ты будешь сухарик или, может, мама будет, спроси у неё, – Наташа повернулась к отцу, взглянув на него наивными детскими глазами, полными любви и глупой растерянности.

Кирсанов оставался нем, боясь обнаружить лишнее подтверждение своего страшного предположения.

– А что же ты стоишь? Иди за мамой скорее, зови её, мне не терпится поесть!

Кирсанов медленно опустился на табуретку, продолжая всё также смотреть на дочь, не сводя с неё глаз. Лицо его заметно побелело.

– Наташенька, наша мама умерла, она больше не выйдет завтракать, ты меня слышишь? Никогда! – он медленно, но достаточно громко проговорил, выделяя каждое своё слово.

– Папа, я тебя прекрасно слышу. Хорошо. Если она не выйдет к завтраку, давай завтракать без неё, – она по-доброму посмотрела на отца, а под конец даже широко улыбнулась и подошла вплотную к отцу. Потом обняла Кирсанова за голову:

– Главное, что она сейчас не кашляет. Пусть сейчас спит, она так устала, а потом мы все вместе пообедаем.

Она быстро выпустила Кирсанова из своих рук и устремилась греметь посудой, подспудно ища, куда налить воды, чтобы приготовить им чай. Но выходило у неё всё как-то не

очень.

– Господи, за что? – прошептал Кирсанов, роняя голову на плечи.

Всего через неделю, после того, как электричество и тепло батарей покинули окончательно Москву, Оксана заболела. Начиналось всё, как обычная простуда, но, учитывая, что всего полгода назад она переболела тяжёлым воспалением лёгких, у неё случился рецидив. Проверить это не было никакой возможности: больницы и поликлиники стали недоступными, а скорую помощь вызвать было уже нереально. Но высокая температура, сильный кашель и начавшиеся жуткие боли в груди говорили о пневмонии. Антибиотиков в квартире Кирсановых тоже не оказалось, а все ближайшие аптеки были закрыты.

Оксана угасала на глазах. В муках и кашле. Кашле, который выворачивал её как будто на изнанку. Но помочь ей никто не мог. Несчастный её муж не находил себе покоя: всё ходил беспрестанно по квартире взад-вперёд, заламывая руки и сжимая кулаки в бессильной злобе и отчаянии. Дочь Наташа безуспешно бегала по соседям, но ей или не хотели открывать, или сделать это уже было некому, или те, кто всё-таки открывал ей, не мог ничего дать.

Вот и лечили Оксану горячим питьём да мёдом, что ещё оставался у них дома. Ну и жаропонижающим спазмолитиком, который всегда есть в каждой женской сумочке, пока и тот не закончился. Но этого было явно недостаточно. В квар-

тире их к этому времени уже почти закончились продукты, а победить болезнь, пусть даже самую пустяковую, без нормального питания – ой, как сложно. А ещё сложнее, когда всё это время в квартире холодно почти как на улице.

Наташа всё время плакала: так сильно она любила свою мать и так корила себя за то, что ничем не могла облегчить её участь.

– Доченька, Наташа... принеси мне воды, – еле слышно произносила Оксана, только-только успокоившись после затяжной серии кашля. И Наташа стремглав бежала на кухню, где в эмалированной кружке ещё теплилась вода, которую Кирсанов периодически грел на своей походной туристической горелке, по счастью оказавшейся в их доме волею рыбацкого его увлечения.

Три баллончика с газом у них совсем закончились, и Кирсанов с ужасом думал о том, что он будет делать, когда оставшиеся два, один из которых уже был неполным, присоединятся к тем троиц.

Как же хотелось Наташе, каждый раз принося матери столь желанную для той кружку горячей воды, чтобы, выпив её, Оксана сразу же пошла на поправку. Поэтому, забирая из маминых рук уже полупустую кружку, она всегда спрашивала:

– Ну, как, тебе лучше, мамочка?

– Да, моя милая, спасибо тебе, родная, – только и успевала произносить ослабленным голосом Оксана, как тут же её за-

хватывала новая волна убийственного кашля, нестерпимой болью отдающегося как в самой её груди, так и в ушах её несчастной дочери. И эти постоянные стоны и хрипы Оксаны, которая не знала, как ей лежать то на одном, то на другом боку, то на спине: так больно ей было в любом из этих положений. И Наташа как будто сама чувствовала боль матери. Чувствовать боль близкого – разве это не подтверждение подлинной любви?!

А потом уже каждую ночь отец с дочерью стали встречать как последнюю, понимая, что до утра Оксана просто уже может не дожить. Понимали, не сговариваясь о том.

Беспомощность убивает. Когда ты не можешь помочь своему родному, самому близкому тебе человеку, видя, как тают его силы, как с каждой минутой его жизненных сил становится всё меньше и меньше, как утекают они с постоянной скоростью, словно песчинки в перевернутых песочных часах, ты сходишь с ума. И если Бог наградил тебя крепкой нервной системой и устойчивой психикой, ты ещё будешь способен восстановиться после самого страшного: смерти любимого человека. Муки будут беспощадные, вездесущие, боль утраты отодвинет от тебя всё остальное, отбросит все прежние проблемы и тревоги, ты позабудешь обо всём. Но постепенно ты отойдёшь, начнёшь отвлекаться, сначала ненадолго, а потом уже всё чаще и продолжительнее, впервые за долгое время улыбнёшься, потом засмеёшься, а потом вдруг дёрнешь себя за руку: «Господи, как же я

забыл: её же (или его же) больше нет, а я живу и здравствую, и вот уже смеюсь над дурацкой шуткой, мило разговариваю с коллегой по работе, кричу на ребёнка из-за какой-то ерунды. Неужели я забыл, неужели свыкся?»

И вот так человек, словно тот знаменитый дуб Болконского из «Войны и мира», умерший было за зиму, снова, хотя и последним в лесу, обрастает зелёной листвою, звонкими непоседами-птицами, озорными белками, подножными грибами. Человек постепенно возвращается к жизни, а жизнь – к человеку. Но, увы, не всегда. Слабые психически люди, ранимые по жизни, с тонкой душевной организацией, родовой травмой или с дурной наследственностью могут сорваться и уже не подняться, не вернуться к полноценной жизни. Видимо, у таких людей от рождения отсутствует предохранитель – как в электрической цепи. Прошёл большой разряд, предохранителя нет, и, как следствие, электроприбор безнадежно перегорел.

Вот и Наташа Кирсанова перегорела: сошла с ума, не выдержав удара смерти матери. Бедный, бедный Дмитрий...

Глава XL

«Паджера» остановилась. Бензина в баке ещё было много. Хватило бы и на обратную дорогу. Ропотов, не глуша мотор, посмотрел на Лену, сидящую справа от него:

– Здесь, кажется?

– Алёш, я не помню, тогда же лето было.

– Да, тогда всё вокруг по-другому выглядело... О, смотри!

Вон тот дом, помнишь, с красными рамами, ну, зелёный тот.

– А-а, тот? Ну, да, вижу.

– Да-да, этот. Помнишь, я тогда ещё говорил тебе, какой необычный дом. Где ещё увидишь, чтобы рамы оконные красные были? Не коричневые, а именно красные.

Вспомнила?

– Ой, Алёш, ты думаешь, я такое помню?

– Ладно. Главное, что я помню. А вон тот – как раз и есть дом Кирсанова, – с этими словами Ропотов показал рукой на стоявший неподалёку от зеленого с красными рамами дома аккуратный дачный домик Кирсановых.

– Да, похоже, – проговорила, всё ещё сомневаясь, Лена, – подъедем к нему поближе?

– Нет. Придётся здесь выйти, дальше глубоко – можно застрять. Осмотримся, а там видно будет.

Лена обернулась, чтобы посмотреть на заднее сидение. Она хотела было сказать, что приехали, но тут же остановилась, едва начав.

Сзади все спали: и Лариса Вячеславовна, и разместившиеся по обе стороны от неё мальчишки. Лена подумала: пусть ещё поспят, пока они с Алексеем всё, как следует, не выяснят.

До дома Кирсановых было метров шестьдесят, не больше. И если к тому месту, где они остановились, ещё худо-бедно

можно было проехать на внедорожнике, то вот дальше лучше было уже не рисковать.

Ропотов и Лена вышли из машины и аккуратно, чуть слышно, закрыли каждый свою дверь. Машину Ропотов решил не глушить.

Выйдя на снег, Алексей первым делом огляделся по сторонам, подолгу задерживая свой взгляд на окружавших их домах и особенно окнах, которые недружелюбно, как на чужаков, смотрели на них отовсюду.

Тишина... не считая шума мотора. Кругом всё девственно бело. Всё спит.

Вдруг где-то поверх их голов с шумом пролетела лесная птица, учащённо порхая крыльями. Остаток её пути, пока она не скрылась над деревьями, Ропотов провожал глазами.

«Да, видно, потревожили мы её», – такой же птицей пронеслось у него в голове.

Лена тоже посмотрела вслед улетающей птице. На миг её глаза встретились с глазами мужа: и у него такой же взгляд, полный озабоченности и неуверенности в себе.

Кругом был достаточно однообразный пейзаж. Блеклые, торчащие из окружающей белизны дома и домики со свисающими набекрень массивными шапками снега, одинокие прутики и ветвистые коряги садовых деревьев, белые холмы скрытых под ними кустарников. И ни единого свежего следа вокруг: ни машины, ни человека.

– Лен, посмотри, дыма нигде не видно?

– Неа.

– Ладно, ты тогда тут оставайся, на всякий случай. Иди вот сюда! – Ропотов скомандовал Лене. – Стой тут, и если что, прыгай в машину, закрывайся и сигналь. А я к дому пока схожу. Ну, в общем, гляди в оба.

– Ой, Лёш, боюсь я.

– Ну, чего ты боишься? Я же всё время в поле зрения у тебя буду. Если что или если кто к тебе направится, кричи, сигналь, я тут же вернусь.

– Ну, ладно, иди. Только быстрее возвращайся, хорошо?

– Ропотов кивнул и тут же тронулся по направлению к дому Кирсановых. Сделав пару шагов, он остановился и тут же повернул назад.

– Ты что?

– Пожалуй, возьму с собой эту... – Что?

– Ну, там, в багажнике лежит... Как её?.. Фомку! – вспомнил наконец Ропотов.

Порывшись недолго в багажнике и отыскав там нужную ему вещь, он осторожно опустил заднюю дверь, налёг на неё своим весом, и, убедившись, что дверь закрылась, не разбудив при этом никого на заднем сиденье, отправился снова к дому Кирсановых.

Он медленно шёл по целине, с трудом вытаскивая из снега проваливающиеся в него ноги, пока неожиданно для себя не обнаружил, что ноги его стали вести себя по-разному: если левая всё время увязала по колено, то правая перестала это

делать, нет-нет да упираясь во что-то твёрдое, и едва только скрывалась по самую щиколотку. Ропотов не преминул переместиться вправо – теперь уже обе ноги пошли хорошо; ещё правее – и тонуть уже стала одна только правая нога.

«Значит, тут тропа под снегом. Его кто-то утоптал, а потом сверху припорошило, вот следов и невидно. Хотя у нас в городе уже с неделю как снега не было», – рассуждал про себя Ропотов.

И точно, нащупав курс, он пошёл им, почти не проваливаясь под снег. И так – до самой калитки кирсановского участка.

Пока он шёл, то и дело оборачивался назад, и каждый раз Лена подавала ему знак рукой как бы говоря: «Давай-давай, иди, у меня всё хорошо, всё под контролем».

За спиной у Лены да и вообще вокруг не было ни души, и это, с одной стороны, успокаивало Ропотова, с другой, наоборот, настораживало.

Калитка у Кирсановых была низкой, от чего обильно выпавший за зиму снег оставил на поверхности только её верхнюю половину. Вторая же половина, нижняя, была надёжно погребена, пожалуй, теперь уже до самой середины весны. Понятное дело, что разгрести снег, чтобы попасть за калитку, вовсе не потребовалось.

Ропотов легко преодолел эту преграду, просто перешагнув через неё. Теперь до крыльца оставалось не более пятнадцати метров.

Он ещё раз оглянулся на Лену. Сейчас, если он пойдёт дальше, она потеряет его из вида. Лена поняла причину его остановки и снова махнула рукой, на этот раз энергичнее.

Ропотов повернулся лицом к дому и стал всматриваться в окна. Никого. Следов вокруг тоже не было. Но что-то подсказывало ему, что в доме кто-то есть. Он осторожно продолжил ход. Вот и крыльцо: оно так же, как и всё вокруг, замечено снегом. Ропотов поднялся на первую выступающую над уровнем снега ступеньку, смахнул ногой снег. И так – выше. Каждый его подъём сопровождался звонким скрипом снега и лёгким потрескиванием досок. Наконец Ропотов поравнялся с дверью и взялся за ручку. Он повернул и потянул её на себя, но дверь не поддавалась. Тогда он посмотрел в дверную щель возле замочной скважины: между самой дверью и пристенным наличником чётко просматривался язычок, исчезающий при повороте ручки, в то время как защёлки видно не было.

Ропотов стал внимательно оглядывать всю дверную щель и обнаружил повыше замка узкое жало засова-задвижки. Значит, закрыто изнутри. Не мог же Кирсанов, уезжая с дачи в последний раз, не закрыть дверь ключом.

«Интересно», – подумал он, оглядываясь по сторонам.

Других следов, кроме его собственных, нигде вокруг не было, не было и кирсановского «Мустанга» на площадке у забора. Ропотов приложил ухо к дверной щели и стал прислушиваться. Но кроме свистящего через дверь ветра он ни-

чего не услышал. Зато онемевшая кожа его щеки потихоньку стала ощущать тепло, идущее от щели.

«Если бы в доме никого не было, не было бы и разницы температуры там и здесь, – про себя сделал он вывод. – В доме явно кто-то есть и либо ещё не услышал его шагов, либо услышал, но не хочет открывать, либо уже не может».

Ропотов решил обойти вокруг дома и заглянуть во все окна: насколько это будет возможно, и только после этого идти стучать в дверь.

Так как сруб дома стоял на достаточно высоком фундаменте, посмотреть как следует, что скрывалось за окнами, Ропотов не смог. Несмотря на лежащий вокруг снег, Алексей едва дотягивался до нижнего края каждого оконного проема первого этажа. Вернувшись к крыльцу, он, набравшись храбрости, наконец громко и продолжительно постучал.

Как он и опасался, ещё там, в Москве, когда шёл сегодня утром на стоянку, никто ему не ответил. Подождав немного и прислонив ухо к дверной щели, Ропотов постучал снова, на этот раз дольше и сильнее. За дверью опять не было никаких звуков. Тогда он постучал ещё раз и прокричал:

– Дима! Кирсанов! Это я – Ропотов! Слышишь? Открой! Дима! Открой дверь, это я!

На этот раз свои слова он сопровождал стуком стальной фомки. Уж этот-то звук не услышать было невозможно.

Но ему всё так же никто не отвечал. В щели по-прежнему тихо посвистывал одинокий ветер. Ропотов внимательно

оглядел дверь на предмет наличия уязвимых мест для взлома. На первый взгляд, она была достаточно хлипкой. Если подsunуть в щель фомку, можно легко отжать стальной уголок дверной рамы, и тогда засов сам выскочит из планки на противоположной стороне от двери.

Ропотов уже решил было начать отжимать дверь, как подумал, что ему ещё раз стоит пройтись под окнами и постучать на этот раз уже в них.

Когда он безответно простучал половину всех окон на первом этаже, внезапно в следующем окне – стоило ему только занести руку – Ропотов увидел, как одёрнулась занавеска. Следующий миг – и за окном проступил одинокий силуэт.

– Оксана, ты? Это я – Ропотов! Алексей! Узнала? Открой мне!

Тот, кто смотрел на него за окном, через какое-то время исчез за занавеской.

«Ну, слава Богу! Они здесь!» – восторжествовал его разум.

Ропотов побежал к двери и стал с нетерпением стучать в неё. Он в очередной раз приложил к двери ухо. Наконец за дверью послышались чьи-то лёгкие шаги.

– Кто там? – услышал он негромкий женский голос.

– Я это. Ропотов Алексей.

– Алексей?

– Да, да, я. Открывай же!

Через мгновение он услышал лязгающий звук засова, и

дверь распахнулась.

На пороге стояла... Ольга.

Глава ХLI

– Оля?

– Да.

– Как? Как ты здесь оказалась? Я ничего не понимаю!

Изумлённый Ропотов не мог поверить своим глазам: перед ним стояла, вся замотанная в какое-то тряпье, в шапке-ушанке с опущенными ушами, в огромных, явно мужских шерстяных носках Ольга, его Ольга. Как же она изменилась с той их последней встречи! Лицо осунулось, бледное, круги под глазами, впавшие щёки – ни следа былой привлекательности, ни даже намёка на неё. И куда только всё делось?

– Долго рассказывать, Алёша. Давай потом.

– Подожди, а где Дима? Где Оксана, Наташа? Где они все?

– Оксана... она умерла, а Наташа здесь, со мной.

– Не может быть... Господи! А Димка? Что с ним?

– Дмитрия Николаевича увели.

– Кто? – Ропотов развёл руками.

– Я не знаю, Алёш, я не знаю. Они пришли несколько дней назад, уже вечером, когда мы с Наташей легли. В дверь сильно и долго стучали, как ты сейчас. Дмитрий Николаевич не хотел открывать, но потом открыл, и они вошли. Я не знаю, сколько их было, может, четверо, может, больше. Они про-

шлись по всему дому, всё осмотрели, поднимались наверх, я слышала там шаги. Видели нас с Наташей. Потом долго разговаривали о чём-то с Дмитрием Николаевичем, я слышала крики, они громко спорили.

– Его что, били? – Ропотов перебил Ольгу.

– Нет, не думаю.

– А вас, я надеюсь, они не тронули?

– Нет, нет, что ты! Ни я, ни Наташа их не интересовали.

Только Кирсанов... Он потом утром, ещё темно было, заглянул в нашу комнату и сказал, что должен пойти куда-то с нами. Просил нас не беспокоиться, обещал, что скоро придёт, только покажет им что-то и сразу же придёт. Но его до сих пор нет.

Вдруг на небольшом отдалении от дома прозвучал короткий клаксон машины.

«Лена», – Ропотов сразу догадался, вспомнив, что оставил свою семью на дороге.

– Оля, подожди! Там у меня Лена и дети. Я забыл, что они меня ждут... Сейчас приведу их, слышишь? Не запирайся, хорошо?

Ольга кивнула.

Ропотов сбежал с крыльца и поспешил обратно к машине.

«Господи, только бы ничего страшного с ними не произошло!» – эта мысль не оставляла его, пока он не выскочил к калитке, откуда дорога и машина уже были видны.

«Ну, слава Богу, никого!» – первое, что он подумал, ко-

гда увидел, что Лена стоит возле машины рядом с открытой водительской дверью. Никого живого рядом с ней и на горизонте не было.

Уже когда они потом все зашли в дом и перенесли за несколько ходок все вещи, Ропотов подумал, что нужно что-то сделать с машиной, иначе потом он её может уже не увидеть, как совсем недавно было с «Солярисом». Если «Паджеру» невозможно подогнать к дому или хорошенько спрятать, ничего лучше, как снять аккумулятор и забрать его в дом, он не придумал. Можно было бы ещё колёса спустить, но это уже слишком.

Всё время, пока он носил вещи в дом, а делал он это, в основном, один, – Лена только раз смогла составить ему компанию, на большее её сил попросту не хватило, – Ропотов постоянно думал о том, как ему объяснить жене неожиданное для него самого присутствие в доме Ольги. Ведь Лена запросто обвинит его в том, что он всё это намеренно подстроил, лишь бы снова оказаться рядом со своей бывшей любовницей. Его сильно волновала предстоящая встреча двух женщин: какой она будет? Ведь они ни разу не видели друг друга живьём, при этом и у той, и у другой было достаточно поводов ненавидеть – каждой свою соперницу. А теперь им всем троим предстояло какое-то время жить под одной крышей.

Наконец, Ропотов успокоился: коль он не может никак повлиять на неизбежное, проще всего ему в этой ситуации до-

вериться судьбе. Пусть будет так, как будет. Других вариантов ведь у него всё равно нет. Уж как-нибудь всё обойдётся.

Но вот что с Кирсановым? Кто и куда его увёл? И что если они, эти люди, вернуться сюда, но уже без Димы? Вот это вот действительно – проблема. И что он тогда сможет противопоставить силе и напору нескольких наверняка вооружённых мужчин?

Когда Ропотов зашёл в дом с аккумулятором в руке, что далось ему совсем не просто – батарея-то весила никак не меньше двадцати килограммов – ни на что другое, кроме как поставить аккумулятор здесь же, у двери, сил уже не было. Закрыв за собой дверь на засов, он тут же сполз на пол.

В доме было темно: на улице всюю вступал в права ранний мартовский вечер, а других источников света по эту сторону двери не было.

– Алёша, – вдруг он услышал негромкий голос приближающейся к нему Лены, – Алёш, мы кое-как разместились. Мама с детьми легла на кровать... той женщины... А сама она легла вместе с Наташей. Нам с тобой внизу места уже не нашлось. Придется пойти наверх, но, знаешь, там совсем холодно. Алёша, печь в доме давно остыла... Эта женщина... она сказала мне, что не смогла растопить печь после того, как Диму увели. Она мне всё рассказала про Диму и про Оксану тоже рассказала... Бедная Оксана... Бедный Дима... Алёша, растопи печь, пожалуйста. Я знаю, что ты устал, вымотался за день, но без печки мы все околеем. На вот, возьми, съешь,

это немного придаст тебе сил, – Лена протянула мужу что-то, от чего вкусно пахло квашнёй.

– Что это?

– Ешь! Это яблоко мочёное. Дима достал их из погреба, когда ещё был здесь... – она мне сказала. Слушай, какие же они вкусные! Интересно, там ещё осталось? Надо завтра будет сходить посмотреть.

Яблоко и впрямь было необычайно вкусным. Ропотов жадно набросился на него и съел, не оставив ни косточки. По руке его стекал рассол: он быстро и небрежно вытер рот рукой, а руку – о штаны.

Заночевать в нетопленном доме при наличии печки – об этом не могло быть и речи. Ведь Ропотов столько раз представлял себе встречу с этой терракотовой красавицей, пылкой голубушкой. Сколько раз за последние недели она снилась ему, манила к себе своим воображаемым жаром, бередила мысли, дарила надежду. Наконец-то они встретятся!

Он поднялся, преодолевая усталость и по-стариковски крехтя.

Лена продолжила:

– Дрова – там, в комнате, а вот спички у них закончились. Но у нас же были свои?

– Да, конечно. Я брал. Посмотри в красном пакете: там и спички, и свечки должны быть. Неси всё.

Лена пошла на кухню, куда они занесли почти все свои пакеты и узлы, и стала искать тот самый красный пакет,

о котором говорил Алексей. И хотя на ощупь невозможно определить цвет предмета, она, тем не менее, быстро нашла то, что ей было нужно. Пока Лена искала, Ропотов вошёл в нижнюю спальню и стал оглядываться по сторонам, пытаясь разобраться, а заодно вспомнить, где тут что.

В этой просторной спальне-гостиной расположились все остальные обитатели дома. Здесь же, у дальней стены стояла и та самая печь-голландка: предмет гордости хозяина дома и тихой зависти его соседей.

Тёмная комната встретила Ропотова своим едва нагретым, но очень спёртым воздухом, разящим запахом давно не мытых человеческих тел, какой-то несвежей пищи и влажного тряпья. В этой какофонии запахов особенно выделялся резкий запах поношенной обуви, который, очевидно, играл здесь роль первой скрипки.

Ропотов прошёл через всю комнату к печи и прислонился к ней своими озябшими ладонями: она была с ним неучтиво холодна.

– Дрова внизу, – услышал он чей-то шёпот совсем рядом.

От неожиданности Ропотов одёрнул руки. Потом взглянул в темноту, откуда исходил этот звук, отчётливо выделяющийся среди других здесь: сопения сразу нескольких детских носов, а также свистящего и дребезжащего тяжёлого дыхания тёщи. Ропотов перевел взгляд вниз к основанию печки и по очертаниям определил большую корзину, доверху наполненную дровами.

– Это ещё Дмитрий Николаевич принёс, – продолжал шептать голос, в котором он теперь уже без труда узнал Ольгу, – вот только спички у нас закончились, а где ещё взять, я так и не нашла.

– А Наташа, что, не знает, где у них спички могут быть? – совсем тихо спросил Ропотов.

– Наташа... она... – продолжила шептать Ольга, но вдруг осеклась.

В это время взвизгнула дверь, и в комнату, скрипя половицами, вошла Лена.

– Вот возьми, – Лена протянула мужу коробок спичек и пару чайных свечек.

– О! То, что надо, спасибо. Сейчас пойдёт дело.

Ропотов, всё так же кряхтя, сел на пол перед печкой, открыл большую дверцу и дверцу поддувала и стал неторопливо извлекать из топки и складывать на пол одно за другим огромные, почерневшие от копоти поленья, от которых исходил сильный и резкий запах гари. Здесь же были и куски несгоревшей газетной бумаги, и обильно сыпящийся с них пепел.

– Это кто же такими оковалками-то растапливает? – Ропотов неодобрительно помотал головой.

На этот раз Ольга не стала ничего отвечать, даже шёпотом. И дело было вовсе не в том, что это именно она неправильно растапливала печь, истратив при этом все спички и изведя все растопочные газеты, что были в доме. Присутствие Лены

сейчас сильно её стесняло. Молчала и Лена, хотя ответа на этот вопрос она наверняка не знала, но строить вслух свои предположения на этот счет, да ещё при Ольге, ей совершенно не хотелось. Да и какое, в сущности, это имело сейчас значение? Печь нужно было поскорее растопить, а что там ворчал себе под нос её муж, и кто не так что-то там сделал, было глубоко вторично.

Ропотову вдруг вспомнилась подходящая случаю фраза, брошенная одним из героев книги Спиридонова, на которой он как раз остановился, не прочитав и пятидесяти страниц «Доктора Живаго». И он с явным удовольствием, что хоть что-то из этой книги у него осталось в голове, сейчас же её произнёс вслух:

– Печку топить – это вам не на рояле играть. Надо поучиться!

Разумеется, никто в комнате не смог оценить его великолепную память и находчивость. И одна лишь тишина поддержала его разговор.

Огонь в печи быстро занялся, как только дрова были переложены по всем правилам. Маленькую чайную свечу Ропотов положил прямо на решетку колосника, зажёл её с одной спички и стал аккуратно обкладывать со всех сторон дровами: сначала тонкими, а поверх них – уже более массивными. Первое время Алексей не закрывал топочную дверцу, прикрыв лишь, и то наполовину, дверцу зольника. От этого комната стала наполняться приятным глазу жёлтым, нервно

дрожащим светом. Частые потрескивания дров, иногда даже слишком громкие, никого не беспокоили. Спавшие в комнате, услышав было во сне эти звуки, на миг просыпались, но, завидев неподвижную картинку опустившейся в тишину ночи комнаты и успокаивающие отблески и тени отражающегося на стенах и потолке молча играющего огня, тут же засыпали вновь. Другие же, как, например, самый маленький – Паша и самая отрешённая от проблем этого мира – Наташа, спали, не шелохнувшись. Вероятно, в это время им снилось что-то очень хорошее, наверное, из прошлой беззаботной жизни.

Лена сидела на стуле рядом с Алексеем. Они оба: она, сидя, и он, развалившись на полу и опершись лишь на один локоть, – замороженные, смотрели в топку, скорее даже сквозь неё.

Жар от открытого огня стал быстро распространяться по комнате, но те, кто располагался к очагу ближе всех и к тому же не спал, Ольга и чета Ропотовых – были просто очарованы этим незамысловатым действием. Подумаешь, огонь в топке горит! Но что это такое для людей, которые почти весь последний месяц только и думали, чем обогреть своё тело, где приготовить пищу и как спасти от холода своих близких? Теперь этот огонь воплощал для них саму жизнь, надежду и победу, самоё их будущее.

– Вот теперь я по-настоящему понимаю цену подвига Прометея, – чуть слышно проговорил Ропотов, всё также

глядя в задумчивости сквозь языки пламени.

Никто не поддержал Алексея словом, хотя обе женщины прекрасно слышали, что он сказал, и также прекрасно знали упомянутого им древнегреческого героя, ценою собственной жизни подарившего людям огонь. Но эта его фраза не была обращена ни к кому конкретно, а продолжать, пусть даже и такую позднюю беседу (в присутствии глубоко неприятного тебе человека), не хотела ни Лена, ни Ольга.

По мере разгорания печи и подбрасывания в её жерло всё новых и новых поленьев дров, в комнате становилось жарче. Лена стала раздевать детей; они, сонные, поднимались, как зомби, негромко бормотали что-то, послушно поднимали вверх руки, когда она стягивала с них одежду, и тут же валились без памяти на кровать. Вскоре и бабушку Ларису, и лежавшую у стенки Наташу становившийся всё более навязчивым печной жар также заставил избавиться от лишних одеяний.

Заполнив топку этой и ещё одной корзиной дров, для чего пришлось выходить во двор, Ропотов, наконец, объявил, что на сегодня достаточно.

Всё это время Лена, чьё спальное место, как и место её мужа, было определено на верхнем этаже дома, как могла, боролась со сном. Но она даже и не помышляла о том, чтобы идти спать. Перспектива оставить, пусть даже на несколько минут, своего мужа наедине с его бывшей любовницей, пусть та даже сейчас и отвернулась, и спит, хотя может быть,

только делает вид, что спит и только и ждёт её ухода, была для Лены неприемлемой. Этого она не могла допустить ни в коем случае. Оттого и продолжала Лена елозить на опостылевшем ей скрипучем стуле, клевать то и дело носом и мучиться от жара, ставшего уже нестерпимо сильным.

Но никому не устоять перед силой стихии! Снимая с себя один за одним предметы одежды – впервые за долгое время, Лена стала явственным образом ощущать запах своего давно немытого тела. С каждой минутой это ощущение росло, а вместе с ним росло и её осознание собственной ущербности: ведь не только Алексей, но и её соперница наверняка тоже чувствует исходящую от Лены эту гадкую вонь, совершенно несовместимую с образом молодой красивой женщины, чувствует и в тайне ликует от собственного превосходства. От самой-то вон как мылом и свежестью пахнет!

Вот почему слова мужа о завершении топки Лена восприняла как спасение. Она тут же поднялась со своего места, при этом не переставая приюхиваться к себе с хорошо скрываемым от других отвращением, подошла к соседней кровати, где спали её дети и мать, и поправила одеяло у Саши, хотя особой нужды в этом и не было. Поцеловав сына в лобик, и убедившись, что её муж действительно уходит, она незамедлительно проследовала за ним.

Поднявшись вместе в тёмную холодную комнату наверху, они уже ни о чем не беспокоились, настолько глубоко жар проник в их тела. Лена сразу рухнула в неразобранную по-

стель большой двуспальной кровати, куда следом за ней упал без сил и Ропотов. Тепло от горячей печной трубы в изголовье кровати давало им надежду, что до самого утра, когда снова нужно будет затопить печь, они уже не замёрзнут.

Лена заснула сразу, как только накрылась тяжёлым колючим одеялом, пахнувшим холодной сыростью. А вот Алексей ещё долго, несмотря на усталость, не мог заснуть, всё прокручивая и прокручивая перед собой, как старую черно-белую киноплёнку, картину сегодняшней дороги. Глаза его были закрыты, но от этого было не легче. Яркие объемные проблески равнины полей среди бегущей на него мглы, деревья, выступающие из неё и расходящиеся по обе стороны в самый последний момент, но тянущие к нему, словно руки, свои скрюченные колючие ветки, – он как будто всё время пытается увернуться от них, а они всё ниже и ниже, всё длиннее и толще. И среди всего этого – неожиданные вспышки слепящего света от фар военных машин на блокпостах, маячки на их крышах: ших-ших-ших, звуки сирен и металлические неразборчивые, но несущие в себе опасность голоса из громкоговорителей. И ещё – эта прерывистая полоса разметки, кое-где проступающая из-под укатанного снега: вот она, вот, и вот опять, и снова пропала.

И вдруг среди всех этих пейзажей: он, проступающий и постепенно закрывающий собой всё поле зрения, молча смотрящий на него своими пустыми чёрными глазницами с такими же чёрными кровоподтёками из них. Вот-вот подни-

мет руку, ту самую свою ушибленную – об голову мальчишки с красками – руку, и погрозит им пальцем.

Ропотова передёрнуло. Этот кошмар, наверное, ещё долго будет его преследовать: тот самый полицейский лейтенант, единственный, кто провожал их сегодня, когда они покидали свой квартал.

Лена тогда, первой увидев его, вскрикнула и тут же отвернулась, зажмурившись что было сил и извергая звуки своего нутра сквозь намертво сжатые зубы. А он не отвернулся, не смог – ужас заворожил его, запечатлев в памяти то, что лучше никому не видеть.

Лейтенант появился неожиданно за поворотом. Босые синие ноги, брюки с лампасами, разорванная гимнастёрка, распухший язык и страшная, как сама смерть, табличка с надписью: «МЕНТ». Лейтенанта повесили за горло на суку старого дерева. Дерево было таким старым, что, наверное, чего только не повидало за свой длинный век. Но эта ноша даже для него была слишком невыносимой. И если бы дерево и могло говорить, то первое, что оно сказало бы людям, потом пришедшим снять тело несчастного полицейского: «Спилите меня!»

Глава XLII

Когда жена умерла, а дочь покинул разум, у Кирсанова быстро опустились руки. Он подолгу лежал на кровати, уста-

вившись в одну точку на стене. Чувство голода стало постепенно пропадать, а вместе с ним и другие чувства ослабежали в нём. Хаотичные были мысли сменились пустотой, а пелена прочно опустилась на взор, безнадежно помутнив его. Смысла жить и бороться больше не было. Кирсанов угасал. Дни его были сочтены.

Пока его не спасла... Ольга.

Однажды днём кто-то постучал в дверь.

Открыла Наташа – сам Кирсанов даже не пошевелинулся, даже бровью не повёл – настолько ему было всё равно, кто там стучит.

На пороге стояла она. Как только дверь отворилась, Ольга упала без сил на руки изумлённой Наташе.

Ольга шла к Кирсановым целый день: с утра до вечерних сумерек. По снегу, по морозу, по безжизненному, полному опасности городу. Без карты, без навигатора – по одному только наитию, ну и по надписям на домах, конечно же. Как такое возможно для девушки, которая и в трёх соснах раньше умудрялась заблудиться, одному Богу известно.

Родители Ольги, с которыми она жила с самого своего рожденья в двухкомнатной квартире семиэтажной «сталинки» в Чапаевском переулке, умерли один за другим от голода и холода. Погоревав пару дней, Ольга решила, что она – следующая, если только не уйдет из своего дома, превратившегося теперь в мавзолей. Ничто уже не было ей дорого в её собственном доме. Напротив, дом стал её страшить, как

будто сама смерть прописалась здесь и только ждёт, чтобы протянуть к ней свои костлявые лапы.

Идти было решительно некуда. Родственники по отцу жили в Таганроге, попасть куда теперь было немислимо, у мамы же в её родной Москве никого не осталось. Вот и оставалось Ольге, что искать спасения у знакомых. Но кто мог приютить её сейчас

Первый, кто пришёл ей в голову, – Кирсанов. Ольга раньше уже была дома у своего начальника, познакомилась с его женой и дочерью: в прошлом году Дмитрий Николаевич приглашал Ольгу на свой день рождения, и она с радостью согласилась. Памятуя о разрыве Ольги с Ропотовым и желая как-то поддержать свою воспитанницу, Кирсанов тогда пригласил к себе именно её, а не своего закадычного друга, с которым он отпраздновал день своего рождения в ближайшую пятницу на работе, вместе со всеми сослуживцами. Ольга тогда ещё первой ушла домой, избегая общения с Алексеем.

Но в тот ещё первый, домашний праздник Ольге были все очень рады. Она быстро нашла общий язык с Оксаной и особенно с Наташей. Семейное торжество сделало их ближе. Разница почти в двадцать лет позволяла Кирсанову по-отечески относиться к Ольге, а ей, в свою очередь, принимать эту заботу как должное, нисколько не опасаясь какого-либо подвоха с его стороны.

Вот почему Ольга, оказавшись в экстремальной для себя ситуации, одна в пустой холодной квартире с умершими ро-

дителями, не раздумывая, решила на такое отчаянное путешествие: с Сокола на Юго-Западную, где жили Кирсановы. Решилась и ни разу об этом не пожалела.

Чудесное появление Ольги в их доме, её слабость, беспомощность и бесчувствие, необходимость проявления заботы и участия в её судьбе вывели Кирсанова из того состояния апатии и безразличия, в которое он вверг себя сам после смерти любимой жены, растопили его, казалось, навсегда замёрзшее сердце.

Ещё одно слабое существо, – но теперь уже, в отличие от Наташи, – всё понимающее и принимающее, и также нуждающееся в его защите, пересилило в Кирсанове желание поскорее покинуть этот мир и воссоединиться с Оксаной; стало тем камушком на его весах, который всё окончательно перевесил. Кирсанов очнулся, прозрел, словно только и ждал этого.

И вот уже в его сознании рождается план: бежать прочь из этого проклятого города на дачу, где можно согреться и найти съестное, а значит, снова вернуться к жизни и обрести в ней цель. Ровно та же самая мысль, что чуть ранее пришла в голову его другу Ропотову, ровно то, о чём Кирсанов даже не помышлял всего несколько дней назад, пока прикованной к постели была его Оксана. Пока ещё теплилась надежда спасти её здесь, в Москве.

Недолго думая и без лишних хлопот, они выехали. Старина «Мустанг» не подвёл, сдюжил. До самой дачи они ехали

практически без остановок: ну, если не считать два блокпоста при въезде на Ленинский проспект и перед самой Кольцевой. Симферополька была свободна. Редкие машины следовали тем же курсом: прочь из пахнувшей смертью Москвы. В обратную же сторону кроме двух колонн военной техники, пожалуй, больше никто и не спешил. Скорость по шоссе была низкой: разогнаться не давал снег, который никто не убирал, а потока машин было явно недостаточно, чтобы его раскатать и разбросать по сторонам.

Первые три дня, что они обживали зимнюю дачу, Кирсанов беспрестанно топил печь. Продукты в погребе: картофель, морковь и свёкла – то, что в избытке уродилось на участке летом, и что не было уже никакой возможности перевезти в Москву, находились в удовлетворительном состоянии, почти без гнили. Великолепными были мочёные яблоки; как свежесваренное – варенье в банках, числом более десятка. Таким образом, проблема с едой решилась сама собой.

Горячая вода перестала казаться драгоценной: чистейшего снега вокруг было море. Наличие в печи удачно предусмотренного проёма под чугунную плиту сделало процесс кипячения воды только лишь вопросом времени. Уже на второй день дачной жизни Кирсанов устроил своим девочкам баню. Они мылись здесь же, в комнате с печкой, стоя ногами каждая в своём тазу и поочередно зачерпывая ковшиком воду из больших вёдер, доверху наполненных согретой, а затем

разбавленной воды.

Слыша за дверью задорный девичий смех, Кирсанов даже подумал, что к его дочери снова возвращается разум. По крайней мере, нужно выждать время, чтобы убедиться в этом наверняка. И как же здорово, что с ними сейчас Ольга! Даст Бог, и она вытянет за собой Наташу. Дай-то Бог!

На четвёртый день идиллия кончилась. К ним пришли. Вечером, когда они уже стали ложиться. Видно, те, кто пришёл, увидели свет в их окнах, почуяли печной дым, увидели следы и расчищенную от снега машину недалеко от дома.

Кирсанов не хотел открывать: думал, дверь уберезёт. Но куда там! Их было много, а он – один.

Кто это был? Кирсанов не сразу разобрал: сначала думал, пришли поживиться. Отнять у него его девочек, забрать машину и еду. А может, даже выгнать их на улицу, обрекая тем самым на быструю, но лютую смерть. Но оказалось, что они пришли только за ним одним.

Это были повстанцы: по крайней мере, так они себя называли. Четверо взрослых мужчин и один подросток. Они искали тех, кто мог провести их к секретной ветке метро на территории военной части Алачково, что располагалась среди леса, в пяти километрах от дачного кооператива. Здесь когда-то давали участки бывшим военным и прочим разномастным силовикам-отставникам. Многие из них знали о существовании метро, кто-то даже его обслуживал раньше. Очевидно, это знали и «повстанцы», точнее, разведотряд,

вломившийся в дом к Кирсанову. Им нужен был проводник. Тот, кто отведёт их туда, расскажет, как проникнуть внутрь, как обезоружить охрану, если она вообще там была, как запустить состав и направить его в самое сердце Москвы: туда, где не ждёт их тот, кто утверждает, что его невозможно убить, кто думает, что будет жить и править вечно, – Президент.

«Повстанцам» повезло: Кирсанов как раз и являлся тем, кто им был нужен. Дело в том, что отец Кирсанова был военным, служил в Алачковском гарнизоне и целых десять лет проработал на той секретной станции. По выходе на пенсию за долгую безупречную службу начальство наградило его шестью сотками в дачном кооперативе, организованном недалеко от самой военной части. Вот почему ещё мальчишкой Дима частенько бывал, хоть это и было запрещено, у отца на работе. Знал там всё и кое-что ещё не забыл.

Кирсанов долго отрицал свою причастность к метро в Алачково. Разводил руками, говорил, что первый раз об этом слышит, что никакого метро здесь и в помине нет. И ему уже почти поверили. Но потом в нём произошёл надлом.

Одного из тех пятерых звали Архипов. Он так и представился Кирсанову, по фамилии. Возраста они были одинакового. Такой же комплекции и почти такого же роста. И, как оказалось, была у Архипова большая сила убеждения. Потому что хорошо умел он это делать, потому что основывалась эта сила на глубоких знаниях и искренней вере в чистые,

светлые идеалы, за которые, почитал Архипов, и не грех было умереть.

Глава XLIII

– Ты знаешь, Дима, а мне не жалко москвичей. Совсем не жалко.

– Как? Детей и стариков тебе не жалко?

– Ну, детей, конечно же, жалко, они расплачиваются за грехи взрослых. А вот самих взрослых, да и, пожалуй, стариков – нет.

Кирсанов недоуменно смотрел на Архипова.

– Москвичи достойны своей участи. Это им – кара Господня!

– Это как же тебя понимать? Что они, москвичи – я, вот, например, моя жена покойная, дочь, от горя обезумевшая, – что мы все такого совершили, что теперь должны нести за это справедливое, по-твоему, наказание? Что?

– Что-что? Вы молчали! Вы знали всё, но молчали и делали вид, что всё правильно, что так и должно быть.

– Да о чём ты вообще? Что мы знали? О чём молчали?

– О несправедливости. О горе, о нищете, о слёзах, о мольбах. Вы здесь в благополучии купались, пока вся Россия, униженная и оскорблённая, изнасилованная в извращённой форме оплачивала вам, москвичам, ваше грёбаное благополучие. Вот теперь и платите за это! Голодом и холодом,

нищетой и слезами. Как говорится, грейс-период кончился. Пришла пора платить по счетам, да по ставкам повышенным.

– Ты что?! Какие унижения и изнасилования, да о чём ты вообще?! Кого я-то насиловал, по-твоему? – Кирсанов усмехнулся, всё так же негодуя.

– А ты разве не знаешь, что Москва на протяжении всех последних лет, да что лет – столетий! только и делала, что грабила всю Россию? Ха-ха-ха! Мне смешно... А последние годы, лет двадцать как, вообще хер ей без соли оставляла только. Москва – это огромный клещ на теле России. Паразитище! Все соки уже высосал. Клещ растёт, а организм чахнет... Да раскрой ты глаза, Дима, полстраны вымерло, опустело, пока вам тут плитку по два раза в год перекладывали, пока фейерверки в небо каждый месяц пуляли, пока вы в ресторанах жрали-пили... Сволочи вы бессовестные... Ну а теперь вот получайте!

– И за что ты только так москвичей ненавидишь-то? Мы же на одном языке разговариваем, у нас же прадеды общие.

– Вот за это всё и ненавижим... мы – вас. За то, что вы, сраные москвичи, кичащиеся своей принадлежностью к этому... грёбаному Вавилону, забыли о своих прадедах, о корнях своих забыли, о том, что ещё вчера жили с нами в одних городах: в Пензе, Твери, Смоленске, Рязани, Самаре, Казани, в Урюпинске, наконец, в Мухосранске, Задрюченске и прочих Куевых-Кукуевых. Вы сбежали оттуда сюда и сразу же забыли свои города и посёлки, свои погосты, своих остав-

ленных там стариков, своих друзей-товарищей, и вам плевать на то, что там с ними... что с нами. Плевать!.. Вы же теперь москвичи! Столица! Нос задрали... Элита, бл...дь... Белая кость... Соль земли... А все, кто не смог или не захотел сбежать, по-вашему, – неудачники и нищелюбы... о! лузеры, как вы любите говорить, – лицо его перекосилось кривой усмешкой, щёки зарделись, а глаза налились кровью.

– И что же ты считаешь, что мы, когда сюда прибежали, должны были делать? А? Вам, что ли, деньги свои пересылать? Заработанные здесь, кровью и потом... свои кровные... вам, что ли?

– Да нет же!.. Вы должны были бороться отсюда за нас, которые там, в провинции, чтобы и у нас жизнь тоже налаживалась. Чтобы и нам деньги... такие же наши кровные, такие же кровью и потом заработанные... чтобы они у нас оставались, а не вора́м кремлёвским и вашим московским всё уходило. Пойми ты, они, ворьё это при власти, они всю систему так под себя выстроили, чтобы народ в России «по закону» грабить, а деньги эти, наши, народные, у нас отнятые, вагонами за границу вывозить, яхты и замки себе, своим детям и своей челяди покупать. А остальным здесь – хрен! Подачки одни... У нас вон – почти уже все школы, все больницы закрывали, заводы и фабрики в аренду торгашам сдали, зарплаты и пенсии платят только чтобы с голоду мы все сразу не подошли, продукты в магазинах – это отравка сплошная, так и то старики по помойкам за ней шарятся, друг другу глотки

перегрызть готовы... А свою жратву, экологически чистую, не смей растить, да и не на что, никаких денег на это не хватит, вконец уже не выгодно. А попробуешь рыбу ловить или грибы, валежник в лесу собирать, так штрафищами замордуют, чтобы не повадно было в другой раз ходить... Дожили! Как при царе и помещиках, ей-богу!.. Зато вокруг нас свалки мусорные, как на дрожжах, растут. Причём, мусор всё больше ваш, московский. Потому что вам уже свой мусор девать некуда. Блин, вы Подмосковьё своё всё засрали, теперь нам его везёте. Чтоб мы дышали дымом ядовитым, чтоб стоки эти мусорные наши реки и озёра отравляли, из которых мы пьём, чтоб дети наши болели, а взрослые от рака преждевременно умирали... А кто чуть голову поднимет против – на! получи, сука! не высывайся. По телеку: ложь с пропагандой, как елей, растекаются, блядство одно да чушь собачью круглые сутки крутят. Чтобы только не думали люди о несправедливости всей этой, что одним – всё, а другим, которые, почитай, вся Россия, – хрен. Чтобы дураками мы становились, и вопросы не задавали. Водку и наркоту ещё нам – на! жри, бл...дь! чтобы передохли вы побыстрее, а дети ваши дебилами родились, а ещё лучше, чтобы и не родились вовсе... Территория от нас чтобы поскорее освободилась, и китайцам её чтобы потом проще сдать было, вычищенную от населения... Чтоб лес наш весь они под корень, чтоб рыбу и зверьё всё переловили, чтоб поля своей вонючей соей засадили... – он замолк, едва сдерживаясь, его трясло, – ненави-

жу их, сук продажных... и Иуду этого, сладкоголового, больше всех, чтоб он сдох, тварь!

Кирсанов молча смотрел на него.

Через полминуты, отдышавшись, Архипов продолжил:

– А вам, москвичам, – самые большие подачки: зарплатку побольше, инфраструктурку получше, празднички всякие: хошь тебе День варенья, хошь – День печенья, лампочки всюду разноцветные, иллюминация, салюты, дороги, тротуары, парки и прочие тридцать три удовольствия. Натте! Жрите! Чтоб вам всё до лампочки этой светодиодной и было, чтобы довольные вы были и счастливые, чтобы радовались всё время херне этой папуасской и в ладоши хлопали, что вам так выгорело, подвезло, подфартило в жизни... Вместо того, чтобы гнать их, сволочей... чтобы свергать власть эту поганую, воровскую! Чтобы вместе с нами на вилы этих мразей сажать, крохоборов... чтобы кишки им пускать... Да вы даже на улицу боялись выходить, протестовать. Да что там боялись: вас же всё устраивало, чего бояться, чего протестовать-то? – он засмеялся в голос.

Не встретив никакого сопротивления Кирсанова, гневный словесный поток забил с новой силой:

– Страна погибает, а вам, москвичам, по херу... Вот только теперь и вы погибаете... Похмелье прошло, пелена с глаз пала... И поделом вам... И спасти-то вас уже никто не хочет... Да и некому... Что, нечего сказать-то? – он опять зло заулыбался и тут же, сменив злобу на укор и сбавив немного

тон, приблизился к Кирсанову:

– Да вы просто знать ничего не хотели, пока нас там, как клопов, как клещей травили. Правду знать не хотели. Глаза свои открыть, затычки из ушей вытащить... Боялись признаваться себе в том, что преступления великие вокруг вас и при вашем попустительстве и молчаливом согласии совершаются. Перед народом всем русским, многонациональным, перед Россией-матушкой, да и перед вами же самими и вашими детьми и внуками, и всеми будущими поколениями. И всё, что я тебе сейчас наговорил, ведь ты же это знал, догадывался, хотя бы, ну, не совсем же в пустыне ты, Димка, живешь, наверняка же есть у тебя и родственники, и друзья в России. Не в Москве – в России! Наверняка же есть. Да и не только ж ты телевизор на первой-второй кнопке смотришь, наверняка и Интернетом иногда пользуешься... А там-то ведь всё по-другому, сам знаешь. Там вся картинка перевёрнутая, с головы на ноги. Криком она кричит, белугой ревёт: «Только взгляни, только услышь меня, морду сразу не отворачивай!» И всё привычное «белое» чёрным показывает, а «чёрное» – наоборот белым, – он стал качать своей головой, всё глубже и глубже заглядывая в глаза Кирсанову, – как там говорится-то? Имеющий глаза да увидит, имеющий уши да услышит... Такие, брат, дела... Аль не так? Аль не прав я?

Кирсанов, поймав на себе этот его пронзительный взгляд, сам стал пристально смотреть ему навстречу, не отворачива-

ьясь, но и всё так же не издавая ни единого слова.

– Ты знаешь, Дима, – Архипов сделал паузу. – Ты, наверное, знаешь, что немецкие женщины очень пострадали после войны. Старики их, дети и особенно – женщины. Скольких их там поубивали, когда гнали с Польши, Чехословакии, с Пруссии Восточной, где Калининград наш теперь, Кёнигсберг бывший. Почти два миллиона одних только погибших беженцев было. А сколько женщин этих – когда их гнали, да и тех, что в самой Германии жили, – безнаказанно били, грабили, унижали, насиловали. И наши солдаты, и американские, французские, польские, английские. Вот досталось-то им... по полной. Хлебнули, как говорится, горяшка... Жалко их? Солдатам тем, что по земле своей разорённой шли – нет, ни сколько! А нам – их внукам и правнукам уже жалко, конечно. Что ж у нас сердце из камня, что ли?.. А с другой стороны, если посмотреть, если подумать хорошенько? Ведь они же, эти женщины, они же жили там всё это время, пока вокруг них всё полыхало. Любили своих мужей, которые наши деревни в это же самое время жгли вместе с жителями или концлагеря охраняли, писали им трогательные письма на фронт, спали с ними, когда те были дома, рожали от них детей, отдавали их потом в гитлерюгенды, сами «хайль гитлер» до умопомрачения кричали, до хрипоты, до звёздочек в глазах. Батрачек, угнанных с нашей страны, плетьюми били. На пикники ездили за город, сосиски с пивом под пластинки с песнями и маршами жрали. А за го-

родом – ой! надо же... концлагерь с колючкой, где даже видно, как евреев и цыган, как русских военнопленных каждый день сотнями, тысячами в вагонах, как скот, привозят, разгружают, как голодом, холодом и непосильной работой морят, газом травят, а трупы потом жгут так, что пепел на головы их немецкие, бабьи отовсюду сыплется... А они после этого: «Мы же не знали, не ведали. За что же нас так?»... Их потом, немок-то, на экскурсии под конвоем в эти лагеря водили, носом, так сказать, в дерьмо всё это тыкали: вот, смотрите, сучки, что ваш Гитлер сделал, что ваши мужья, отцы и братья – его подручные – натворили, исполняя приказы его... Не знали они!.. Не верю! Знали и прекрасно всё понимали. Но признаться себе в этом боялись, пошевелиться просто, слово против сказать, выйти к магистрату, дорогу перекрыть танкам и колоннам боялись, эшелонам смерти с узниками. Почему? Да потому что сосиски... потому что пиво... Ведь он, Гитлер, тоже не с крематориев начинал. Он же тем Гитлером, которым мы его знаем, этим чудовищем, не сразу стал. Сначала автобаны, заводы, работу, твёрдую марку дал людям. Людям, прошедшим войну, послевоенную разруху и гиперинфляцию, и версальское унижение тоже прошедшим. Он ведь Германию «с колен поднял» и «снова сделал великой». И они приветствовали его и всё это. Зигами приветствовали, хайлями и всем сердцем своим: спаситель, благодетель, отец родной, фюрер... А заодно приветствовали и то, как пёстрое разнообразие и многоголосье в Рейхстаге смени-

лось на серое единообразие и единомыслие, голосующее по команде всегда только «за». А потом и «хрустальную ночь» приветствовали, и избиения, похищения, а потом и аресты всех несогласных. А это тысячи арестов, десятки тысяч, сотни... Ну, а потом уже и аншлюс Австрии на всенародном референдуме все, как один, разумеется, поддержали. А потом и аннексию Судетской области в едином порыве приняли: как же, там же наши немцы живут, а их там, у! эти проклятые, как их там... чехи! обижают... нехорошо! Ну, а потом – ты и всё сам хорошо должен помнить, что потом было. И вся Чехия под него легла, и Польша, и Бельгия с Голландией, и могучая Франция, и хладнокровная Норвегия, и гордая и храбрая Югославия – и всё под громогласное «ура», под всеобщий «одобрямс», под чепчики в воздухе, под хайль, хайль, хайль... А газовые камеры за нашей околицей, – Архипов зацокал языком, – ой, мы же не знали... ай-ай-ай.

Кирсанов смотрел на него, и действительно не знал, чем и как тому возразить. Горькая архиповская правда била его по ушам, вязала ему язык, цепко держала по рукам и ногам. Горькая и от того такая обидная. И в эту минуту он почувствовал себя беззащитной немецкой женщиной, к которой в дверь ломится целая ватага чужих солдат. Брр! – Кирсанов весь поёжился от мысли, что его могло ожидать.

Машинально попытался возразить:

– Ну, ты сравнил... Гитлер и эти, наши... Причем здесь... концлагеря-то?

– Да при том! – резко перебил его Архипов, – и тогда, и сейчас – геноцид! Политика, направленная на уничтожение населения на оккупированной территории, понимаешь? Война Холодная проиграна, большую побежденную страну раздербанили на несколько маленьких, в каждую – оккупационную администрацию поставили, гауляйтеров своих, только из местных. А теперь уничтожают население здесь. Медленно, но верно. Систематически и со знанием дела. И чтоб незаметно было, чтоб народ прочухать не успел. Жратвой и водой поганой, воздухом отравленным, медициной и таблетками некачественными, стрессами постоянными. А зачем? Так я же уже тебе сказал: чтобы место освободить под сдачу всего в аренду. Чтоб недра наши качать и туда, – Архипов махнул рукой в сторону, – продавать, а не здесь на нас тратить. Ведь когда нас много – нам и ресурсов много нужно. А так – всё лишнее продать можно. А деньги вырученные, миллиарды и триллионы – себе, в карманы офшорные... Отработал вахту здесь – и туда, на покой... А ещё – да чтобы просто нас меньше здесь стало, чтобы не могли мы им сопротивление оказывать. Ведь ты что думаешь, нас, россиян, что, сто сорок миллионов, как везде говорят? Официальная статистика их. Дудки! Враки это! Миллионов восемьдесят от силы осталось. Остальные – кто сам помер, кого убили, кто не родился, кто в петлю полез с жизни такой, кто за границу сбежал. А они нам лапшу на уши...

– Ну, брат, ты хватил, геноцид... – вставил Кирсанов.

– Да, да, именно! Геноцид! Самый настоящий! – опять перебил его Архипов. – Только технологии изменились. Газовые камеры сменились на полки продовольственные, кучи мусорные токсичные, медицину платную или бесполезную, а надсмотрщики – на камеры всевидящие и разномастных сборщиков долгов. И процесс по времени растянули... Да, вот тебе – пример хороший. Собаки.

– Что собаки?

– Ты вспомни, прежний мэр московский всё с бездомными, бродячими собаками боролся. Их тогда кругом в Москве развелось... Нападали на прохожих, детей кусали, в общем, облик города портили. Тогда ещё все газеты про это писали... Ну, вспомнил?.. «Московский Комсомолец», это... В новостях ещё показывали... Ну?

Кирсанов продолжал так же смотреть на Архипова, не выражая на лице никаких эмоций и воспоминаний.

Архипов продолжал:

– Народ тогда возмущался, как это они, живодёры, так к собачкам бедным, братьям нашим меньшим, относятся... ловят их, убивают, потом на свалку выбрасывают... Белый Бим Чёрное ухо какой-то получается... Ещё эта, как её, сиястая такая актриска, эта... как её... Бриджит Бордо, о! – Архипов заулыбался, вспоминая этот вечно чуть приоткрытый ротик и пышный и когда-то вожделенный всей мужской половиной человечества бюст, – француженка эта возмущалась больше всех, на мэра тогда бочку катила, судами меж-

дународными ему грозила. Так что ты думаешь? Мэр репу себе лысую почесал, почесал, подумал, зачем ему это, и велел собачек по-другому со свету изводить. Их стали ловить, кастрировать и на волю выпускать. И кобелей, и сук. Ещё и накормят на дорожку хвостатых. Во как! Все живы – все довольны. Только собак бродячих, как мэр того и хотел, скоро не стало в Москве. Не народились они больше. Амба! Вот тебе и современные технологии: без шума и пыли. А ты говоришь...

Кирсанов молчал, понутив взгляд. Потом взглянул на Архипова, глубоко вздохнул и промолвил:

– Хорошо. Я проведу вас мимо постов. Снег там только глубокий будет. Чуть только засветает, и дорогу станет видно.

– Добро! Я в тебя верил, Дмитрий... Николаич. Добро!

Глава XLIV

Ропотовы довольно быстро освоились на даче Кирсанова. В доме снова закипела жизнь – стоило только опять запустить печку. Печь работала, не переставая. Тепло уже всюду ощущалось даже на втором этаже. Но детей с бабушкой всё равно пока оставляли на ночь на первом.

Уже на следующий после их приезда день Ропотов устроил всем баню. Ему понравился опыт Кирсанова с двумя тазами, ковшиком и вёдрами. Всех опять разделили по двое.

Первыми помыли мальчиков. Следом за ними мылись Лена с Ларисой Вячеславовной. Потом Ольга и Наташа. Ну, и в самом конце этой длинной очереди был сам Ропотов.

Как же восхитительно это давно и, казалось бы, навсегда забытое ощущение тёплой воды, стекающей по телу: грязному, покрытому толстым и заскорузлым слоем сала, пропитанному едким потом и солью, разъедающей кожу и слизистые! Как приятны незамысловатые движения такой же тёплой, нежной и пышущей ароматом мыла губки, когда с каждым её прикосновением растворяется грязь, пропадает желание чесаться, а с ним сходит на нет и само раздражение от постоянной чесотки: непроходимой, жуткой, сводящей с ума! И сколько удовольствия, пожалуй, ни с чем не сравнимого – от того, как после такой бани ты, весь разгоряченный, чистый, душистый и снова дышащий кожей одеваешься во всё чистое, а пока одеваешься, смотришь краем глаза с лёгким пренебрежением и глупым стыдом на кучку грязного вонючего белья, которое ещё каких-нибудь пятнадцать минут назад было частью тебя, плотно облегало твоё тело, сопровождало повсюду.

Тепло в доме, баня, чистое бельё, горячая еда по расписанию: казалось бы, такие простые и прозаичные вещи, но отними их – и ты получишь сущий ад. Ад, которые пережили москвичи в ту уходящую зиму, в начале той весны. К величайшему сожалению, не все. Люди жили, не ведая своего счастья, не представляя, что лишиться всего этого возможно

в один миг – и это в двадцать первом веке, на пороге шестого технологического уклада, в век высоких и нанотехнологий, вездесущего Интернета и безналичных денег. Без электричества, без тепла, без еды, без воды, без канализации, без медицинской помощи! Кто может это объяснить?! И кто ответит за это?!

Ропотов проснулся в тот день – а это было восьмое марта – раньше всех. Лена спала рядом, сладко посапывая носом, который, казалось, один только и выглядывал из-под её одеяла. Спать больше не хотелось. Мысли, что подарить его многочисленным спутницам-женщинам, отгоняли сон. Баню им он устроил. Встретят свой праздник чистыми. Что ещё? Будет с мальчиками мыть весь день посуду? Можно. Можно ещё сходить втроём на пруд за рогозом – каждой женщине получится по букету. Или сделать один на всех?

Неожиданно Ропотов обратил внимание на вертикальную щель в стене, в дальнем углу комнаты, внизу, у самого пола. Зрительно она выделялась среди всей стены. Второй этаж дома был обит вагонкой, поэтому ничего удивительного в том, что одна из щелей между досками была шире других, на первый взгляд, не было. Но, тем не менее, в этой щели что-то было не так. Ропотов стал приглядываться. Но острота его зрения не позволяла всё как следует разглядеть. От напряжения в глазах он зажмурился. А потом и вовсе отвернулся. Он попробовал закрыть глаза и постараться заснуть. Но сон всё не шёл. Дурацкая щель в стене никак не выходила у него

из головы. Он снова повернулся на другой бок и стал всматриваться в неё. Что же там такое? Проще всего было подойти поближе и рассмотреть всё как следует, но вылезать из-под тёплого одеяла и вставать ради такой чепухи совсем не хотелось.

Что могло быть за этой стеной? Ропотов стал представлять себя строителем. В мансардных этажах с двускатной крышей, какой была крыша этого дома, обычно обрезают все углы: так все видимые помещения приобретают привычные прямоугольные очертания. Вот и в этой комнате, занимающей практически весь полезный объем второго этажа, стены и потолок ровные. Стена с большим окном на улицу, две глухие стены и стена с дверью, за которой – лестница на первый этаж и окно во двор, освещающее лестницу.

Другое дело, когда из экономии места стены в мансарде делают ломаными, повторяющими геометрию крыши. В такой мансарде, помимо фронтонных окон, часто устраивают ещё и мансардные окна, для чего в крыше вырезают проемы. Такая мансарда не имеет чердака, но в ней всегда открыты взору конструктивные массивные балки перекрытия, которые для контраста чаще всего выделяют темно-коричневой краской. В этой комнате балки не видны, а значит, над потолком есть чердак.

«Надо будет посмотреть снаружи: там должны быть слуховые окошки наверху», – подумал Ропотов.

Если есть окошки на чердаке, тогда к нему должен быть

доступ. Вероятно, за дверью над лестницей какой-нибудь люк.

«Посмотрю, как встану. Наверное, он там есть, этот люк», – продолжал рассуждать про себя Ропотов, которому уже совсем не спалось в это утро.

А если боковые стены ровные, значит, за ними мансардные боковины и скаты крыши. Если боковины узкие, они, как правило, никак не используются и даже не утепляются. Но если не узкие, в них можно обустроить какие-нибудь технические помещения, например, кладовки или встроенные шкафы, ниши, полки.

Так вот что там может быть. Какая-нибудь кладовка, а щель – не что иное, как дверца в неё.

«Ну, слава Богу! А то я себе всю голову сломал с этой щелью», – довольный собой и собственной сообразительностью, выдохнул Ропотов.

Дверца. Понятно. Интересно, что там за ней, в этой кладовке?

Любопытство всё же пересилило желание ещё немного полежать и понежиться под одеялом. Он с силой выдохнул воздух и стал смотреть, как расходится пар.

«Да, надо вставать и идти растапливать печку», – решил наконец он. Тут же встал, сунул ноги в валенки и, скрипя половицами так, что Лена стала ворочаться, подошёл к той самой щели на стене. Теперь он чётко видел очертания небольшой, высотой с метр, дверцы.

Но что-то явно в этой дверце было не так. Слишком яркой была одна из щелей: та самая, что уже давно не давала ему покоя.

Ропотов внимательно стал рассматривать дверцу. И тут он заметил один неприметный, но всё же выделяющийся среди других шуруп у самой этой щели. Этот шуруп, в отличие от других таких же в линии, был не до конца закручен.

Ропотов взял его кончиками большого и указательного пальцев правой руки и потянул на себя. На удивление, шуруп легко поддался ему и вылез из своего отверстия почти полностью, но в самом конце всё равно как будто во что-то упёрся и дальше вылезать не хотел.

Тогда Ропотов усилил давление. Раздался щелчок, шуруп выскочил еще немного, и дверца открылась. «Вот оно что! Потайная дверца с потайным замком...», – только и успел подумать Ропотов, прежде чем замереть как окаменевший.

В кладовке был свет. Обычная лампочка накаливания смотрела на него своим постоянным не дрожащим свечением.

Свет лампочки произвёл на Ропотова впечатление чуда. Он огляделся. В кладовке были два телевизора, микроволновка и большой блестящий, судя по всему, старинный самовар. Очевидно, сюда Кирсанов убирал на зиму наиболее ценные вещи, чтобы их не смогли найти воры, и чтобы не возить их каждый год туда-сюда. Отлично придумано! Молодец Кирсанов: сразу и не догадаешься. Но откуда здесь свет?

Ропотов просунул в проём голову. К лампочке тянулся провод. Ропотов пробежался по нему глазами сначала вверх по нижнему стропилу, а затем вниз – по внутренней стороне боковой стены, пока его взгляд не упёрся в выключатель. Ропотов немедленно потянулся рукой к клавише выключателя. Щёлк! И свет погас. Щёлк! И зажёгся. Ропотов пощёлкал клавишей ещё несколько раз. Свет каждый раз то гас, то загорался вновь.

«Не может быть! Эврика!» – осенило его.

Ропотов побежал к двери в комнату и ткнул пальцем в клавишу уже другого выключателя.

Щёлк! И в тот же миг комната озарилась ярким электрическим светом.

«Лёш, ты что? Выключи свет! Ещё же ночь совсем», – недовольным голосом пробурчала сонная Лена. Она машинально стала прятать лицо под одеяло.

– Ленка! Свет дали! – прокричал Ропотов.

– Лена открыла глаза, и через секунду уже сидела на кровати, не веря происходящему.

– Свет... – по её щекам потекли слёзы, слёзы счастья.

Глава XLV

Вскоре на даче Кирсановых уже не спал никто. Радость от светящихся лампочек была неподдельная, поистине выстраданная. У всех было по-настоящему приподнятое настрое-

ние, дети смеялись, бабушка Лариса всё время причитала, вытирала слёзы. По этому случаю впервые по-дружески заговорили между собой Лена и Ольга, и они также впервые стали называть друг друга по имени. Даже Наташа, судя по всему, стала приходить в себя. В разговоре она уже осознанно говорила о смерти своей матери как о случившемся событии, переживала за исчезнувшего отца. Старшие женщины, как могли, утешали её.

Ропотов объявил, что сегодняшнее своё открытие он посвящает всей женской части их временного пристанища и предлагает принять его как подарок.

Все засмеялись, Лена и Ольга от души улыбались. Лариса Вячеславовна сказала в ответ, что это самый лучший в её жизни подарок на Восьмое марта. В общем, предложение Алексея было принято на ура. Потом все решили, что нужно немедленно собирать праздничный стол.

– Начнём праздновать прямо с завтрака! – восторженно произнесла Ольга.

– И продолжим во время обеда! – вторила ей Наташа.

– Тогда уж и за ужином тоже отпразднуем, – засмеялась Лена.

– Девушки дорогие! У нас же есть телевизор, – вспомнил Ропотов.

– Ура! – в один голос закричали дети.

Вскоре Ропотов принёс из кладовки телевизор, наладил все провода и подключил антенну.

Наконец телевизор заработал. Все жадно прильнули к экрану. Лена и Ольга продолжали при этом собирать на стол.

На первом канале шла трансляция митинга из Москвы, с Манежной площади. Несмотря на холод ранней весны, отчаянное положение москвичей и неработающий транспорт, на площади в это время было очень много людей. Толпа живо реагировала на слова выступавших на трибуне. Сама трибуна находилась высоко: на балконе гостиницы «Москва». Огромные динамики, стоявшие внизу возле входа в гостиницу, были обращены в сторону Манежа. Людей, которые стояли на балконе, – их периодически показывали крупным планом, – никто в доме, включая Ропотова, не знал. И это было весьма удивительно.

Все стали жадно прислушиваться к словам выступающих.

Оратор у микрофона говорил:

«Эти дни навсегда войдут в историю нашей страны. Преступный режим узурпатора низвергнут, сам он бежал, а его приспешники арестованы. Народ взял власть в свои руки. Народ и армия едины!»

Толпа заревела от восторга.

Следующий оратор продолжал:

«Армия поддержала повстанцев. Мы все – дети одного народа, и никому из нас не безразлична судьба страны. Мы готовы умереть за свободу. Да здравствует революция! Да здравствует свободная Россия!»

Он уступил своё место, и к микрофону вышел следующий

оратор. Тот сразу стал скандировать:

«Пока мы едины, мы непобедимы! Пока мы едины, мы непобедимы!!!»

Толпа уверенно подхватила лозунг.

Выступающий, упоенный чувством владения толпой, продолжал:

«Все преступные антинародные законы будут отменены!»

Толпа одобрительно заревела.

«Мы исправим ошибки наших отцов, остановившихся в девяносто первом. Ненавистная всеми Бастилия – дом кровавой гэбни на Лубянке – будет уничтожен. Камня на камне от него не оставим!»

Толпа снова заревела, улюлюкая.

«Все, кто прислуживал преступному режиму, будет люстрирован!»

Одобрительный гул тысяч восторженных голосов сменился скандированием, который тут же подхватил оратор: «Люстрация! Люстрация! Люстрация!» Оратор не унимался:

«Все жулики и воры должны вернуть награбленное! Россия, наконец, присоединится к Международной конвенции против коррупции, и кто не докажет законность происхождения своих богатств, вернет их государству! Мы потребуем возвращения всех украденных и вывезенных из страны денег! На эти деньги мы отстроим новую свободную Россию!»

Толпа стала скандировать:

«Россия снова станет свободной! Россия снова станет сво-

бодной!»

К микрофону подошёл новый оратор, а предыдущий отстранился.

«Россияне! Я – простой учитель из Пензы. Моя фамилия – Архипов. Ещё полгода назад я даже не помышлял, что буду творить историю! А вчера я вместе со своими товарищами – героическими «повстанцами» участвовал в захвате Кремля. Мы захватили Кремль – и мы победили!»

Толпа ревела в неистовстве, не желая успокаиваться.

Архипов, делая знак рукой «успокоиться», продолжал:

«Граждане свободной России! Россияне! Мы все с вами сегодня вершим историю. И мы больше никому не позволим отнять у нас нашу победу, отнять власть у народа! Наше дело правое! Мы победили! Да здравствует революция! Да здравствует диктатура Закона и справедливости! Ура!»

Последние его слова утонули во всеобщем гуле и в овациях его радующихся на трибуне товарищей. Это был их общий триумф, по всему было видно, что они до беспамятства пьяны им. Такие минуты никогда больше не повторятся в их жизни и будут вспоминаться ими потом до самого смертного одра: они это хорошо понимали. Понимали и вкушали эти минуты славы без остатка.

–

Во дела в Москве творятся! – покачал головой Ропотов и включил на пульте вторую кнопку.

На другом канале шла трансляция какой-то пресс-конфе-

ренции в большом ярко освещённом зале, полном журналистов.

За длинным столом, через широкий проход от основного зала сидело несколько человек, двоих из которых только что показывали на балконе гостиницы «Москва» на Манежной площади. Один из них громко и уверенно, по-хозяйски говорил:

– Мы уже восстановили электроснабжение в столичном энергетическом кольце, где-то ещё возможны перебои, но в целом каскадное включение пошло. На повестке: восстановление всех систем жизнеобеспечения города и ближайших к нему районов.

Из зала донёсся вопрос:

– В Москве голод, многие москвичи до сих пор находятся на грани жизни и смерти в своих квартирах. Скажите, как вы планируете их спасти.

Сидевшие за столом переглянулись между собой, и кто-то из них взялся ответить:

– По договоренности с военными в Москву уже сейчас направляются полевые кухни. В каждом районе столицы будут действовать, и их будет несколько – чтобы каждый мог дойти из своего дома – пункты горячего питания. Военные также будут постоянно курсировать по всем дворам москвичей и раздавать людям сухие пайки. Также, пока не будет восстановлено отопление в жилых домах, мы призываем москвичей разводить во дворах костры, чтобы согреться. К

кострам как раз и будут подъезжать военные автомобили с сухпайками и полевыми передвижными кухнями. Да, кроме того, военным поставлена задача наведения порядка и пресечения грабежей, убийств и мародёрства. Население, получившее сейчас, в результате всех этих революционных событий, оружие, должно его сдать. Город должен как можно быстрее вернуться к мирной жизни.

Кто-то из зала снова спросил:

– А кто из вас или из ваших товарищей возглавит новое правительство?

Сидящие за столом опять переглянулись и на этот раз уже рассмеялись. Один из них, как будто упреждая остальных, стал отвечать:

– В новой Российской Республике вскоре будет созвано подлинное Конституционное собрание, которое и определит дальнейший вектор развития нашей страны, а также форму правления и главные государственные органы. На правах отцов Революции мы взяли на себя историческую ответственность и образовали Комитет национального спасения, который и сформирует Правительство национального спасения. Нас девять человек, мы все – сопредседатели этого Комитета. Четверо как раз – в этом зале. И все мы, девять человек, – равные между собой.

В зале раздались аплодисменты. Журналисты продолжали наперебой задавать вопросы:

– Скажите, а что первым делом примет ваш Комитет, ка-

кие решения?

– Сколько времени будет действовать Комитет?

Один из сидевших за столом попытался ответить:

– Наш Комитет уже приступил к работе. Первым делом, как вы только что слышали, мы решим вопрос с восстановлением жизни города, Москвы. Конституционное собрание завершит свою работу ровно через год. Подготовленная специалистами и обсужденная с народом Конституция будет вынесена на всенародный референдум. Если она будет принята большинством наших граждан, еще через три месяца состоятся выборы в парламент, который должен будет сформировать новое правительство. А Правительство национального спасения сразу же сложит перед ним свои полномочия. Если же в Конституции будет предусмотрена должность Президента, он станет гарантом новой Конституции. И больше никаких суперполномочий у него, никаких вмешательств в работу исполнительной власти, никаких двух-трёх сроков подряд, никаких обнулений и тому подобного. Ну, вы всё хорошо сами знаете... В зале раздался редкий смех.

Другой приглашённый спикер подхватил:

– Да, я хочу специально отметить, что никто из нас, девятиерых сопредседателей Комитета национального спасения, не сможет впоследствии претендовать на руководящие посты в будущем правительстве или занять президентское кресло. Мы так между собой договорились и публично сейчас об этом говорим. Обеспечение перехода власти к луч-

шим из представителей народа в течение всего временного периода, а это год для принятия Конституции и ещё три месяца на выборы, и всё – в этом мы видим свою историческую миссию. Чтобы потом никаких соблазнов ни у кого из нас не возникало.

Они рассмеялись.

В зале тоже сначала раздался смех, который потом сменился аплодисментами.

Выступающий добавил:

– Мы, кстати, и никакой зарплаты всё это время получать за свою работу не будем. Будем работать и жить на полном гособеспечении: временное служебное жильё, питание, командировки.

Кто-то из журналистов прокричал:

– А если всё же такой соблазн возникнет, и вы передумаете делиться властью?

Тот же выступающий, что только что отвечал на предыдущий вопрос, начал говорить, разводя руками:

– Ну, вы же понимаете, что девять человек никогда не сговорятся между собой на подлое, у кого-нибудь из них совесть всё равно этого не позволит, не допустит. Но всё же, вы правы, мы и это продумали, – он ухмыльнулся, оглядел своих товарищей, – поэтому первый же Декрет нового Правительства национального спасения, а мы решили свои нормативные акты называть Декретами, как после Октябрьской революции столетней давности, будет как раз об этом самом. Примерно

такого он будет содержания: никто никогда в России больше не сможет узурпировать власть. Власть принадлежит народу. Наши граждане не только вправе принимать все возможные меры, но и обязаны их принять, чтобы не допустить узурпации власти кем-то одним или какой-то узкой группой лиц. Вплоть до ликвидации, уничтожения, убийства узурпаторов, если уж называть вещи своими именами. И при этом никакой уголовной ответственности такие граждане не понесут. Вот положено будет по Конституции, например, президенту, скажем, один только срок три года быть на этой должности и не вмешиваться в работу правительства и суда, вот пусть через три и уходит. И для всех высших чиновников, кстати, строгие будут ограничения по срокам. А не уйдет, например, президент, будет Ваньку валять, захочет переписать под себя Конституцию, пусть знает, что любой военный или даже охранник собственный его пристрелить может, и ему ничего за это не будет. Только спасибо все скажут.

Зал снова разразился аплодисментами.

Выступавший, дождавшись, когда шум в зале смолкнет, добавил:

– Те же самые меры ответственности мы определим и для себя, и нашего нового переходного правительства.

Из зала тут же последовал новый короткий вопрос:

– А какие ещё будут Декреты?

Теперь слово взял ранее молчавший участник конференции: высокий лысый пожилой мужчина интеллигентного ви-

да в очках, костюме и галстук-бабочке:

– Наше новое переходное правительство сразу же после его формирования подготовит несколько первоочередных Декретов. Во-первых, будет объявлена люстрация пожизненная: для всех без исключения бывших государственных деятелей преступного режима и тех, кто его обслуживал. Высших партийных бонз, чиновников категории «А», губернаторов, топ-менеджеров госкорпораций, руководителей государственных электронных СМИ и их наиболее одиозных пропагандистов. То есть ограничение их в правах занимать государственные должности, участвовать в избирательных органах, в парламенте, в региональных собраниях, опять-таки в государственных СМИ. Пусть все эти деятели идут в науку, в бизнес, но не во власть. Для них дорога сюда заказана. Ни одного члена бывшей партии власти, ни одного министра-замминистра, ни одного сотрудника госбезопасности чтобы близко у власти больше не было. Никогда. Это первое. Дальше. Для всех этих деятелей и членов их семей закроем границу, пока будет выясняться происхождение их активов, а также причастность к преступлениям против народа. Следующее. Всех нынешних судей на всех уровнях – уволить! Им уже никто не доверяет. Судей наберем новых, пусть они даже непрофессиональными будут. Только репутация будет учитываться. Пусть сами жители выдвигают их из своих рядов, пока корпус профессиональных судей не сформируется заново. Из врачей, учителей, рабочих,

служащих будем набирать. Уголовное правосудие – отныне только через суд присяжных. Далее. Отмена пенсионной реформы, снижение пенсионного возраста, повышение пенсий и пособий. Далее. Полицию – разогнать. Будем заново набирать народную милицию, в два раза меньшую по численности. Кто из полицейских не пройдет полиграф, в милицию никогда больше не попадет. А вот Росгвардию – всю! – распустить. Новой власти незачем прятаться от своего народа. И армия, я думаю, такая большая нам тоже не нужна. Новая Россия ни с кем воевать не собирается. Но об этом я чуть позже скажу. То же самое, как с полицией, – с пенитенциарной системой. Штат тюремщиков – разогнать и сформировать заново. Для заключенных – широкая амнистия, активная замена наказания на домашний арест. Все политзаключенные и почти все предприниматели будут немедленно освобождены. Экономические статьи, также как и наркотические, – все подлежат пересмотру. Как наркотики подбрасывали, нам всем хорошо известно, а вам, журналистам, – особенно. У нас, между прочим, сейчас шестьдесят процентов всех заключенных за наркотики сидят. Это немыслимо!.. А вот для всех остальных заключенных, в том числе воров, убийц, насильников – нормальные человеческие условия в тюрьмах и колониях. Люди должны в них перевоспитываться, а не становиться закоренелыми рецидивистами и наставниками для тех, кто совершил первый раз ошибку. Да, особенно нужно порядок наводить в следственных изоляторах

– делать и там нормальные условия и жесткое ограничение по срокам – неосужденные люди не могут годами в СИЗО сидеть. Не смогло следствие за полгода доказать вину человека, нарушило грубо процедуру – выпускай! В этой связи – неперемный, под страхом долгой тюрьмы запрет пыток! Есть доказательства пыток – я считаю такого силовика сажать надо до конца его дней! Пожизненно. Далее. Выборы. Никакого чтобы дистанционного голосования на выборах. Только тайное прямое голосование, очная явка, видеокамеры и наблюдатели. И чтобы бюллетени и протоколы вечно хранились. Обязательность дебатов на всех выборах всех уровней. Политических партий пусть будет столько, сколько нужно людям. Минимум разрешительных ограничений для них и безусловный доступ к избирателю и к выборам. Нужно активно развивать межличностные коммуникации. Больше митингов, демонстраций, собраний, плебисцитов, профсоюзов. Нашим людям нужно заново учиться разговаривать друг с другом и договариваться между собой. Искусственно, я бы даже сказал, насильно навязанная нашему обществу атомизация, целенаправленное разделение и обособление людей, только лишь бы не совались в политику, и привели, в том числе, к нынешней катастрофе в Москве. Следующее. Без промедлений присоединяемся к Конвенции ООН против коррупции. Также одним из первых Декретов. Все бывшие и будущие – да-да, будущие! – чиновники, кто из них не сможет доказать соответствие активов своим дохо-

дам, и члены их семей, конечно же, отдадут их государству. Далее. Все крупные бизнесмены, активно коллаборационировавшие с прежней властью, то есть, грубо говоря, «пилившие» вместе с чиновниками бюджет, пусть уходят со своих постов, иначе никаких государственных подрядов их корпорации больше не получают. Далее. Налоги. Большая часть налогов должна оставаться в регионах. Вместе с деньгами регионы должны получить больше полномочий. Нам нужно снова вернуть к жизни нашу провинцию. То, что было сейчас, – когда Москва пухла от денег, а провинция сводила концы с концами, никуда не годится. Такого больше не будет. Далее. Простые и понятные людям законы и процедуры. Минимум законов. Будем быстро все отменять и вводить новые. Пока Декретами. Больше споров, особенно хозяйственных, должно рассматриваться в судах. Все – в суд! О судах я уже говорил. Подчеркну. Судебная система должна быть максимально прозрачная и доступная абсолютно всем. Теперь про налоги. Возвращаем прогрессивную шкалу подоходного налога. Богатые должны платить больше. Это справедливо. НДС – отменить. Вместо него пока будет небольшой косвенный налог с продаж, но никак не на добавленную стоимость, который уже уничтожает всякую промышленность, всякое производство, делает его нерентабельным. Потом и этот косвенный налог можно отменить. Ещё. Вводим новые налоги на роскошь и сверхнормативное имущество, в том числе на жилище. Нормы по жилью, кстати, нуж-

но повысить до уровня развитых стран. Метров пятьдесят – семьдесят на человека, не меньше. Всё, что больше нормы, – повышенная ставка. Налоговая система должна стимулировать развитие более сложного, наукоемкого производства, производство средств производства, извините за каламбур. Давно пора слезть с нефтяной иглы. Теперь уже на деле. К тому же скоро наши нефть и газ вообще никому в мире нужны не будут. Максимум через двадцать лет. Это просто мгновение для экономики. Нужно ускоренными темпами развивать альтернативную энергетику. Атомную энергетику, я считаю, тоже. Но это сложный вопрос. Здесь экология затрагивается. Большие экологические риски. Его тоже, я считаю, нужно выносить на всенародный референдум. Потому что, если второй Чернобыль рванет, – всех облаком накроет. Это надо понимать.

В горле у выступающего пересохло, и он сделал паузу и потянулся к графину с водой. Этой заминкой воспользовался его сосед, перехвативший у того слово:

– Да, коллеги, нами предусмотрено несколько референдумов по наиболее животрепещущим, чрезвычайно важным для всего нашего общества вопросам.

Предыдущий докладчик утвердительно закачал головой, отпивая из стакана воду и быстро играя своим кадыком. Его сменщик продолжал:

– Это и вопрос восстановления смертной казни, и разрешения владения гражданами огнестрельного оружия, и от-

каза от ядерного вооружения, и сокращения армии. Может быть, нам вообще ни к чему такая большая армия. Например, если мы боимся того же Китая, давайте спросим наших граждан, может быть, нам тогда вступить в НАТО? Я не думаю, что НАТО в этих новых, складывающихся сейчас условиях нам откажет. Или наоборот, давайте с китайцами оборонительный пакт заключим и объединим с ними свои вооруженные силы. Вот пусть граждане и решают, кто нам ближе. Я считаю также, что на референдум необходимо как можно быстрее вынести вопрос о территориальной принадлежности Курил и перво-наперво – Крыма. Чтобы снять все вопросы. Окончательно. Бесповоротно. Крым – это особая тема. Это капкан, в который угодила наша страна по прихоти и, я бы сказал, преступной глупости прежней власти. В Крыму живут наши с вами соотечественники, и просто так отказаться от них мы не можем, не имеем права. Но и восстанавливать отношения с международным сообществом и особенно с Украиной нам придется. Поэтому проводить новый референдум в самом Крыму тоже придется. Под международным контролем и среди всех жителей, которые жили там на момент воссоединения с Россией. И если они сами захотят вернуться в Украину, от Крыма придется отказаться, а всех, кто навсегда себя связал с Россией, – перевозить сюда, причем, куда они сами укажут, и их обустраивать на новом месте. Поверьте мне, люди – это большая ценность, чем сама земля.

– Да, да, правильно вы говорите, – спикер обратился к кому-то в зале, – давать людям подъемные. Да, о чём я?.. А! Да, волю народа нужно уважать. И если же, наоборот, большинство проголосует за Россию, тогда Крым, извините, наш. Но мы в таком случае обязаны будем компенсировать и украинским гражданам, и украинскому государству все их материальные потери в Крыму. И об этом нам придется – хотим мы или нет – проводить с украинской стороной сложные, очень сложные переговоры, определять размер компенсации. А как вы хотите? По-другому никак! Но для этого как раз нужен уже общероссийский референдум: согласны ли все россияне платить за Крым и за крымчан, которые хотят с нами жить в одном государстве. За Курилы, кстати, тоже платить придется: за потерянное японцами имущество в сорок пятом году. Этот капкан уже на совести советских руководителей. Но, по крайней мере, это не такая большая будет сумма, но её, тем не менее, всё же придётся выплачивать. А для начала определить, в том числе в пересчете на каждого россиянина, и предъявить нашим гражданам: готовы они, чтобы мы её выплатили, если все проголосуют за Курилы в составе России, или нет. И если граждане наши всё равно проголосуют за Курилы, а я уверен в этом, ни один государственный деятель в нашей стране, ни один президент больше даже не заикнется об их уступке Японии. И те, наконец, успокоятся. Я надеюсь.

Лысый спикер не преминул дополнить своего коллегу,

вернув себе слово:

– Безусловно, и я здесь полностью разделяю прозвучавшую только что позицию моего уважаемого коллеги, без восстановления добрососедских отношений со всеми странами и всеми акторами современной международной геополитики и без прекращения (категорического!) милитаристской, реваншистской, просто агрессивной и авантюрной политики, направленной на поддержание у власти узурпаторских и антинародных режимов по всему миру, новой Российской Республики у нас не будет. Получится очередной уродец вроде Советского Союза или Российской Федерации, в худшем их проявлении. И мы с вами рано или поздно получим очередную национальную катастрофу, только уже без шансов на возрождение. Наша задача: сохранить Россию, сберечь её население и обеспечить всем комфортные условия для жизни, мотивирующие людей к личностному развитию и, извините, к размножению тоже.

По залу снова пробежал смешок.

Лысый интеллигент продолжал:

– Именно поэтому я считаю, что нужно закрепить Законом и Конституцией – конечно, также проведя по этому вопросу референдум, о справедливом распределении национального богатства среди всех граждан России, а именно сейчас я говорю о ежегодных рентных платежах каждому (я подчеркиваю: каждому!) россиянину от продажи за границу наших общих недр и других природных ресурсов: леса,

воды, пушнины и так далее. И согласитесь, друзья мои, что платежи тем нашим гражданам, кто живёт и работает на территориях, где эти недра и ресурсы добываются, а эти территории, напомню вам, в основном, малопригодны для жизни, должны быть существенно выше. И это тоже отвечает принципу справедливости.

Этот самый импозантный, с бабочкой, спикер закончил своё предложение, и тут же из зала кто-то прокричал очередной вопрос:

– Интересное дело, а где вы столько денег возьмете, чтобы раздавать их направо и налево? Это же популизм, вам не кажется?

– Очень хороший вопрос, – уцепился за него лысый спикер, с готовностью продолжая на него отвечать. – Совсем не популизм. И я Вам, коллега, сейчас это докажу. Прежде всего, мы высвободим под все первоочередные меры и вернем в экономику все коррупционные деньги. Друзья мои, поверьте мне, это огромная сумма; сумма, превышающая ежегодные доходы всего консолидированного бюджета нынешней, точнее, уже уходящей в историю Российской Федерации. Можете начинать загибать пальцы. Второй важнейший источник: экономия за счет сокращения, существенного сокращения правоохранительных органов, армии и государственного аппарата. Отменив большую часть ненужных, да что там – вредных законов и процедур, сами собой отпадут многие государственные функции, и соответственно, без работы оста-

нутся служащие, которые их сейчас осуществляют. Смотрите, если, например, наши граждане выскажутся на референдуме за отказ России от ядерного статуса, а мы обязательно перед самым референдумом тщательно посчитаем и объявим сумму, в которую обходится нам поддержание, я считаю, бессмысленного и опасного ядерного щита и таких теперь бессмысленных расходов на космос, где мы уже безнадежно отстали и от американцев, и от китайцев – вот вам и еще деньги. Причем, немалые. Третье. Загибайте, загибайте палец! Напомню Вам, в бюджете на этот год доля закрытых, секретных статей составляла пятую часть. Представляете, пятую! На что тратились эти огромные деньги? На поддержку сирийского друга нашего Президента, такого же или ещё большего людоеда? На войны в Ливии, Йемене, на Украине? На управление миграционными потоками в Европу? На центральноафриканские авантюры, на частные армии и секретные тюрьмы? Или, может быть, на венесуэльскую наркомафию, захватившую эту некогда процветавшую латиноамериканскую страну, между прочим, с самыми большими в мире нефтяными запасами. А теперь уже половина всего местного населения превратилось в беженцев благодаря местным властям. Кто-нибудь, скажите мне, что мы там забыли?! Или, может быть, на сеть секретных агентов по всему миру, по заданию Кремля собиравших компромат на политиков; на тайные и загадочные убийства, на подготовку государственных переворотов? Вот вам ещё деньги. В прекрасной России бу-

дущего правительство не будет заниматься такими глупостями, тем более что это всё – самые настоящие преступления против международного права, за которые их организаторы, по-хорошему, должны предстать перед судом в Гааге. Что ж, мы приложим свои усилия и для этого. Выдадим всех международных преступников, пусть там проводят следствие с ними. Мы никого укрывать не намерены. И поэтому мы вправе надеяться, со своей стороны, что и тех воров, которые ограбили наш народ и сбежали с нашими деньгами за границу, вернут нам. Для честного и справедливого суда, разумеется. Мы им это обеспечим. А также вернут нам украденные ими у нас с вами деньги. Да, будем продавать их дворцы, яхты, виллы, самолёты, острова, виноградники, яйца Фаберже, картины, суперкары и всё, что у них там есть. Вот вам и ещё источник.

В это время к длинному столу стремительно подошла молодая женщина, очевидно работник телецентра. В руках она держала листок бумаги. Склонившись с ним к одному из участников, она что-то говорила ему почти на ухо. Тот взял у неё листок, стал смотреть на него, быстро пробегая глазами по строчкам сверху вниз. Потом вдруг прервал выступающего, обращаясь к слушателям.

– Минуточку внимания, коллеги! Я прошу прощения, что остановил Вас, Валерий Дмитриевич. Но здесь: срочное сообщение.

– Да-да, пожалуйста, – согласился лысый мужчина.

– Коллеги, только что пришла молния. Самолёт с бывшим Президентом Российской Федерации приземлился в Вашингтоне. Правительство Соединенных Штатов рассмотрит его просьбу о предоставлении политического убежища ему и членам его семьи, заявил Глава Белого дома. Президент США также заявил, что в случае поступления обращения от новых российских властей Правительство США будет готово обеспечить участие бывшего Президента России в судебном процессе посредством телемоста, а также предоставить ему необходимую юридическую защиту. В случае признания его вины в результате справедливого и беспристрастного судебного процесса, который признают Соединенные Штаты, бывший Президент России может быть выдан властям его страны для приведения приговора в исполнение на территории России.

Зал зашумел. Журналисты стали громко обсуждать эту последнюю новость. Один из организаторов пресс-конференции призвал всех к порядку.

– Тише! Тише! Господа! Коллеги, пожалуйста, тише. Давайте вернёмся к нашему формату. Задавайте свои вопросы нашим уважаемым спикерам!

Один журналистов тут же прокричал:

– Вы готовы провести суд над Президентом?

Говорить взялся снова лысый мужчина:

– Конечно же, готовы. Он должен ответить за все свои преступления, совершенные перед страной и народом, и не толь-

ко перед нами одними. Поверьте, друзья мои, сейчас быстро появятся свидетели, а я знаю, что они есть, что они всё это время молчали и ждали, когда представится такая возможность. Он ответит: и за взрывы домов с мирными жителями, и за политические убийства здесь, и за отравления за границей, и за разграбление его друзьями нашей страны, за развязанные войны, сбитый «Боинг», ну и конечно же, за недавнее кровопролитие у стен мэрии, за каждую жертву ответит. И когда мы всё узнаем, когда правда выйдет наружу, поверьте мне, мы ужаснёмся. Поверьте мне! Что-что, а справедливый и беспристрастный суд мы ему обеспечим. И такую же справедливую меру наказания, будьте уверены.

Выступающий вдруг засмеялся в голос. Снял свои очки и стал их тщательно протирать платком, продолжая:

– Надо же, всё время нас всех Америкой пугал, и наоборот, Америку – нами. А как клюнул его жареный петух, он туда и сбежал. Вот ведь ирония судьбы!

Зал снова зашёлся смехом. Пока из него не прозвучал очередной вопрос:

– А куда ваше правительство планирует трудоустроить целую армию увольняемых людей: госслужащих, правоохранителей, военных?

Слово взял самый молодой из участников пресс-конференции. Говорил он, слегка заикаясь и делая большие паузы, видимо, из-за отсутствия опыта публичных выступлений:

– Мой коллега не назвал ещё один важный источник денег

для новой Российской Республики. Эти средства появятся, может быть, не сразу, но я надеюсь, через какое-то время они превысят все прочие источники. Это – доходы от новой экономики. Экономики, которая будет обращена прежде всего на формирование и обеспечение внутреннего платежеспособного спроса, на создание новых рабочих мест. В первую очередь, это малый и средний бизнес. И вот для этой экономики нам потребуются огромные и качественные трудовые ресурсы. Ради неё мы упростим все правила и максимально снизим барьеры и разрешения. Новый госбанк, которому перейдут функции нынешнего Центрального банка, обеспечит массового предпринимателя и его работников дешевыми кредитными деньгами. И это будут уже не низкоквалифицированные и бесправные, как наши среднеазиатские мигранты, в большинстве своём, а грамотные и полностью адаптированные для нашей страны и нашей культуры наши же люди, ответственные как за своё будущее, так и за будущее России. Вчерашние государственные служащие, военные, полицейские. Давайте посмотрим, какие потребности (базовые) у нас самые нереализованные сейчас? И, вместе с тем, наиболее капиталоемкие. Правильно, жильё. Просторное, комфортабельное, низкоэтажное, со своим участком земли, если хотите. У нас самая просторная страна в мире. Почему же мы должны жить в двадцати-тридцати этажных человекиниках, в убогих, по максимуму уплотненных квартирах, ещё и платить за это кабальные проценты? Или в

доставшихся по наследству аварийных, разваливающихся на глазах домах, построенных ещё при царе Горохе и ни разу с тех пор не ремонтировавшихся? Новой России нужно много нового жилья, и нужна совершенно новая жилищная политика. Сейчас знаете, сколько процентов в цене квадратного метра в новостройке занимает стоимость цемента? В коробке, построенной практически только из одного бетона и ещё стекла? Пять процентов! А половина, даже больше – взятки и откаты. Вот поэтому нашим людям, тем более если они хотят заводить детей и много детей, негде жить и некуда расширяться. Строительство массового малоэтажного жилья позволит нам не только решить эту задачу, но и ввести в оборот и привести в порядок огромные площади пустующих сейчас земель, не пригодных для сельского хозяйства. Забудьте про Москву и километры от МКАД. Каждый город, не только крупный, но и средний и малый нужно застраивать заново. Хочешь больше квартиру, значительно больше, чем сейчас, хочешь свой собственный дом с гаражом на две машины, хочешь придомовой участок земли, хочешь меньше тратить времени в пробках, дышать свежим воздухом – оставайся на своей малой родине или, если уже уехал в Москву, – возвращайся. Работы хватит всем! А подведение коммуникаций к новым домам и микрорайонам обеспечит государство и его естественные монополии. Строительство потребует много рабочих мест, много строительных материалов. Большие расстояния – это частный транспорт, новые ав-

томобили. Строительная сфера потянет за собой всё остальное, обрастёт кучей разных других сервисных отраслей. Ещё люди, ещё деньги. Дешёвый бензин, дешёвое электричество, дешёвый газ, вода – всё для людей. Подключение всех коммуникаций – бесплатное и без волокиты! Новые современные западные технологии, которые снова придут сюда, иностранные инвестиции в прозрачную перспективную экономику, нацеленную на удовлетворение потребностей всех наших граждан – всё это обеспечит страну дополнительными ресурсами. В Россию, демонстрирующую всему миру политику открытых дверей и простые, понятные всем правила ведения бизнеса, в Россию с новой судебной и политической системой и побеждённой коррупцией, в Россию, где никто больше не сможет захватить власть и грабить собственный народ, все в мире захотят вкладывать деньги, никто в стороне не останется. А если в такой стране захотят жить и реализовывать свои жизненные планы украинцы, белорусы, казахи, грузины, узбеки, молдаване, прибалты, европейцы, американцы – всех милости просим!

Ропотов выключил телевизор. От всего услышанного кругом шла голова. Члены его большой семьи, за исключением детей, которые ничего так и не поняли, сидели, боясь произнести слово. Они обо всём позабыли: и о давно остывшем завтраке, и о вновь обрётённом свете, и о женском празднике. Новая реальность из телевизора говорила им, кричала, что сегодня утром они проснулись в совершенно другой

стране. Была ли это и правда прекрасная Россия будущего, о которой так пылко рассказывали все те красивые и умные люди, или через какое-то время страна вернется к своему привычному уже всем состоянию, им только предстояло узнать. А для этого нужно было жить, жить и жить, и растить детей. Ну, а время, как всегда, покажет.

Вместо заключения

Слегка шатаясь, и не в силах осознать услышанное и увиденное только что, Ропотов вышел на улицу. Если бы он курил, он бы сейчас затянулся. На улице стало совсем тепло. С крыши капали, весело булькая, большие прозрачные, с кусочком солнца в каждой, капли. Солнце уже показалось полностью из-за близлежащего леса и ослепило Ропотова, стоило ему только повернуться тому навстречу. Встретившись со Светилом, он на миг ослеп и тут же зажмурился, радостно обнажив свои зубы, а потом также радостно, не открывая глаз и не отворачиваясь, медленно расслабил мышцы лица и расправил на нём морщины. Он всё также продолжал подставлять лицо под струящийся на него своими яркими и теплыми лучами солнечный свет и с глупым детским удовольствием наблюдать, как перед закрытыми его глазами причудливо расплзается чёрный круглый диск.

Когда он, наконец, отвернулся в сторону и открыл глаза, в них по-прежнему было темно; голова при этом сильно кру-

жилась.

Ропотов упёрся рукой в стену дома и постоял так немного, постепенно приходя в себя. Сказывалось длительное отсутствие нормального, богатого витаминами и микроэлементами питания. Потом он не спеша пошёл к калитке и также не спеша перешагнул её. Его взору открылась широкая заснеженная дорога. В её самом центре, занимая большую часть зрительного пространства, всё также продолжал стоять большой чёрный диск ослепившего его солнца. По мере того, как Ропотов всматривался в этот диск, тот растворялся. Пока наконец не превратился в одну маленькую точку вдаль. Ропотов всё смотрел на неё, ожидая, что вот-вот и она также растает, но точка никуда не исчезала. Напротив, ему показалось, что она даже росла.

Ропотов стал тереть глаза, затем снова посмотрел на то место, где видел точку. Точка стала больше.

«Вот те раз! Что это? Неужели, пора очки покупать?»

Ропотов стал всматриваться, щуря то один, то другой глаз, то сразу оба. И тут его осенило: перед ним там, пока ещё вдалеке, человеческий силуэт. Кто-то идёт сюда. Ну, да, прямо сюда!

Он вмиг посерьёзnel. Стал судорожно вспоминать, где оставил топор. Но продолжал оставаться на месте. Вспомнил: недалеко, возле поленницы дров. Сразу как-то немного полегчало. Ропотов стоял на том же месте и не отворачивался, а силуэт продолжал увеличиваться в размерах.

И тут ему показалось что-то знакомое в силуэте, в походке этого человека, в его осанке, во взмахах и опусканиях рук, в росте и толщине. Что-то совсем знакомое и такое близкое.

«Кирсанов! Ну, конечно же, он!»

Кирсанов был в худшем положении: очки свои он потерял где-то в снегу, ещё два дня назад, когда вёл отряд повстанцев уже по территории военной части, миновав с ними все КПП и оставшись незамеченными. Оттого Ропотова он увидел только в самом конце пути, когда до заветной калитки оставались всего какие-нибудь тридцать шагов. Все мысли Кирсанова были заняты только одним: живы ли его девочки Наташа и Оля, теперь уже его вторая дочь. И вдруг – перед ним Ропотов, улыбается, протягивает руки.

Они обнялись. Долго стояли, не отпуская друг друга. Потом посмотрели друг другу в глаза. Даже прослезились немного. Чуть-чуть. Самую малость.

Ропотов первым нарушил молчание:

– Все живы, не волнуйся. И Наташка твоя, и Ольга, и мои тоже – живы и здоровы... И что в Москве сейчас происходит – тоже знаем. Твой телевизор только что показал.

Кирсанов улыбнулся. С его плеч как будто упала целая гора.

– Ну, что, теперь и домой можно?

– Да, теперь уже точно можно... домой, в Москву.

26 февраля 2018 г. – 02 июня 2020 г.

г. Москва